ЕЖЕГОДНИКфинно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
- Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
- А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) председатель
- Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
- А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
- В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
- В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
- И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
- Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
- К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
- С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
- И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
- Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
- Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
- В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
- А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) заместитель гл. редактора
- Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
- Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
- Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
- Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
- Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ Международная ассоциация финно-угорских университетов ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Ижевск

2013

УДК 08 ББК 94.3 Е36

Главный редактор – Γ . В. Мерзлякова, доктор исторических наук, профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – A. B. Uимуратов, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – Д. И. Черашняя

Ежегодник финно-угорских исследований. Выпуск 2 / Науч. ред. А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 136 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

[©] Удмуртский государственный университет, 2013

[©] Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	7
<i>Цыганкин Д. В.</i> Этимологически общие уральские именные	
и глагольные основы в мордовских и ненецком языках	
(сравнительный аспект)	7
Ракин Н. А. Языковое своеобразие «Калевалы» и ее коми перевода	
(диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе	
А. И. Туркина)	. 15
<i>Динисламова О. Ю.</i> Фразеологическая картина мира народа манси	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	. 35
Мальцева Н. А. Отражение языческих представлений коми-пермяков	
в народной игре «Горань»	35
в пиродной игре «Горинь»	. 55
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	. 41
<i>Хакимова В. Х.</i> Национальный вопрос в художественном мире	
Гаяза Исхаки и Кедра Митрея	41
Горинова Н. В. Феномен двойничества в драме А. Лужикова	. 41
«Ыджыд висьом» (Большая болезнь)	16
«DIДжыд висвом» (DOЛЬшая облезнь)	. 40
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	. 55
<i>Лигенко Н. П.</i> Картины повседневной жизни крестьян	
с. Якшур-Бодьи Сарапульского уезда Вятской губернии.	
С. Якшур-водьи Сарапульского уезда вятской гуоерний. XIX – нач. XX в	55
Васильева О. И., Воронцов В. С. Национальная школа в Удмуртии:	. 33
	70
история и современность	
Атаманов М. Г. Из истории Староигринского городища Каргурезь	. 86
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	05
	. 93
Сорокина А. И., Сорокин И. В. Архитектурно-художественный	0.5
ансамбль «Открытый двор – Якшур-Бодья»	. 95
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ	101
Шадрин В. А., Чиркова Е. А. Экологическая ценность	101
Архитектурно-этнографического музея-заповедника (АЭМЗ)	
	101
«Лудорвай» (на примере растительного покрова)	101

ЮБИЛЕИ	114
Чикина Н. В. Георгий Мартынович Керт (к 90-летию со дня рождения)	114
РЕЦЕНЗИИ	120
Семёнов Ю. В. Рецензия на электронную версию энциклопедии	
«Удмуртская Республика: Просвещение, образование	
и педагогическая мысль»	120
Никольская Г. Н., Ившина В. М., Карпова Л. Л.	
О книге Е. В. Назаровой «Удмурт кыл. Дышетскон книга»	123
ОТЗЫВЫ	130
Тагирова Ф. И. Отзыв о кандидатской диссертации	
Разили Зуфаровны Садыковой «Валентность татарского	
глагола»	130

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.1

Д. В. Цыганкин

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИЕ УРАЛЬСКИЕ ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В МОРДОВСКИХ И НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье выявлены уральские именные глагольные основы в лексических фондах мордовского и ненецкого языков. На широком лексическом материале показано, как в каждом языке создаются связанные между собой общие глагольные основы, а также основы, имеющие статус автономности.

Ключевые слова: мордовский и ненецкий языки, этимологически общие глагольные основы, статус именных основ.

Финно-угорское языкознание располагает достаточным научным обоснованием того, что у современных финно-угорских и самодийских языков один источник происхождения, именуемый уральской языковой общностью. Прародина представителей этой общности с V по III тыс. до н.э. находилась в ареале между уральскими горами и рекою Обь.

После распада этой языковой общности на две ветви – финно-угорскую и самодийскую – первая из них переместилась на запад Урала.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, прафинно-угорский язык отделился от прасамодийского около 6 тыс. лет назад и существовал до конца III тысячелетия до н.э. (когда происходило разделение финно-пермской и угорской ветвей) [1. С. 467].

Будучи одной из ветвей уральской языковой общности, самодийские языки делятся на северо-восточные (ненецкий, по данным переписи 2002 г., на нем говорит более 41 тыс. чел.; энецкий -300 чел.; нганасанский -900 чел.) и юговосточные (селькупский -4200 чел. и исчезнувший камасинский: последний житель, говоривший на этом языке, умер в 1989 г. [3. C. 16]).

Цель нашей работы — выявить и описать этимологически общие именные и глагольные основы с точки зрения их морфологической структуры и общего лексического поля в мордовских и ненецком языках. Попытаемся выяснить, какое место уральские глагольные именные основы занимают в лексических фондах этих языков. Чем же обусловлено наше обращение к этой теме? Оно обусловлено рядом обстоятельств:

во-первых, ненецкий язык сохранил немало уральских именных и глагольных основ, имеющих прямые соответствия в мордовских языках и, таким образом, позволяющих уточнить или по-новому подойти к этимологии ряда мокшанских и эрзянских лексем;

во-вторых, в работах по этимологии финно-угорских языков ненецкие факты, иногда соответствующие мордовским, все же носят случайный характер. В таких исследованиях из самодийских языков стандартным представлен селькупский, хотя в ряде случаев, с точки зрения этимологической наглядности, ненецкие языковые факты более показательны;

в-третьих, ненецкие и мордовские этимологически общие именные и глагольные основы могут быть предметом сравнительного или сопоставительного изучения в аспекте не только их общей уральской основы, но и фонемоморфологической структуры;

наконец, в-четвертых, в обоих языках с уверенностью распознается уральский лексический слой, который может служить весомым вкладом в сравнительную и историческую лексикологию финно-угорских и самодийских языков. Историк этих языков не пройдет мимо соответствующих показаний ненецкого и мордовских языков.

Народность, говорящая на ненецком языке, населяет весьма обширную территорию от восточного побережья Белого моря на западе до нижнего течения реки Енисея на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере – до границы лесов на юге. Ненцы – самый многочисленный народ из самодийских. По данным Н. М. Терещенко [2], ненецкий язык распадается на два наречия: тундровое и лесное, различающиеся преимущественно фонетически, последнее представлено немногочисленной группой ненцев (около 2000 чел.). На лексическом материале тундрового наречия и составлен названный словарь Н. М. Терещенко, послуживший для нас основным источником для извлечения ненецких соответствий к мордовским этимологически общим именным и глагольным основам.

Словарные фонды мордовских и ненецкого языков обнаруживают, как выше сказано, немало этимологически общих основ, многие из которых по фонетическому, морфологическому строению и значению весьма близки. В зависимости от того, употребляется ли именная и глагольная основа автономно, то есть в качестве самостоятельного слова, или она связана (не самостоятельна), все соответствия мы подразделяем на несколько групп.

1. Именные основы, имеющие статус автономности как в мордовских, так и в ненецком языках.

Ср.: м., э. *сяв* «ость» – н. *сяв* «чешуя рыбы» [595]*; м. *кува*, э. *куво* «корка (хлеба)» – н. *хов а*** «шкурка, шкура животного [766];

^{*} Здесь и далее в квадратных скобках указаны страницы из [2].


```
м., э. кал «рыба» – н. халя* «рыба» [724];
м. келу, э. килей «береза» – н. хо «береза» [716];
м. седи, э. седей «сердце» – н. сей «сердце» [543];
м., э. нола «слизь» – н. нол «тина» [338];
м., э. толга «перо, крыло (птицы)» – н. то «крыло птицы» [641];
э. парнэ «жеребенок» – н. парнэ «обезьяна» [499];
м. пяле, э. пель «половина» – н. пеля «половина чего-либо» [457];
м. потя, э. поте «грудь (сосок) – н. пота «годовалый ребенок» [481];
м., э. сельме «глаз» – н. сев «глаз» [580];
м., э. тинге «ток (полевой)» – н. тин «амбар, склад, сарай» [660];
м. куцю «ложка» – н. ху «ложка» [776];
м. пона «внешность, образ» – н. пун «признак, примета» [488];
м., э. коз «кашель» – н. xo''\partial^{**} «кашель» [775];
м. пою, э. пой «осина» – н. паё «ольха» [434];
э. ямся «раздвоение» – н. ямз «пах» [84];
м., э. cah «сухожилие» – н. m \ni '(h)^{***} «жила» [694];
э. ни «жена» – н. не «женщина, девочка» [290];
м. карда, э. кардо «хлев» – н. харад «дом, здание, изба, поселок, село» [746];
м. пиза, э. пизэ «гнездо» – н. пидя «гнездо (птицы)» [464];
м., э. панар «рубашка» – н. пăныр» «качество плетения, вязки» [443];
м., э. сисем «семь» – н. си"йв «семь» [564];
м. сенч «кряква», э. сенькс «цапля» – н. сензя «глухарь» [546];
```

м., э. *куз* «ель» – н. *ха́ды* «ель» [719];

матери» [658];

- э. *панзей* «трясогузка» н. *пăнзё* «вошь» [441];
- э. *кренч* «ворон» н. *харна* «ворон» [750];
- м. *пурхцозу*, э. *пурсуз* «поросенок» н. *парась* '(н) «свинья» [447].

2. В мордовских языках именные основы автономны (самостоятельны), в ненецком – связаны.

м. *тидя* «мать» – н. *тидя* «младший брат матери, все мужчины из рода

Ср.: м., э. mon «огонь» – н. myn- (> $myna(cb)^{****}$ «подогреть, согреть у огня (например, шкуры, пимы, высушенные на солнце, чтобы сделать их мягче) [675];

 $^{^*}$ Звук, изображенный буквой x, — заднеязычный, довольно глубокий, артикулируется смыканием мягкого нёба и языка с задней частью языка. В мордовских языках в начале слова ему соответствует согласный κ .

^{**} Знаком " передается на письме неназализированный гортанный смычный, чередующийся в ряде форм со звуками ∂ , c и оглушающий последующие согласные звуки. Употребляется он как в конце, так и в середине слова.

^{***} У существительных с конечным гортанным смычным основы в скобках указан звук, с которым этот гортанный смычный чередуется в косвенных падежах. Знаком апострофа 'обозначается назализированный гортанный смычный звук, чередующийся в ряде форм со звуками H, \tilde{U} и озвончающий следующие за ним глухие согласные. Встречается он только в конце слова.

^{****} Суффикс инфинитивной формы (-cb) ставится в случаях стоящих рядом двух слов, из которых одно — глагол и отличается от другого только этим формантом. Более подробно об этом суффиксе [см.: 2].

- м., э. *тарад* «ветка» н. *тару* (> *таруита* «ветвистый») [637];
- м. варда, э. вардо «враг, чужой; черт» н. варда"- (> варда"ла(сь) «возмутить; вывести из себя, довести до крайности») [45];
- м. *мяль*, э. *мель* «желание; мнение; дума» н. *мен-* (> *мэне(сь)* «любить (кого-что-л.)») [269];
 - м. mя, э. me «этот, эта, это» н. mu- (> muкы «тот, та, то; этот, эта, то») [659];
 - м. лям «щи», э. лем «жир» н. лен- (> ленюй «застывший (о масле, жире)» [136];
- м., э. *нар* «луг, мелкая трава» н. *нар-* (> *нарий* «весенний, вешний; весна до ледохода») [285].

3. В каждом из языков именные основы осложнены морфологическими элементами.

- Ср.: м., э. *тев-* (> м. *тевлавт*, э. *тевелявт* «легкие») н. *тив-* (> *тивак*" «легкие») [656];
- м., э. вень- (> м. венель, э. венеле «снаружи, на дворе, вне дома») н. вен- (> веняд «не с той стороны, не оттуда») [73];
- м., э. *пос-* (> м. *поспанга*, э. *поспанго* «дождевик (гриб), *панго* «гриб») н. *пос-* (> *посё* «вздутие, пузырь»; *поса(сь)* «раздуться, распухнуть, вспухнуть, вздуться») [479];
- м., э. *пиз-* (> м. *пизем*, э. *пиземе* «дождь») н. *пыд-* (> *пыдё* «мелкий дождь, изморось») [495];
- м., э. *кун-* (> м. *кунф*, э. *кунст* «навзничь») н. *хунг-* (> *хунга́рць* «скорбиться, свернуться, стать суженным») [782]; *хунг* «изогнутая часть лодки» [281];
- э. *юмбор-* (> *юмборге* «суслик») н. *юмбэр-* (> *юмбэрць* «вести круг при охоте на песца загоном») [813];
- э. латя- (> латякарь «старый, изношенный, негодный лапоть», карь «лапоть») н. лата- (> лата(сь) «расшириться, вдавиться, вмяться; раздаться в разные стороны под тяжестью») [179];
 - м., э. *вар-* (> м. *варси*, э. *варака* «ворона») н. *вар-* (> *варн*э «ворона») [47];
- э. *ялав-* (> *ялавкаркс* «пояс с кистью [украшенный цветными нитками с бисером], имеющий обрядовый характер») н. *яла-* (> *яла́(сь)* «подвергнуть кого-либо действию колдовства, разрушив его здоровье и счастье [о шамане, духе]») [833];
- м., э. *кал-* (> м. *калма*, э. *калмо* «могила») н. *халь-* (> *хальмер* «покойник, мертвец» [728];
- м., э. *ко-, ку-* (> м. *коса*, э. *косо*; м., э. *кува* «где») н. *ху-* (> *хуна* «где, когда») [780];
- м. *ту-*, э. *туе-* (> м. *тумс* «уходить», э. *туема* «уход, отход») н. *туй-* (> *туйма* «момент заката солнца») [675];
 - м., э. *то-* (> *тона* «тот») н. *тă-* (> *таний* «тот») [627];
- м. *пяна*, э. *пани-* (> м. *пянакуд*, э. *панекудо* «русская изба (*кудо* «дом, изба»)») н. *пиня* «наружу, на внешнюю сторону (чего-л.)»; *пиняны* «наружный, внешний» [466].

4. В мордовских языках общая именная или глагольная основа связана, в ненецком – автономна.

Ср.: м., э. *карн-* (> *карнамс* «каркать») – н. *харна* «ворон» [750];

- э. *канз-* (> м. *канзеркс*, э. *канзёркс* «крупа, мелкий снег») н. *хăнзо* «прохладный (о погоде), прохладно» [738];
- м., э. мада- (> м. мадама, э. мадамо «помост, переход [из жердей или досок] через ручей или речку») н. мад «переправа, переход; перевал (горный)» [213];
- м., э. *мал-* (> м. *маласа*, э. *маласо* «близко, недалеко») н. *мал* «конец, вершина, верхушка, макушка, исток, верховье реки» [220];
 - м., э. *пук-* (> м. *пукша*, э. *пукшо* «ляжка») н. *пук* «мясистая часть ноги» [478];
 - э. *кор-* (> *корсяня* «чадный, угарный») н. *хор* «печь» [771];
- м. $\ddot{e}\phi$ -, э. \ddot{e} в- (> м. $\ddot{e}\phi$ тамс, э. \ddot{e} втамс «сказать, рассказать, сообщить [что-л.]») н. юн «известие, весть, новость» [813].

5. В мордовских языках общие глагольные основы связаны, в ненецком – могут быть как в связанном, так и в автономном употреблении.

- Ср.: м., э. *пур-* (> м. *пурьгиемс*, э. *пурнемс* «прокиснуть») н. *пур-* (> *пурамзь* «заржаветь, покрыться ржавчиной; заплесневеть, покрыться плесенью») [490] *пур''* «ржавчина, плесень»;
- э. *понг-* (> *понгомс* «попасться») н. *понгарць* «рыбачить, ловить сетью» *понга* «невод, сеть» [478];
- м., э. *ява-* (> *явамс* «истопиться») н. *яв-* (> *явута* «источник тепла») *ява* «тепло, теплота» [825];
- м. *пл*-, э. *пуль* (> м. *плманжа* «колено», э. *пульзямс* «встать [на колени]») н. *пул* (> *пулыта(сь)* «встать [на колени], сесть, скрестив под собой ноги») *пулы* «колено» [488];
- м., э. nель- (> nелемс «бояться, испугаться») н. nил- (> nилиь «испугаться [кого-чего-л.]») nuh «страх, боязнь, испуг» [465];
- м. эрхть-, э. эрть- (> м. эрхтемс, э. эртемс «стукнуть, ударить») н. ирт- (> ирте(сь) «поравняться с кем-либо; оказаться рядом») ирт» «прямо, напрямик, против, напротив (кого-чего-л.)» [150];
- м., э. $y\partial$ (> $y\partial$ омс «спать») н. $\omega\partial$ (> $\omega\partial$ э(сь) «сниться, присниться [кому-л.]; видеть во сне [кого-что-л.]») $\omega\partial$ э «сон, сноведение» [811];
- э. $nyp\partial$ (> $nyp\partial$ aмс «свернуть, повернуть в сторону») н. $nыp\partial$ (> $nыp\partial$ a(сь) «встать дыбом, взъерошиться») $nыp\partial$ ë «обратное течение воды в месте водоворота» [498];
- э. *пув-* (> *пувамс* «дуть [о ветре]») н. *пыв-* (> *пывуизь* «выветриться, стать обветренным») *пыв* «свежий, сухой (о ветре) [494];
- м. мянь-, э. мень- (> м. мянемс, э. менемс «вырваться, освободиться, прорваться») н. мин- (> минзь «идти, двигаться, передвигаться») мин «движение, бег, скорость» [251];
- м., э. nand- (> nandomc «наложить заплату, сделать ремонт одежды») н. nond- (> nonda(cb) «соединить, срастить части [чего-л.]; сшить вместе передок и задок пимы; запаять») nond (чемежду (чем-л.), среди (чего-л.)» [477];
- м., э. нев- (> м. невольдемс «сойти, отмереть [о коже]», э. невелдемс «выщипать, вытеребить») н. нин- (> ниней (сь) «ощипать [например птицу], вырвать, выщипать, выдернуть [перо, шерсть, траву]») ни- «слой (чего-л.), отделение (чего-л.)» [314];

- м., э. ванн- (> ванномс «рассмотреть, рассудить, разуметь») н. ван- (> ваннумзь «подумать, стать умным») вано «разум, рассудок» [44];
- э. *терь* (> *термямс* «путать, опутать, связать [части чего-л.]») н. *тер* (> *тере*(сь) «связать [части деревянных предметов, ремни, сети]») *тере* «деревянная игла для починки и вязанья сетей» [650];
- м., э. *nom-* (> *nomaмс* «отступать, пятиться, уступать, идти назад, идти в обратном направлении») н. $ny\partial$ (> $ny\partial a(cb)$ «быть позади всех, быть последним, замыкающим; идти, ехать позади [кого-л.]») $ny\partial$ «сзади; после» [483];
- м. *сюр-* (> сюряльдемс «сдвинуть, подвинуть по кругу») н. *сюр-* ($> сюр<math>\check{a}(cb)$ «крутиться») *сюр* «вращение, круговорот» [859];
- м., э. *ком-* (> м. *комада*, э. *комадо* «ничком; согнувшись») н. *хумб* «слегка изогнутая приподнятая часть (чего-л.); выпуклость» [779];
- м., э. *ю-* (> м. *юксомс*, э. *юксемс* «развязать, отстегнуть») н. *ю* «узел» [809]; м., э. *тав-* (> *тавадомс* «закрыть, крыть, покрыть») н. *тав* «закупорка» [613].

6. И в мордовских, и в ненецком языках общие глагольные основы связаны (не самостоятельны).

- Ср.: м. мяндор-, э. мендерь- (> м. мендордомс «вывихнуть [ногу]», э. мендердемс «вылущить, очистить [орех, головку подсолнуха от цветка]») н. мидер- (> мидерць «обварачиваться, изменяться, превращаться в иной вид, облик») [251];
- э. *янга-* (> *янгамс* «разрушить, продолбить») н. *янга-* (> *янга(сь)* «продолбить, прорубить [лед]») [844];
- м., э. *пра-* (> *прамс* «упасть») н. *пыр-* (> *пырамзь* «упасть [о более слабом человеке]; упасть неожиданно или поскользнувшись; упасть [откуда-л. сверху]») [497];
- м., э. nала- (> nаламс «целоваться») н. nала- (> nала(cь) «пристать, прилипнуть [к чему-л.]; заразиться») [437];
- м., э. кос- (> м. косьфтамс, э. костямс «просушить») н. хас- (> хас \check{a} (сь) «подсохнуть; отмелеть; спасть [о приливе]») [755];
 - м., э. *пид-* (> *пидемс* «сварить») н. *пид-* (> *пидёя(сь)* «пахнуть паленым») [443];
- м., э. ланд- (> ландямс «осесть, присесть на корточки») н. ламд- (> ламдумзь «снизиться, понизиться, спуститься, стать ниже») [175];
- м. ми-, э. мие- (> мимс, миемс «продать») н. ми- (> миць «дать; продать») [257];
- э. лымб- (> лымбамс «волноваться [о поверхности воды]») н. лымб- (> лымбала(сь) «привести в состояние колебания; сделать шатким [поверхность земли]») [198];
- м., э. $nah\partial$ (> $nah\partial omc$ «платить, заплатить») н. $nah\partial$ (> $nah\partial a(cb)$ «наполнить, заполнить») [441];
- м., э. *кана-* (> *канаскадомс* «остановиться в своем развитии, росте; окостенеть») н. xăна- (> xăнал μ «начать болеть») [736];
- э. конь- (> конямс «закрыть, зажмурить [глаза]») н. хон- (> хона(сь) «лечь, улечься спать») [770];

- м., э. can- (> canamc «утащить, угнать, украсть») н. con- (> cona(cb) «потянуть, потащить [чего-л.], сцепить [что-л., с чем-л.]») [566];
- э. юрг- (> юргаmемс «накинуться [на кого-л.], выскочить, порывисто броситься [на кого-л.]») н. юрκ- (> юрκа́(c6) «стать, подняться») [816];
- м. мрд-, э. мурд- (> м. мрдамс, э. мурдамс «вернуться, возвратиться, повернуться») н. $м \ddot{a} p d$ (> $m \ddot{a} p d o (c b)$ «сломаться, разбиться, расколоться [на куски]») [235];
- м., э. *тар-* (> *тарномс* «трястись, дрожать») н. *тарн-* (> *тарналць* «задребезжать») [635];
- м., э. nedь- (> м. nedeмc, э. nedsмc «придираться; пристать; прилипнуть») н. nud- (> nudenă(cь) «приставать [к женщине]; вмешиваться, впутываться [во что-л.], придираться [к кому-л.]») [462];
- м. nu-, э. nue- (> м. numc, э. nuemc «свариться») н. nue- (> nueы «вареный»; nueынзь «есть что-либо вареное») [462];
- м., э. ниль- (> нилемс «проглотить») н. нял- (> нялць «проглотить [сразу, не прожевывая]») [346];
- м. вархц-, э. варц- (>м. вархсодемс, э. варцодемс «резко ударить, рвануть») н. варц- (> варциде(сь) «быстро дернуть») [49];
- м., э. *ич-* (> *ичемс* «мять, размять») н. *иц-* (> *ицюмзь* «почувствовать боль») [153];
- м. *корхт*-, э. *корт* (> м. *корхтамс*, э. *кортамс* «говорить») н. *хорт* (> *хортамзь* «открыться [о рте, пасти]; внезапно крикнуть») [773];
- м, э. $\kappa ap \partial$ (> $\kappa ap \partial amc$ «запретить, остановить; отучить; усмерить») н. $\kappa ap \ddot{a}\partial$ (> $\kappa ap \ddot{a}\partial$ '' $\pi a(cb)$ «возмутиться, отпереться») [746];
- м., э. яв- (> явомс «отделить, разделить, делить») н. яx- (> $яx \check{a}(cb)$ «разделывать тушу; снимать шкуру [с крупного рогатого скота]») [855];
- м., э. вен- (> м. венептемс, э. венстямс «протянуть, вытянуть») н. вэн- (> вэн \check{a} (μ) «протянуть, растянуть, вытянуть») [71];
- э. *катар-* (> *катардомс* «атрофироваться, перестать действовать, отняться») н. *хатор-* (> *хаторта(сь)* «быть легким, свободно держащимся на поверхности воды») [759];
- э. юрга- (> юргатемс «выскочить внезапно, вдруг, неожиданно») н. юрка́- (> юрка́бm' «внезапно, неожиданно», юрка́(cь) «встать, подняться, выскочить») [816];
- э. nonad- (> nonadomc «связать, соединить») н. nond- (> nonda(cb) «соединиться, сплотиться, срастись») [477];
- м., э. $\kappa a\partial$ (> $\kappa a\partial$ oмс «оставить, забросить, лишить; покинуть») н. $x \check{a}\partial$ (> $x \check{a}\partial ac b$ «оставить [без чего-л.], обделить, лишить») [714];
- м., э. $u\partial$ (> $u\partial$ eмс «выручить, освободить, спасти; выкупить») н. $u\partial$ (> $u\partial$ ee(cb) «собраться [что-л. сделать], решить [остановиться на каком-л. решении]; надумать») [136];
- м., э. ват- (> ваткамс «лупить, облупить, содрать [кожу, кору]») н. ват- (> ватась «обдирать, сдирать [березовую кору]») [51];
- м., э. нал- (> м. налкстомс, э. налкстамс «надоесть; раскиснуть») н. нал- (> нала(сь) «быть не в силах сделать столько, сколько требуется») [280];

м., э. *терь*- (> *тердемс* «звать, позвать, призвать») – н. *тер*- (> *тере*(сь) «примкнуть, присоединиться [к кому-л. ушедшему ранее]») [650].

Вывод. Представлен сравнительный анализ этимологически общих именных и глагольных основ, которые ярко проявляются как в мордовских, так и в ненецком языке. В структурном отношении эти основы – односложные, начинающиеся обычно с согласного звука. Некоторые этимологически общие основы, имеющие соответствия в ненецком языке, в мордовских языках начинаются с сочетания двух согласных, в ненецком – таким сочетаниям соответствуют согласный плюс гласный. Анализ соответствий, представленный выше, конечно, не окончательный и некоторые неточности могут быть обнаружены исследователями ненецкого языка, за что мы будем им благодарны. Для исследователя сравнительно-исторической лексикологии и грамматики данная тема – большое поле деятельности в аспекте научных разысканий сравнительного характера дальнеродственных уральских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 27. 566 с.
- 2. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. 942 с.
- 3.~ *Цыпанов Е. А.* Финно-угорские языки. Сравнительный обзор. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2009. 288 с.

Поступила в редакцию 19.02.2013

D. V. Tsygankin

Etymologically common Ural nominal and verbal bases in the Mordovian and Nenets languages (comparative aspect)

The Ural nominal and verbal bases in the lexical funds of the Mordovian and Nenets languages are revealed in the article. The formation of both cohere and independent verbal bases in each language is analyzed on a vast lexical material.

Keywords: The Mordovian language, the Nenets language, etymologically common verbal bases, the status of the nominal bases.

Цыганкин Дмитрий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева г. Саранск

E-mail: cygankin@yandex.ru

Tsygankin Dmitry Vasilievich,

Doctor of Sciences (Philology), professor, Mordovian State University Saransk

E-mail: cygankin@yandex.ru

УДК 811.511.111:811.511.132'255.2

Н. А. Ракин

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «КАЛЕВАЛЫ» И ЕЕ КОМИ ПЕРЕВОДА (ДИАЛЕКТИЗМЫ, АРХАИЗМЫ И НЕОЛОГИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ А.И.ТУРКИНА)

Статья посвящена изучению в коми переводе рун «Калевалы», одного из основных элементов индивидуальности финского национального эпоса: его многоязычия и многодиалектности, заключающихся в использовании лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и фразеологических особенностей восточно-финских, карельских и вепсских диалектов и говоров (так называемых карелианизмов). Насыщенность ими делает «Калевалу» во многом трудной для понимания ее современным финским читателем. Перед переводчиками стоит задача — найти средства для передачи языковых особенностей оригинала или ограничиться современным литературным языком. Язык коми перевода финского эпоса — общенародный литературный коми язык. Однако А. И. Туркин старается вводить в текст устаревшие коми слова, архаизмы, диалектизмы, которые, несмотря на свою относительную малочисленность, служат более адекватной передаче своеобразия рун.

Ключевые слова: «Калевала», языковое своеобразие, карелианизмы, коми перевод, диалектизмы, архаизмы, неологизмы.

При составлении «Калевалы» Э. Леннрот использовал варианты эпических рун, записанные им самим и некоторыми другими исследователями среди карел, ижор и финнов в различных частях Карелии и Петербургской губернии, то есть на территориях, растянувшихся на очень большом расстоянии с юга на север по обеим сторонам тогдашней границы между Россией и Финляндией. Языки родственных прибалтийско-финских народов, среди которых велась запись эпических произведений, были довольно близкими, но имели и очень много различий. В процессе соединения различных вариантов рун в единое целое происходила унификация, обобщение языка создаваемого эпоса, так что язык «Калевалы» содержит элементы многодиалектности и многоязычия. Это касается главным образом ее словарного состава. Сохраняя в себе местные особенности языка исходных вариантов рун, язык «Калевалы» в то же время отрывается от местных диалектов, поднимается над ними, становится особым, объединяющим наречия языком [1. С. 152–153].

Многоязычие (многодиалектность) языка эпоса особенно заметно в одном из основных стилистических приемов «Калевалы» — в параллелизмах. Во многих из них мысль, изложенная в первой части параллелизма с помощью северокарельских диалектов, повторяется затем, во второй части, средствами других говоров, диалектов и языков: южнокарельскими словами, а южнокарельских — финскими и русскими и т. п.

Так, например, слова neiti, impi, tyttö 'девушка' взяты из разных диалектов карельского и финского языков. Слова piika 'работница, батрачка', renki 'работник, батрак', porstua 'сени', oro, ori 'жеребец', tuppi 'ножны', paljon 'много' — финские. В параллелизмах в качестве синонимов к ним употребляются соответственно карельские käskyläinen, kasakka (русское заимствование), sintsi (русское заимствование), uveh (upehe-), huotra, äijä. Vemmel 'дуга', kärki (kärgi) 'остриё, острый конец', tuhka 'зола' — карельские и финские лексемы, а синонимичные им luokki, tutkain, poro — только финские. Suuri 'большой' — финское и карельское, jalo 'тж.' — вепсское. Восточнофинское letti, карельское kassa и финское литературное palmikko используются для обозначения косы (заплетенных волос). Заимствования из русского языка viesti и rotu употребляются в качестве синонимов наименований sanoma 'известие, весть', synty 'рождение, происхождение, род, племя' [1. С. 154–162].

Особенности разных диалектов карельского языка (так называемые карелианизмы) прослеживаются не только в лексике, но и на других языковых уровнях. Более всего этот карелианизм языка «Калевалы», по мнению исследователей, заметен в морфологии [2. С. 195–196, 201, 204–206; 2. С. 88–89]. Так, в языке эпоса нет имеющегося в финском литературном языке звука d: типичны формы lähe (lähe nyt kanssa laulamahan... 'начни теперь вместе петь...'; 1: 13)* вместо lähde 'начни', saa'a, tuoa, vieä, kapaloia вместо saada 'получать, мочь', tuoda 'приносить', viedä 'нести', kapaloida 'пеленать'. В не первом слоге слова нет длинных гласных, поэтому формам инфинитивов antaa 'дать', ottaa 'взять', vetää 'тащить', viiltää 'резать' и т. п. соответствуют формы antoa, ottoa, veteä, viilteä. Вместо удвоения гласного основы слова в 3 л. ед. настоящего времени изъявительного наклонения используется форма, оканчивающаяся на -vi, то есть вместо форм tulee 'он (она, оно) идет (приходит)', menee 'он идет' используются формы tulevi, menevi, аналогично antavi 'он дает', ottavi 'он берет', laulavi 'он поёт' и т. д.: Kun käki kukahtelevi, / niin syän sykähtelevi, / itku silmähän tulevi, / ve'et poskille valuvi... 'Когда кукушка кукует, / тогда сердце трепещет, / слезы на глаза приходят, / воды на щеки льются...' (4: 509-512). В интервокальном положении сохраняется h: venehessä 'в лодке' вместо veneessä (kala kirjo kimmeltihe / pohjasta punaisen purren, / venehestä Väinämöisen... 'рыба пестрая спрыгнула / со дня красного челна, / из лодки Вяйнямёйнена...' (5: 86-88). С глаголами используется возвратная форма: veäikse 'растягивается', kohennaikse 'располагается, усаживается', istuihe 'уселся' и т. п.: itse reuoikse rekehen, / kohennaikse korjahansa... 'сам устроился

^{*} В круглых скобках здесь и далее подстрочный перевод на русский язык цитат из оригинального финского текста «Калевалы» и ее коми перевода — наш; первая цифра — номер руны, вторая — номер строки оригинала или перевода. Источник текста оригинала — см. [39].

в санях, / разместился в кузове...' (10: 5–6). У существительных присутствуют распространенные в карельском языке уменьшительно-ласкательные формы: рäivyt 'денек, солнышко', kuut 'месяц', tähyt 'звездочка'; также встречаются производные от них päivyine 'дневной, солнечный', tähtyinen 'звездный': Kuu, keritä, päivyt, päästä, / otava, yhä opeta... 'Месяц, отпусти, солнышко, освободи, / Большая Медведица, научи...' (1: 303–304). Наряду с местоимениями minä 'я', sinä 'ты', sinua 'тебя' используются карельские соответствия mie, sie, silma и т. п.: "Mie tuota sanelemahan, / linnulta kyselemähän: / 'Oi sie kyntörastahainen! / Laula korvin kuullakseni... 'Я то сказала, / у птицы спросила: / «Ой ты, дрозд! / Спой, чтобы уши мои услышали...' (8: 61–64).

Многие характерные особенности языка «Калевалы», которые исследователи относят к карелианизмам, со временем стали органической частью финского литературного языка либо получили широкую известность у финских читателей. Благодаря изданию эпоса финский литературный язык, который до нач. XIX в. лексически и морфологически базировался чуть ли не исключительно на западных диалектах и развивался в основном представителями данных диалектов, обогатился лексикой и другими особенностями восточно-финских и карельских диалектов. Кроме того, помимо насыщения финского литературного языка восточно-финскими примерами, «Калевала» дала толчок к активизации и более интенсивному использованию уже имеющихся в литературном языке диалектных слов, а также к признанию годными для всеобщего употребления других восточно-финских особенностей. Влияние «Калевалы» выявлено почти на всех уровнях литературного языка; наибольшее же – на уровне словарного запаса. В областях фонетики и морфологии воздействие языка эпоса было не столь значительным, однако благодаря эпосу свое положение укрепили такие явления, как сочетание согласных ts (metsä 'лес' вместо metzä/mettä), суффикс абессива -ttA (-tA), также упоминавшиеся выше уменьшительные формы и их суффиксы -(i)nen и -ut/-yt и др. Свой след «Калевала» оставила и на уровне фразеологии, и в словообразовании. Так, благодаря эпосу распространилось употребление сложных слов типа sinisukka 'синий чулок', tuliterä 'совсем новый, новёхонький (букв.: огненное лезвие, остриё) [3. С. 83-84; 4. С. 302-303; 5. С. 227-228, 230, 238-239, 242-243].

Многоязычность (многодиалектность) языка «Калевалы», его архаичность во всех перечисленных выше проявлениях, будучи одной из основных составляющих неповторимости финского национального эпоса, в то же время отдаляют его от современного читателя, делая трудным для понимания. В. Руоппила так пишет во введении к своей книге «Kalevala ja kansankieli» («Калевала и народный язык»), посвященной исследованию лексики эпоса: «Из-за больших изменений, происшедших в XX веке в образе жизни, "Калевала" по своему языку и содержанию стала далекой книгой для современных финнов, хотя она по-прежнему считается национальным эпосом. Освещая распространение калевальской лексики и давая информацию о ее происхождении и использовании в современном языке, данный труд претендует на то, чтобы сделать "Калевалу" ближе читателю нашего времени» [6]. Этому посвящены и многие другие работы, разъясняющие часть лексики, вызывающей в настоящее время затруднения.

Своеобразие языка «Калевалы» – важный вопрос и при переводах финского эпоса на другие языки. Перед переводчиками встает дилемма: стараться ли какими-то средствами все же передать языковые особенности оригинала или переводить его на современный литературный язык. Некоторые пытались решить эту проблему адекватно – на основе диалектов собственного языка (или же какого-либо одного из них), как, например, Бела Викар, один из переводчиков «Калевалы» на венгерский язык. После долгих исследований и проб на основе венгерских диалектов (главным образом – чанго), он создал, как отмечают исследователи, такой вариант венгерского языка, которой присущ единственно только этому переводу, но который был принят венгерскими читателями, и воспринят ими как язык «Калевалы». Другие переводчики (их большинство) по понятным причинам отказываются от попыток в полной мере передать особенности многодиалектности и архаичности языка оригинала, переключив свое внимание и усилия на другие характерные черты эпоса, чтобы таким образом компенсировать потери, связанные с невозможностью передачи языкового своеобразия.

К последнему случаю относится и работа А. И. Туркина, который в 1980–1990-х гг. перевел 11 рун «Калевалы»: 1-я [7; 8], 4-я [9], 5-я [10], 6-я [11], 7-я [12], 8-я [13], 9-я [14], 10-я [15], 34-я [16], 40-я [17; 18] и 41-я [19]. В отличие от финского оригинала, язык его перевода является общенародным литературным коми языком. Однако при этом А. И. Туркин стремится вводить в текст устаревшие коми слова, архаизмы и диалектизмы. И хотя их доля в тексте мала, эти слова помогают переводчику в какой-то мере показать, что действие эпоса развертывается в доисторические времена и что произведения финской народной поэзии, положенные в основу «Калевалы», родились не сегодня, а столетия назад.

Ниже мы более подробно рассмотрим лексику этого перевода, которую можно отнести к диалектизмам, архаизмам и в какой-то мере – к неологизмам.

Диалектизмы

Под термином диалектизм обычно понимается слово или словосочетание, попавшее из того или иного диалекта в литературную речь или в текст художественного произведения и воспринимаемое как инородное, не свойственное лексической системе литературного языка [20. С. 206].

В тексте перевода нами обнаружены следующие диалектизмы:

- Глаголы

виччыны (1а, 16*: 136; 7: 86; 34: 49): вым. иж. уд. 'ждать' [21. С. 49] вомкöртавны (6: 7): нв. 'взнуздать, обуздать' [21. С. 172] вордны (7: 176): вым. 'заклинать, загадывать, предвещать' [21. С. 60, 381]

вороны (7: 176): вым. заклинать, загадывать, предвещать [21. С. 60, 381] гычодны (1а, 16: 129; 10: 294, 318, 334, 350): вс. печ. сс. 'качать, покачивать (ребенка в люльке)' [21. С. 97, 150]

индыны (1а, 1б: 73; 1а: 260; 1б: 264): нв. уд. 'поместить, пристроить, устроить' [21. С. 137]

й отталкиваться, толкаться (21. С. 143)

 $^{^*}$ 1а, 1б – варианты перевода первой руны; 1а – см. [7], 1б – [8].


```
колльыны (1а: 280; 16: 282): вым. 'провожать' [22. С. 265] ликтыны (5: 88): вым. иж. нв. уд. 'указать, показать' [21. С. 199, 137] лöсны (8: 145): скр. уд. 'тесать, вытесать' [21. С. 204] ньöдздыны (8: 187): вым. 'мякнуть, размякнуть' [21. С. 245, 239] öшны (10: 280, 287): вым. иж. лл. сс. уд. 'повесить' [21. С. 270] — Причастия
```

ыръялысь (9: 78, 166, 258, 311): 'пылающий, полыхающий, ярко горящий' < *ыръявны*: скр. 'пылать, пламенеть, полыхать' [21. С. 445]

– Наречия

тунь (1a, 1б: 48; 34: 199): вым. 'напрасно, совсем, без пользы' [21. С. 381]

– Прилагательные

бугльёс (41: 184): вым. уд. 'округлый, продолговато-круглый' [21. С. 32] $\ddot{o}m\partial op$ (7: 200): вым. нв. 'посторонний, чужой' [21. С. 23]

macдор (10: 428; 34: 45): вым. иж. нв. уд. 'находящийся по эту сторону' [21. С. 364]

саръя (10: 310): вв. печ. 'с норовом, капризный, своенравный' [21. С. 324; 23. С. 576]

товсьов (1a: 40): нв. 'зимний' [21. C. 374]

– Существительные

Названия представителей животного мира

колипкай (41: 88): вв. печ. скр.сс 'жаворонок' [21. С. 162; 24. С. 81]

кунджа (5: 61): уд. 'мелкая сёмга' [21. С. 179]

Серук (1а,16: 63): вым. 'Пеструха (кличка пестрой коровы)' [21. С. 332]

сэмдзöр (34: 74): уд. 'луток, малый крохаль (утка)' [21. С. 358]

тельоб (41: 116): вым. 'стая, косяк (рыб)' [21. С. 366; 25. С. 95]

тшатшык (34: 64): уд. 'воробей' [21. С. 315, 385]

чужмор (41: 37): вв. скр. сс. фольк. 'горностай' [21. С. 418]

Названия частей тела животных

бурси (40: 238): вым. лл. нв. уд. 'грива' [21. С. 31]

кольк пок (16: 232): вс. 'желток' [21. С. 197]

тылборд (6: 45, 49; 7: 313, 344; 10: 258): вв. 'перо' [21. С. 389]

Названия представителей растительного мира

тиметшак (41: 132): нв. скр. сс. 'водяная лилия' [21. С. 385], 'кувшинка' [26. С. 41]

Обозначения человека, термины родства

инька (10: 175, 191, 237, 396, 455, 497): вым. 'тёща', вв. вым. нв. уд. 'свекровь' [21. С. 138, 391, 447]

чадо (34: 181): уд. 'чадо, дитя' [21. С. 403]

Обозначения предметов одежды, украшений

кызь (4: 426): вым. иж. нв. уд. 'пуговица, пуговка' [21. С. 154, 185]

лапи (10: 216): вв. вым. иж. нв. 'серьги с пятью подвесками, напоминающие по форме гусиные или утиные лапки' [21. С. 193]

nажук (4: 427): иж. nажик 'английская булавка' [21. С. 271, 303], 'заколка для волос' [23. С. 479]

шушин (34: 106): вв. 'сарафан из домотканого холста' [21. С. 439]


```
Названия предметов обихода, построек, транспортных средств
     домод (8: 78): уд. 'привязь' [21. С. 110]
     ендон (9: 28, 46, 64, 104, 126, 204, 211, 217, 229, 235, 243, 253, 255, 259, 270,
273): иж. печ. 'сталь' [21. С. 119]
     кес (9: 112; 10: 271): уд. 'клещи, щипцы' [21. С. 153, 157]
     кола (9: 114, 156, 222, 233, 305, 419, 425, 489; 10: 50, 53, 268, 270, 279; 34:
19; 40: 210, 216): уд. 'кузница' [21. С. 162]
     орс (8: 212, 237, 258): вым. иж. нв. уд. 'плеть, кнут' [21. С. 261, 288]
     падъян (1а, 1б: 77; 1а, 1б: 82; 1а, 1б: 86): нв. скр. 'короб' [21. С. 271]
     пом (9: 200): вым. нв. 'вещь, предмет' [21. С. 291, 170]
     сарай (1а, 16: 86): нв. 'крыша, кровля' [21. С. 330, 40]
     сепыс (5: 38): нв. уд. 'мешок' [21. С. 332]
     сермод (6: 6; 7: 310): вым. нв. уд. 'узда' [21. С. 111]
     сойт (34: 88): нв. уд. 'мост, перекладина поперек чего-либо для перехода'
[21. C. 294, 342]
     струг (7: 180; 8: 127, 145; 40: 45, 52, 80, 86, 100, 172): нв. 'маленькая дол-
блёная лодка' [21. С. 346, 47]
     тагос (1a: 311; 16: 313; 8: 221, 242, 264): вым. уд. 'порог' [21. С. 363, 293]
        Обозначения элементов неживой природы, ландшафта, явлений природы
     венор (5: 147): печ. скр. 'перемычка, перетяжка, перехват, перешеек' [21. С. 44]
     котшас (4: 303; 6: 72, 7: 120): вв. вым. уд. 'лука, излучина реки,' [21. С. 173, 169]
     кырта (1a: 265; 1б: 267; 4: 313, 315, 318, 478, 479; 5: 32; 8: 143, 155; 9: 352,
486, 488, 496, 528; 40: 26, 41, 50, 58, 202): печ. 'скала, скалистое обнажение' [21.
C. 188], 'yrec' [23. C. 337]
     нырд І (1а: 252; 1б: 258; 34: 154, 173; 40: 7, 174): иж. 'мыс' [21. С. 248]
     нырд II (1a: 266; 1б: 268; 1б: 271): вым. иж. нв. уд. 'небольшая возвышен-
ность, бугорок, холмик, увал' [21. С. 248, 246]
     оимос (4: 199; 9: 82): лл. 'родник, ключ, источник' [27. С. 201]
     пив (6: 163): нв. уд. 'туча, облако' [21. С. 284, 186]
     сорма (34: 51): уд. 'роща' [21. С. 343]
```

щелля (4: 319) / *щелья* (5: 33): 'высокий, крутой берег' [23. С. 755] *шутьюм* (6: 13, 193; 7: 216; 9: 100, 102): вс. сс. 'покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс', л. 'лесная росчисть' [21. С. 438]

Также в переводе используется диалектная морфема -шой (скр.) [21. С. 432]. Данный суффикс со значением уничижительности используется с лексемой шушин 'сарафан из домотканого холста': Лозов шушиншоя почо 'старушка в синеватом сарафанишке' (34: 106).

В зависимости от того, как тот или другой диалектизм соотносится с общенародным литературным языком, различаются следующие группы диалектной лексики [20. С. 206–208; 28. С. 101]:

- 1) лексические диалектизмы слова, отсутствующие в литературном языке, здесь вместо них употребляются синонимические обозначения;
- 2) лексико-фонетические диалектизмы слова, отличающиеся от литературных соответствий своим звуковым обликом, полностью совпадая структурно и семантически;

- 3) лексико-словообразовательные диалектизмы слова, отличающиеся от литературных соответствий словообразовательной структурой; часто, имея общую корневую морфему, они отличаются словообразовательными формантами;
- 4) лексико-семантические диалектизмы слова общенародного характера, имеющие в диалектах особое значение, отсутствующее в литературном языке;
- 5) этнографические диалектизмы слова, называющие понятия, характерные только для быта носителей данного диалекта.

В переводе эпоса нами выявлены первые четыре типа диалектизмов:

```
1) Лексические диалектизмы:
    венор 'перемычка, перетяжка, перехват, перешеек' – лит. перешеек 'тж.'
    гычодны 'качать, покачивать' – лит. качайтны, лайкйодлыны 'тж.'
    инька 'тёща' – лит. тьоща 'тж.'
    кес 'клещи, щипцы' – лит. клещи 'тж.'
    кунджа 'мелкая сёмга' – лит. чими, сьожга 'сёмга'
    кырта 'скала, скалистое обнажение, утес' – лит. креж, чугра 'тж.'
    лапи 'серьги' – лит. исерга 'тж.'
    ликтыны 'указать, показать' – лит. индыны 'тж.'
    нырд І 'мыс' – лит. кокад 'тж.'
    нырд ІІ 'небольшая возвышенность, бугорок, холмик, увал' – лит. норыс 'тж.'
    орс 'плеть, кнут' – лит. плеть 'тж.'
    ömдор 'посторонний, чужой' – лит. йöз, бокöвöй 'тж.'
    ошмос 'родник, ключ, источник' – лит. ключ 'тж.'
    падъян 'короб' – лит. чуман, короб 'тж.'
    пажук 'заколка для волос' – лит. заколка, юрси кутан 'тж.'
    пив 'туча, облако' – лит. кымöр 'тж.'
    пом 'вещь, предмет' – лит. кöлуй, эмбур 'вещи, предметы'
    саръя 'с норовом, своенравный, капризный' – лит. руа 'тж.'
    сепыс 'мешок' – лит. мешок 'тж.'
    сермод 'узда' – лит. дом 'тж.'
    сойт 'мост, перекладина поперек чего-либо для перехода' – лит. пос 'тж.'
    сорма 'роща' – лит. рас 'тж.'
    струг 'маленькая долбленая лодка' – лит. ветки 'тж.'
    сэмдзор 'луток, малый крохаль (утка)' – лит сьод юра косысь 'тж.'
    тагос 'порог' – лит. порог 'тж.'
    туньо 'напрасно, совсем, без пользы' – лит. весь, весьшоро 'тж.'
    тиатшык 'воробей' – лит. пышкай 'тж.'
    чадо 'чадо, дитя' – лит. кага, дитя 'тж.'
    чужмор 'горностай' – лит. сьодбож 'тж.'
    шутьом 'покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс, лесная
росчисть' - лит. эжа 'тж.'
```

2) Лексико-фонетические:

```
бугльос 'округлый, продолговато-круглый' – лит. быгльос 'тж.' ендон 'сталь' – лит. емдон 'тж.' инька 'свекровь' – лит. энька 'тж.' кызь'пуговица, пуговка' – лит. кизь 'тж.'
```



```
ньодздыны 'мякнуть, размякнуть' – лит. нёдздыны 'тж.'
    тельоб 'стая, косяк (рыб)' – лит. кельоб 'тж.'
    тылборд 'перо' – лит. тывборд 'тж.'
    шушин 'сарафан из домотканого холста' – лит. шушун 'тж.'
    щелля / щелья 'высокий, крутой берег' – лит. тшелля 'тж.'
    ыръялысь 'пылающий, полыхающий, ярко горящий' – лит. ыпъялысь 'тж.'
    3) Лексико-словообразовательные:
    бурси 'грива' – лит. бурысь 'тж.'
    виччыны 'ждать' – лит. виччысьны 'тж.'
    вомкортавны 'взнуздать, обуздать' – лит. кортвомавны 'тж.'
    домод 'привязь' – лит. дом 'тж.'
    йöтласьны 'отталкиваться, толкаться' – лит. йöткасьны 'тж.'
    колльыны 'провожать, провести' - лит. коллявны, колльодны 'тж.'
    лосны 'тесать, вытесать' – лит. лосавны 'тж.'
    ощны 'повесить' – лит. ощодны 'тж.'
    Серук 'Пеструха (кличка пестрой коровы)' – лит. Серод 'тж.'
    тасдор 'находящийся по эту сторону' – лит. таладор 'тж.'
    товсьов 'зимний' – лит. товся 'тж.'
    тиетиак 'водяная лилия, кувшинка' – лит. ватиетиак 'тж.'
    4) Лексико-семантические:
    вордны 'заклинать, загадывать, предвещать' – лит. 'желать, пожелать'.
    индыны 'поместить, пристроить, устроить' - лит. 'указать, показать, на-
значить, направить'.
    кола 'кузница' – лит. 'шалаш'.
    колипкай 'жаворонок' - лит. 'соловей'.
```

(кольк) пок 'желток' — лит. пок 'икра' котшас 'лука, излучина реки' — лит. 'задняя часть избы, место под полатями'. сарай 'крыша, кровля' — лит. 'сарай, сеновал, помещение над хлевом и конюшней'.

Некоторые из диалектных наименований могут быть одновременно причислены к нескольким группам. Например, к. кола 'кузница' можно отнести и к группе лексических диалектизмов, так как это синоним к словам дорччанін и кузнеча, а наименование пом 'вещь, предмет' может быть отнесено к лексико-семантическим диалектизмам как диалектное значение слова пом 'конец, кончик, окончание, остаток'.

Всего в тексте перевода нами выявлено 59 разных диалектизмов, которые употребляются в тексте 157 раз (общее количество слов в тексте перевода одиннадцати рун: 15 449; доля диалектной лексики, таким образом, составляет чуть больше 1 %). В тексте перевода 1-й руны 14 разных диалектных слов встречаются 18 раз, в тексте 4-й руны 6 диалектизмов употребляются 10 раз, в 5-й -6 (6), 6-й -6 (8), 7-й -8 (9), 8-й -7 (13), 9-й -8 (38), 10-й -9 (22), 34-й -11 (12), 40-й -6 (17), 41-й -4 (4). Таким образом, в тексте перевода одной руны используется от 4 до 14 разных диалектизмов (в большинстве рун 6-8; больше всего - в рунах 1 и 34), которые употребляются от 4 до 38 раз (в большинстве рун в пределах 10 раз; чаще всего - в рунах 9 и 10). Одно какое-либо диалектное слово в пределах одной руны, таким образом, встречается в среднем 1-3 раза.

В количественном отношении чаще всего встречаются слова, относящиеся к удорскому (уд.; 22 %), вымскому (вым.; 21 %) и нижневычегодскому (нв.; 19 %) диалектам. Остальные диалекты представлены следующим образом: ижемский (иж.) -9 %, верхневычегодский (вв.) -7 %, присыктывкарский (скр.) -6 %, печорский (печ.) -5 %, среднесысольский (сс.) -5 %, верхнесысольский (вс.) и лузско-летский (лл.) - по 3 % каждый. Таким образом, представленная в переводе диалектная лексика относится в основном к западным диалектам коми языка (вымскому, ижемскому, неижневычегодскому и удорскому).

Большинство используемых в переводе диалектизмов – существительные: 41 единица, или 69,5 % от общего числа; глаголы: 11 (18,6 %), прилагательные: 5 (8,5 %), причастия и наречия по одному (вместе -3, 4 %).

Преобладающий в переводе тип диалектной лексики — лексические диалектизмы: 30 наименований, или 51 %; лексико-фонетических диалектизмов в переводе 10 (17 %); лексико-словообразовательных: 12 (20 %) и лексико-семантических — 7 (12 %).

Часть наименований, отнесенных нами к диалектизмам, в Коми-русском словаре 2000 г. (КРК) даны как общеупотребительные без каких-либо помет [23. С. 90, 169, 269, 460, 479, 581, 582, 634, 749], хотя в словаре 1961 г. (КРС) они снабжены пометой «диал.» [29. С. 90, 183, 279, 493, 514, 615, 616, 669]. К таким словам относятся венор 'перемычка, перетяжка, перехват, перешеек'; гычодны 'качать, покачивать (ребенка в люльке)'; кес 'клещи, щипцы'; орс 'плеть, кнут'; падъян 'короб'; пажук 'заколка для волос'; сепыс 'мешок'; сермод 'уза'; тагос 'порог'; шутьом 'покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс, лесная росчисть'. Однако некоторые исследователи коми языка считают, что подачу узкодиалектных слов без маркировки в словаре литературного языка следует признать неправильной и не соответствующей действительности [20. С. 218]. Надо полагать, что автор переводы «Калевалы» А. И. Туркин такие слова также считал диалектизмами и использовал их вместо литературных синонимов для более адекватной передачи текста оригинала. К такому выводу подталкивает наличие в тексте перевода сносок с пояснениями.

Архаизмы

К архаизмам относятся слова и выражения, которые вышли из употребления, устарели и перестали быть необходимыми для говорящих. К ним относятся как наименования исчезнувших или вышедших из общего повседневного употребления предметов или явлений, так и языковые элементы, замененные более активно употребляемыми синонимами. В зависимости от того, устарело все слово целиком или только его фонетическая, морфологическая или семантическая составляющая, различают собственно лексические, семантические, лексико-фонетические и словообразовательные архаизмы [30. С. 98–99].

В тексте перевода встречаются следующие наименования, которые можно отнести к архаизмам:

вер (8: 79; 10: 294, 295, 318, 334, 350): 'раб, слуга' [31. С. 52]. В КРС и КРК это слово дано с пометой *да*. («древнепермское») [23. С. 91; 29. С. 90].

весьт (4: 224, 512): 'пядь (мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами)'. В КРС и КРК дано с пометой *уст.* («устаревшее») [23. С. 95; 29. С. 97].

восью (4: 16, 32, 59; 8: 213; 10: 215; 41: 247): 'жемчуг, жемчужный'. В Кратком этимологическом словаре коми языка (КЭСК) [31. С. 68] возводится к общепермскому периоду со значением 'жемчуг', 'блестящий металл'. Данное наименование с первоначальным значением сохранилось в удмуртском языке, а в коми языке оно известно только в удорском диалекте со значением 'милый, голубчик' [21. С. 22]. Возможно, учитывая этимологию коми слова, А. И. Туркин использует его в перводе в первоначальном значении.

ширысь (4: 426): 'свинец, свинцовый'. Согласно КЭСК [31. С. 319], первоначальное значение было 'металл мышиного цвета' (к. *шыр* 'мышь').

лапи (10: 216) 'серьги с пятью подвесками, напоминающие по форме гусиные или утиные лапки'. Данное наименование мы отнесли выше к диалектизмам, но так как в КРС и КРК [23. С. 345; 29. С. 369] оно дано с пометой уст., то правомерно отнесение его и к категории архаизмов.

енкöла (9: 33, 543): 'мир, вселенная'. Данное значение, с которым эта лексема употребляется в тексте перевода, в КРК (209) фигурирует с пометой уст. [23. С. 209].

Слова *восьо* 'жемчуг, жемчужный' и *енкола* 'мир, вселенная' могут быть отнесены к семантическим архаизмам. Все остальные вышеперечисленные наименования являются собственно лексическими архаизмами.

Неологизмы

Неологизмы — слова и выражения, имеющие оттенок новизны, свежести. Чаще всего к ним относят названия новых предметов, явлений, признаков, идей и т.д. Неологизмы могут быть общеязыковыми и индивидуально-авторскими. Общеязыковые неологизмы образуются как средствами своего языка (создание новых слов из старых морфем, словосложение, образование составных наименований, перевод [калька] из других языков, изменение значения, активизация диалектизмов и устаревшей лексики), так и путем заимствования из других языков. Индивидуально-авторские неологизмы выполняют определенные художественные задачи и обычно широкого распространения не получают [30. С. 107–108; 32. С. 282–283].

К категории неологизмов можно отнести некоторые наименования из перечисленной выше диалектной и устаревшей лексики. Автор перевода использует их не в качестве неологизмов, а как диалектизмы и архаизмы. Однако впоследствии на данные лексические единицы обратили внимание другие коми писатели и вслед за А. И. Туркиным стали вводить их в свои художественные произведения на исторические темы. Благодаря этому они в качестве новых слов стали включаться в нормативные словари коми языка и таким образом вышли за пределы лишь одного литературного произведения, то есть из разряда индивидуально-авторских перешли в разряд общеязыковых неологизмов, полученных путем активизации устаревшей и диалектной лексики. Так как А. И. Туркин в своем переводе не использует данные слова в качестве неологизмов

и таковыми они стали позже, то, на наш взгляд, правомернее обозначить их как относительные неологизмы.

В словари неологизмов «Выль коми кыввор I» и «Выль кыввор» включены следующие наименования, отнесенные нами ранее к архаизмам и диалектизмам: вер 'раб, слуга', восьо 'жемчуг, жемчужный', ширысь 'свинец, свинцовый', пажук 'заколка для волос' и кес 'клещи, щипцы' [33. С. 20, 24, 34, 66, 85; 34. С. 19, 23, 39, 66, 89]. В качестве источника неологизмов восьо, ширысь, пажук авторы данных словарей Е. А. Цыпанов и Л. М. Безносикова ссылаются на рассматриваемый нами коми перевод «Калевалы» А. И. Туркина.

В упомянутые выше словари новой лексики включены также лексемы конгыр 'крючки на одежде (застежки)' (10: 228) и сойпос 'браслет' (4: 178) [33. С. 42, 73; 34. С. 42, 76]. Последнее наименование дано и в КРК с пометой неол. [23. С. 602]. Оба слова взяты из удмуртского языка: конгыр — заимствование диалектного конгро / конгыро / конгыро / конгырок 'крючок (на одежде), крюк' [35. С. 208; 36. С. 136; 37. 113], а сойпос создано частично калькированием, частично — заимствованием наименования суйпос 'тж.' [35. С. 398], в котором удм. суй 'рука (от плеча до кисти)' [35. С. 398] заменено на соответствующее коми-зырянское сой 'тж.'.

К чисто индивидуально-авторским неологизмам в переводе, на наш взгляд, можно отнести название птицы ватижай 'дрозд' (8: 58, 63, 70, 84), полученное, судя по всему, из наименования ватижысь кай 'дрозд-белобровик' [24. С. 25], а также заимствованное из коми-пермяцкого языка слово туримоль (41: 182), которое используется для обозначения клюквы вместо литературного комизырянского турипув 'тж.' [38. С. 495]. В удорском диалекте коми-зырянского языка имеется наименование туримоль со значением 'волчья ягода' [21. С. 382], однако мы считаем, что в переводе эпоса используется именно коми-пермяцкое обозначение, а не диалектное коми-зырянское, так как в оригинале говорится о клюкве, а не о волчьей ягоде:

Тірриі tilkat silmistänsä,Капают капли из его глаз,vierivät vesipisarat,Катятся капли воды,karkeammat karpaloita,Клюквы крупнее,herkeämmät hernehiä... (41: 187–190)Горошины шустрее...

Литературное же *турипув* автор перевода, по всей видимости, не использует в силу того, что, возможно, считает слово *туримоль* более благозвучным:

Синва пето тувсов шорон.

Банті гозыльтчоны войтьяс:
По лицу катятся капли:
Крупные – клюквины,
Посниясыс – анькыти тусьяс... (41: 180–183)
Мелкие – горошины...

Что касается названия птицы *ватшкай* 'дрозд', то его А. И. Туркин использует вместо более длинного *ватшкысь кай* в силу большего соответствия первого метрической и ритмической характеристикам оригинала.

Для части диалектизмов, архаизмов и неологизмов в переводе даны поясняющие их значение ссылки. Некоторые из них объяснены при помощи приведения синонима из литературного языка: *индыны – пуктыны, меститны* [7] 'индыны – положить, разместить'; *гычодны – качайтны* [7; 15] 'гычодны – качать'; *кес – кльощи* [14] 'кес – клещи'; *пажук – юрсикутод* [9] 'пажук – зажим для волос,

заколка'; чужмор — сьодбож [19] 'чужмор — горностай'; кола — кузнеча [15; 17] 'кола — кузница'; конгыр — кручки [15] 'конгыр — крючки'; сорма — рас [16] 'сорма — роща'; сойт — пос [16] 'сойт — мост'.

Другие примеры объяснены описательным способом: кунджа – посни чими (сьожга), оло тыясын [10] 'кунджа – мелкая сёмга (лосось), живет в озерах'; лапи – утка либо дзодзог кок формаа исерга [15] 'лапи – серьги в форме лапок утки или гуся'; тагос – одзос порог [7; 8] 'тагос – порог двери'; сэмдзор – утка, ичот крокаль [16] 'сэмдзор – утка, маленький крохаль'; струг – неыджыд, дзонь пуысь кодйом пыж [18] 'струг – небольшая, выдолбленная из дерева лодка '.

Остальные объяснены посредством русского языка: кольк $n\"{o}k$ – желток [8]; $в\"{o}cь\"{o}$ – жемчуг [9; 15; 19]; $co\~{u}noc$ – браслет [9]; шрысь – свинец [9]; cenьc – мешок [10]; kec – kлещи [15]; sep – $pa\~{o}$, heboльник [15]; muamшык – $sopo\~{o}e\~{u}$ [16].

Перевод «Калевалы», осуществленный А. И. Туркиным, не является полным: коми читатели знакомятся на своем родном языке только с одиннадцатью рунами из всемирно-известного финского эпоса. Однако, работая непосредственно с оригиналом, автор сумел довольно точно воспроизвести его атмосферу и суть, содержание и форму. Языковые особенности текста А. И. Туркин передает с помощью различных приемов и средств, в том числе посредством использования диалектизмов, архаизмов и неологизмов, анализу которых и посвящено данное исследование.

СОКРАЩЕНИЯ

иж. – ижемский диалект коми языка, вым. – вымский диалект, уд. – удорский диалект, нв. – нижневычегодский диалект, вв. – верхневычегодский диалект, печ. – печорский диалект, вс – верхнесысольский диалект, сс. – среднесысольский диалект, скр. – присыктывкарский диалект, лл. – лузско-летский диалект, к. – коми язык, удм. – удмуртский язык, тж. – то же, диал. – диалектное, уст. – устаревшее, неол. – неологизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- $1. \ \mathit{Хямяляйнен} \ \mathit{M.} \ \mathit{M.} \ \mathit{O}$ лексике карельских рун // Сто лет полного издания «Калевалы». Труды юбилейной научной сессии. Петрозаводск, 1950. С. 152–165.
 - 2. Niemi A. R. Kalevalan selityksiä. Helsinki, 1910.
- 3. Turunen A. Kalevalan sanastollisia erikoispiirteitä // Kalevalaseuran Vuosikirja. 1964. No $\,$ 44. C. 83–89.
- 4. *Lampela K*. Kalevala ja suomen kieli // Kalevalan kulttuurihistoria. Toim. Ulla Piela, Seppo Knuuttila, Pekka Laaksonen. Helsinki, 2008. C. 302–303.
- 5. Punttila M., Issakainen T. Kalevala, kansanrunous ja kirjakieli // Virittäjä. 2003. $\mathbb{N} \ 2. \ \mathbb{C}. \ 226–245.$
 - 6. Ruoppila V. Kalevala ja kansankieli. Helsinki, 1967.
- 7. Калевала. I сьыланкыв. Водзкыв. Му пуксьом. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 1985. № 7. С. 10–13.
- 8. Калевала. Сьылан панас. Му пуксьом. Вяйнямойненлон чужом. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 1999. № 12. С. 3–9.
- 9. Калевала. Нёльод сьыланкыв. Вяйнямойнен да Айно ныв. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 1996. № 7. С. 59–67.

- 10. Калевала. Витод сыыланкыв. Велламолысь нывсо вугыртом. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 1. С. 3–7.
- 11. Калевала. Квайтöд сыыланкыв. Ёукахайнен водзöс мынтö. Вуджöдic А. И. Туркин ∥ Войвыв кодзув. 2000. № 2. С. 56–69.
- 12. Калевала. Сизимод сьыланкыв. Вяйнямойнен Похъёлаын. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 4. С. 60–66.
- 13. Калевала. Кöкъямысöд сьыланкыв. Войвывса ныв. Пыж вöчöм. Вуджöдiс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 6. С. 44–48.
- 14. Калевала. Öкмысöд сьыланкыв. Пидзöс дой бурдöдöм. Вуджöдiс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 7. С. 37–47.
- 15. Калевала. Илмаринен доро Сампо. X сьыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 1984. \mathbb{N}_2 4. С. 36–41.
- 16. Куллерво аддзö бать-мамсö. «Калевалаысь» 34-öд сьыланкыв. Вуджöдiс А. И. Туркин // Югыд туй. 1985. 23 июля.
 - 17. Вяйнямойнен вочо кантеле. Вуджодіс А. И. Туркин // Югыд туй. 1985. 28 февраля.
- 18. Вяйнямойнен вочо кантеле. «Калевалалон» 40-од сыыланкыв. Вуджодіс А. И. Туркин // Югыд туй. 1985. 5 марта.
- 19. Калевала. Вяйням
öйнен ворсö кантелеöн. Вуджöдic А. И. Туркин // Войвыв кодзув. 1980. № 6. С. 40–42.
- 20. Ракин А. Н. Диалектизмы в контексте художественного произведения // Ракин А. Н. Исследования по пермским языкам. Сыктывкар, 2009. С. 206–220.
- 21. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под общ. ред. А. В. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
 - 22. Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.
 - 23. Коми-роч кывчукор / Отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.
 - 24. Ракин А. Н. Пемос нимъяслон кывкуд. Сыктывкар, 2001.
- 25. *Ракин А. Н.* Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. Сыктывкар, 1993.
- 26. Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989.
 - 27. Жилина Т. И. Лузко-летский диалект коми языка. М., 1985.
 - 28. Безносикова Л. М. Диалектизм // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 101–102.
 - 29. Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.
- 30. *Костромина И. Н.* Устаревшие и новые слова в словарном составе коми языка // Современный коми язык. Лексикология. М., 1985. С. 97–113.
- 31. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Переиздание с дополнением. Сыктывкар, 1999.
 - 32. Безносикова Л. М. Неологизмы // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 182–183.
 - 33. Безносикова Л. М., Цыпанов Е. А. Выль коми кыввор І. Сыктывкар, 1998.
 - 34. Цыпанов Е. А., Безносикова Л. М. Выль кыввор. Сыктывкар, 2005.
 - 35. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М., 1983.
 - 36. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск. 1991.
- 37. Насибулин Р. Ш., Максимов С. А., Игушев Е. А., Аксёнова О. П. Сравнительный словарь пермских языков. Сыктывкар, 2004.
- 38. *Баталова Р. М., Кривощекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
 - 39. Kalevala. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.finlit.fi/kalevala

N. A. Rakin

Linguistic peculiarity of «Kalevala» and its Komi translation (dialecticisms, archaisms and neologisms in the translation made by A. I. Turkin)

The article analyses the Komi translation of «Kalevala» – one of the main elements of the individuality of the Finish national epos: its linguistic and dialectal variety that is realized by lexical, phonetical, morphological, syntactical and phraseological peculiarities of the Eastern Finnish, Karelian and Veps dialects (so called Karelianisms). Their abundance makes «Kalevala» difficult for understanding for the modern Finnish readers. The translators face the problem: to reproduce the linguistic peculiarities of the original or to use modern literary language. The language of the Komi translation of «Kalevala» is the national literary Komi language. However, A. I. Turkin tries to input into the text archaisms and dialecticisms which, despite of their small number, more precisely transmit the peculiarity of the original text.

Keywords: «Kalevala», linguistic peculiarity, Karelianisms, the Komi translation, dialecticisms, archaisms, neologisms.

Ракин Николай Анатольевич,

докторант, Тартуский университет г. Тарту, Эстония E-mail: rakin@ut.ee

Rakin Nikolay Anatolyevich,

PhD student, University of Tartu Tartu, Estonia E-mail: rakin@ut.ee УДК 811.511.143'36

О. Ю. Динисламова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА НАРОДА МАНСИ

Фразеологическая картина мира народа манси сформирована языковыми средствами различных уровней: лексического, грамматического, стилистического. В ее основе лежит образное мировидение, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды. Усваивая фразеологизмы, мы воспринимаем фразеологическую картину мира, а затем и создаем ее в процессе использования фразеологических единиц в речи. Изучение фразеологического состава языков в контексте языка и культуры — благодатная почва для выявления и описания языковых средств и способов, воплощающих во фразеологических знаках культурно значимый смысл, тем самым придавая им функцию знаков «языка» культуры.

Ключевые слова: манси, фразеологическая картина мира, традиция, культура, национальный язык, кличка, охота, рыбалка, народ.

Манси — народ, живущий в северо-западной Сибири. Этноним был принят в советское время (до революции манси в научной литературе называли *вогулами*). Термин «манси» — самоназвание носителей соответствующего языка.

В массе своей они издавна занимаются охотой и рыболовством; на севере Березовского района XMAO-Югра — отчасти оленеводством. Такого рода хозяйственные занятия не позволяли народу жить оседло: манси вели полукочевой или кочевой образ жизни, меняя по сезонам юрты (небольшие деревни). Постоянное пребывание в тайге во все времена года выработало у них тонкую наблюдательность, умение ориентироваться на местности, ценить ее с точки зрения годности или негодности для хозяйственных или промысловых занятий. Окружающая местность воспета жителями таежного края в песнях, красивых легендах и сказках.

Для понимания характера и особенностей культуры народа манси обратимся к этногенезу. Исследователи единодушны во мнении о двухкомпонентности культуры народа манси, вобравшей в себя традиции местных сибирских племен и пришлых с юга угров. Важным фактором формирования и развития предков обских угров были контакты с другими этносами. Этническая история, как из-

вестно, уже с XVI в. частично прослеживается по письменным источникам. Речь идет о трудах миссионеров, путешественников, первых исследователей. У самого народа, не имевшего до 30-х гг. XX в. письменности, не было летописной истории. О его прошлом мы узнаем через легенды, предания и сказки. В своей основе отражающие то или иное событие, они созданы народом на реалияхдалекого прошлого. Фольклорные данные нередко оказываются единственными источниками знаний о прошлом народа, не имеющего летописной традиции. В фольклорных текстах говорится о древних миграционных путях предков манси, отражается духовность народа — его мировоззрение, нравы, обычаи.

Многообразная жизнь манси в разные исторические эпохи своеобразно отразилась как в крупных эпических произведениях фольклора, так и в малых жанрах народного творчества: фразеологизмах, пословицах и поговорках, охватывающих решительно все стороны жизни народа в прошлом и настоящем: воззрения народа на природу и ее явления, хозяйственную деятельность, социально-правовые, семейно-бытовые отношения, а также религиозные, педагогические и философские взгляды. Исследуя фразеологический фонд мансийского языка, мы отмечаем, что по своему составу, своеобразию, красоте, оригинальности он ничем не уступает другим языкам мира. Условно все фразеологизмы мансийского языка можно разделить на две группы: исконные и заимствованные. Заимствования, в свою очередь, подразделяются на межъязыковые и внутриязыковые.

К исконно мансийским фразеологическим единицам относятся:

- фразеологизмы, связанные с наблюдением человека над общественными и природными явлениями: *колыг хал лотых сунсовынг эква* (букв. между двумя домами саночки с углем [везущая] женшина) сплетница; *похсынг харсов* (букв. шкура самца оленя с личинками овода) звезды на ночном небе;
- фразеологизмы, раскрывающие связь с историческими событиями в жизни народа: *опан ат тэщинтам тэп* (букв. дед по материнской линии, не употреблявший этой пищи) – непривычная, современная пища;
- фразеологизмы фольклорных текстов: *нёхс пити* (букв. соболиное гнездо) дом, в котором царит мир;
- фразеологизмы, связанные с религией и мифологией: Торум ёт, Отыр ёт
 (букв. с Торумом, с богатырем) пожелание здоровья, удачи.

В отдельную группу, по нашим наблюдениям, можно выделить, ввиду ее многочисленности, фразеологизмы мансийского языка, в которых слова употребляются по принципу параллелизма: *пус кат, пус лагыл* (букв. целые руки, целые ноги) – пожелание быть здоровым; *пувтал-нёвыльтал* (букв. без мяса, без костей) – худой человек; *нельтал-суптал* (букв. без языка, безо рта) – молчаливый и др.

Не менее обширную группу составляют фразеологизмы, носящие оттенок презрения, оскорбления, пренебрежения: *тосам сас курщи* (букв. высохшей бересты труха) – старая женщина; *тойттал ут* (букв. едой не наедающийся) – обжора и др.

Также особую группу составляют фразеологизмы, обозначающие различные прозвища, клички, «дразнилки»: *хоса керсоль* (букв. длинный гвоздь) — высокий ростом мужчина; *тарыгсов аги* (букв. дочь сосны) — высокая ростом женщина; *нялынг пуки* (букв. ненасытный живот) — обжора и др.

Наряду с чисто национальными фразеологизмами в мансийском языке нами выявлено несколько заимствованных фразеологических единиц из русского языка: нёвлам Ванька аги (букв. вялого Ваньки дочь) — ленивая, медлительная девушка. Малое количество выявленных нами примеров не означает, что в мансийском языке заимствованные фразеологизмы редки.

Фразеологическая картина мира народа манси сформирована языковыми средствами различных уровней: лексического, грамматического, стилистического. Ее можно рассматривать в таких аспектах, как: 1) закрепленные в языке результаты интеллектуальной обработки информации о мире человеческим сознанием (образность и эмотивная модальность); 2) отражение некоторых философских категорий, формирующих мировоззрение народа; 3) нормативно-ценностные картины мира (деонтическая и аксиологическая модальности).

В основе фразеологической картины мира лежит образное мировидение, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды. Она воссоздает картину мира в сфере обиходно-бытового общения людей, поэтому наиболее близка наивной. Усваивая фразеологизмы, мы воспринимаем фразеологическую картину мира, а потом и создаем ее в процессе использования фразеологических единиц в речи. Мы считаем, что изучение фразеологического состава языков в контексте языка и культуры – благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают культурно значимый смысл во фразеологические знаки, придавая им тем самым и функцию знаков «языка» культуры. «Фразеологические единицы не только выражают и транслируют культурное самосознание народа – носителя языка из поколения в поколение, но и формируются в непрестанном диалоге этих разных семиотических систем» [1. С. 178]. Фразеологические единицы часто выступают как вторичное средство выражения понятия. Наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений. В метафоре прослеживается «само зарождение мысли и ее осуществление в языке» [2. С. 104]. Метафоризация словосочетаний происходит на основе какого-нибудь общего признака, в разной степени существенного для понятий, передаваемых содержанием исходного словосочетания и переносно-образным значением фразеологизма. Она может опираться на сходство от впечатлений, вызывающих сопоставляемые явления, или на одинаковую реакцию на них.

Метафорические фразеологические единицы представлены фразеологическими единствами — «оборотами» с внутренней формой, мотивированными значением исходного словосочетания: *самаге нас вольгег* (букв. два [его] глаза так и сверкают) в значении — глаза разгорелись, *сымум нас торги* (букв. [мое] сердце так и дрожит) в значении — с замиранием сердца, *нелмум аквтоп тув тосыс* (букв. [мой] язык как будто так и высох) в значении — язык отнялся. Разновидностью фразеологических единиц являются фразеологические сращения (идиомы в узком смысле слова), в которых мотивированность утрачена и не осознается носителями языка: *ты-ты, тэслын* (букв. вот и съел) в значении — попасть впросак; *нёлынт щуртумтэлын* (букв. [в твоем] носу проведи линию) в значении — зарубить на носу. Как правило, прототипом фразеологической единицы служит свободное словосочетание или слово (термин).

Фразеологизмы со стержневым компонентом – соматизмом – это один из древнейших классов фразеологии, составляющий наиболее употребительную часть фразеологического состава мансийского языка. Возникли они в результате переносного осмысления словосочетаний, называющих различные действия и состояния, вовлекающие части тела. Наиболее продуктивные соматические компоненты: *пунгк* 'голова', *сам* 'глаза', *кат* 'рука', *лагыл* 'нога', *вильт* 'лицо, облик', *сым* 'сердце', *майт* 'печень', *йис* 'душа', *нот* 'человеческий век, возраст'.

Термин «соматический» впервые в лингвистический обиход был введен в финно-угроведении Ф. Вакк. Рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в своем составе слова – названия частей человеческого тела (названные автором соматическими), исследователь делает вывод, что они являются одним из древнейших классов фразеологии и составляют наиболее употребительную часть фразеологического состава эстонского языка. Их продуктивность обусловлена степенью осознания человеком в прошлом необходимости тех или иных органов для своей жизни.

Соматические фразеологизмы в своем содержании часто не отражают исторических, культурных или социальных фактов. Они возникают в результате переносного осмысления словосочетаний, называющих различные действия и состояния, вовлекающие части тела. В качестве образного стержня части соматической фразеологической единицы используется описание повадок животных, их поведения в различных ситуациях: агм тулмах хольт ёхты (букв. болезнь крадется, как росомаха) в значении – болезнь приходит неожиданно; *ками тулмах* вати усылаквел (букв. самки росомахи короткими шагами) в значении - подкрадываться; соответствующие фразеологизмы обозначают аналогичные ситуации в сфере человеческих отношений. Отдельные действия, передаваемые содержанием исходных словосочетаний указанных фразеологических единиц, присущи только животным. Подчеркнутая экспрессивность создается за счет большого диссонанса их актуального и этимологического значения (кол урнэ акар [букв. дом охраняющая овчарка] в значении – человек, который постоянно сидит дома [охраняя его]; домосед; пальтал щопыр [букв. глухарь без ушей] в значении – плохо слышащий человек; глухой [оскорбительный оттенок]).

Рассматривая фразеологическую картину мира манси, мы установили, что национально-культурная специфика мансийских фразеологизмов может проявляться на трех уровнях:

1. Фразеологизмы мансийского языка могут отражать национальную культуру комплексно, то есть своим идиоматическим значением, всеми компонентами, что составляют суть любого фразеологизма. Национально-культурная специфика фразеологизмов в совокупном фразеологическом значении связана с так называемыми безэквивалентными или лакунарными фразеологическими единицами, которые существуют в любом языке. Это явление объясняется избирательностью фразеологической номинации народов — носителей языков. Например, два фразеологизма хапынг-тупынг пора (букв. лодочная-весельная пора) — сезон, когда открыты (от льда) реки; няр сас нялы (букв. ложка из свежей бересты) — вертлявый, гибкий (о человеке). Первый характеризует традиционный уклад жизни народа в недавнем прошлом, когда манси не знали лодочных моторов и основным средством

передвижения летом были лодки. Во втором – раскрывается традиционная культура: изделия из бересты были неотъемлемой частью быта. Только носитель языка, опираясь на знание своей культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологизмов и непонятные иностранцу.

- 2. Фразеологизмы мансийского языка могут отражать национальную культуру расчлененно, то есть элементами своего состава. Стержневой компонент таких фразеологизмов является почти безэквивалентным. Фразеологические единицы, имеющие в своем компонентном составе национально-культурный компонент, в мансийском языке немногочисленны. Маркированность национальной специфики создается в них наличием специфичных для народа слов, входящих в состав фразеологической единицы: «это либо обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры или религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-то одной страны» [3. С. 67]. Например: няр кувщ (букв. облезлая малица) так среднесосьвинские манси называют жителей д. Кимкъясуй; или сангын кащ (букв. штаны с гнидами) так среднесосьвинские манси называют жителей д. Ломбовож. В данном случае топонимы Кимкъясуй и Ломбовож завуалированы фразеологическими единицами (в основном эти сочетания употребляются среднесосьвинскими манси).
- 3. Фразеологизмы мансийского языка могут отражать национальную культуру своими прототипами свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события в жизни народа и др. На наш взгляд, среди фразеологизмов мансийского языка данной группы можно выделить два основных типа:
- а) фразеологизмы, в которых употребляются названия животных: хоса лэгла сакваляк (букв. длиннохвостая сорока) подол платья слишком длинный; уинг пирва (букв. с червячками утка) непоседливый; халэв (букв. чайка) жадный человек, которые характеризуют человека, его поведение, отношения между людьми, физическое состояние и т. п.;
- б) фразеологизмы, содержащие в своем составе стереотипы народного быта и национальной самобытности.

Несомненной культурно-национальной значимостью обладают индивидуально-авторские афоризмы, отражающие своеобразие индивидуального творческого мировосприятия, основывающегося на образно-концептуальном содержании фольклорных формул, символов. Например: майтум ул пувтэлн (букв. мою печень не коли) — не делай мне больно [4. С. 134]; нанг опан Пащар-я ултта туптал минастэ (букв. твой дед Печору без весел переплыл) — упрямый [5. С. 58].

Фразеологизмы — ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. Они «косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают — как свет утра отражается в капле росы» [6. С. 151]. Фразеологическая картина мира — это универсальная, свойственная всем языкам, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения. Исследование взаимосвязи языка и культуры приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением языковой картины мира. Язык — это знаковая система, где зафиксирована не только реальность, но и символическая

вселенная, специфичный для каждого народа способ восприятия и организации мира, во многом отличающийся от научной картины мира и составляющий у каждого народа национальную модель мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 262 с.
- 2. *Телия В. Н.* Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 269 с.
- 3. *Селифонова Е. Д.* Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) // Фразеология и межкультурная коммуникация. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. Ч. 2. С. 65–68.
- 4. *Шесталов Ю*. Когда качало меня солнце // Шесталов Ю. Собр. соч. С.-Петербург Ханты-Мансийск, 1997. Т. 3. 527 с.
- 5. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. 208 с.
- 6. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избр. работы. М.: Просвещение, 1977. С. 149–162.

Поступила в редакцию 21.02.2013

O. Y. Dinislamova

The phraseological worldview of the Mansi people

The phraseological worldview of the Mansi people is formed by linguistic means of different levels: lexical, grammatical, and stylistic. The phraseological worldview is based upon figurative outlook, forming in the process of collective centuries-old comprehension and transformation of the environment by mankind. Learning the phraseological units, we apprehend the phraseological worldview and then create it in the process of using. Studying the phraseology of languages in the context of language and culture is the fertile ground for the revelation and description of the linguistic means and methods that represent cultural meaningful sense in the phraseological signs, thereby giving them a function of a cultural «language».

Keywords: Mansi, phraseological worldview, tradition, culture, national language, nickname, hunting, fishing, people.

Динисламова Оксана Юрисовна,

аспирант

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет»

г. Ханты-Мансийск

E-mail: oksanabelaja@yandex.ru

Dinislamova Oksana Yurisovna,

postgraduate student, Yugra State University Khanty-Mansiysk

E-mail: oksanabelaja@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.132)

Н. А. Мальнева

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В НАРОДНОЙ ИГРЕ «ГОРАНЬ»

В статье описана коми-пермяцкая старинная игра «Горань», до сих пор бытующая на территории Коми-Пермяцкого округа. Семантика слова 'горань' современному носителю коми-пермяцкого языка непонятна. Автор предполагает, что в этом слове, а позже — в игре отразились языческие представления коми-пермяков: вера в духа огня и очага женского пола.

Ключевые слова: национальные народные игры, коми-пермяцкий, языческие представления, Горань, дух огня и очага, детский фольклор.

В 2006—2011 гг. на территории Коми-Пермяцкого округа нами был зафиксирован значительный материал, свидетельствующий о своеобразии и уникальности игр, распространенных у коми-пермяков ранее и в некоторых населенных пунктах бытующих до сих пор.

Как известно, в одном из значений слово '*uгра*' – это занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивного соревнования [13. С. 204]. В этом значении мы будем использовать названную лексему.

Актуальность и новизна нашей работы состоит в том, что коми-пермяцкие национальные игры вообще мало исследованы. Между тем как составная часть народной культуры они представляют интерес не только в этнографическом, но и в педагогическом, лингвистическом и других аспектах.

И по содержанию, и по совокупности приемов, используемых в них, они довольно просты. Для большинства записанных нами игр не требуется ни специальных предметов, ни специально отведенного места.

Игры издревле существовали как для взрослых (молодых людей), так и для детей. В некоторые из них до сих пор играют и те, и другие. Молодежи они обеспечивают отдых и веселое времяпрепровождение, а у детей — формируют к тому же — знания, умения и навыки, развивают внимание, наблюдательность, мышление, речь, способствуют физическому развитию.

Исследователи утверждают, что «народная игра, как правило, возникает из обряда, смысл и значение которого уже забыты» [3. С. 16]. О том, что многие игры коми-пермяков имеют давнюю историю, свидетельствуют и названия, и отдельные слова, встречающиеся в них.

Так, никто из коми-пермяков не может сегодня объяснить, что означает слово «горань», которым названа игра.

В Косинском р-не Коми-Пермяцкого округа нами записаны два варианта этой игры, в которую играют дети. В первом варианте участники встают в круг, одному игроку завязывают глаза и раскручивают его вокруг себя, приговаривая:

Пич-пань, горань,
Чибучань, горань,
Кытчö туйтö талин?
Кытчö нылтö сетін?
Куда дорогу протоптал (а)?
Куда дочь выдал (а)?
Баня бöрын күлöм баля,
За баней мертвая овца,

Мун, сій*ö сей,* Иди, ее ешь, Мен*ö* эн сей. Меня не трогай.

Затем играющие хлопают в ладоши и разбегаются на такое расстояние, чтобы игрок с завязанными глазами (галевой, галитісь — водящий один кон, одну партию в игре) мог их поймать. Ориентироваться галевому помогают прерывистые хлопки разбежавшихся детей. Водящий ловит игроков: кого поймает, тот становится галевым (устное сообщение Н. С. Юркиной).

Во втором варианте игры, записанном там же от С. К. Тимофеевой, играющие произносят:

 Чельчи-пельчи,
 Чельчи-пельчи,

 Тарасовчи!
 Тарасовцы!

Кытчö нылтö сетін, Куда дочь выдал (а),

Сэтчö туйтö талин. Туда дорогу протоптал (а).

Менö эн сей, Меня не трогай, Кулöм балясö сей Мертвую овцу ешь, Важ баня дынісь. Около старой бани.

Когда проговариваются эти слова, игрока с завязанными глазами (галево-го) бьют по спине рукавицами. (Для сравнения см. в толковом словаре В. Даля: 'галить' или 'галеть' – арх. 'лягаться', 'бить задними ногами', 'брыкаться' [2. С. 342]).

Далее играющие разбегаются на такое расстояние, чтобы *галевой* с завязанными глазами мог их поймать. Когда он подходит близко к кому-либо из играющих, тот кричит: «Огонь!». Пойманный становится следующим *галевым*.

В Кудымкарском р-не игра «Горань» имеет еще и другое название «Кормление овсом» («Зöрöн вердöм»). Один играющий садится и на колени кладет шапку. Галевой наклоняется к нему и прячет лицо в этой шапке, а одну руку ладонью вверх кладет на свою спину. Играющие по очереди ударяют по ладони — «кормят овсом», — и галевой должен угадать, кто ударил. Если угадает, то игроки меняются, если нет, то водит повторно (устное сообщение 3. М. Швецовой).

В книге «Корни бытия» зафиксирован еще один вариант игры с названием «Горань» следующего содержания: «Играющий с завязанными платком глазами

ловит того, кто издает звуки "Куру!". Если парню попадается девушка-куру, он старается узнать ее не только по прическе, одежде, но и допускает разные вольности» [5. С. 301].

В коми-пермяцко-русском словаре читаем: «горань – жмурки (игра), гораньон орсны – играть в жмурки» [6. С. 101].

Исследователь русского фольклора К. А. Богданов выделяет три условия, необходимые в сюжете игры в жмурки:

- наличие двух взаимодействующих субъектов: того, кто ищет, ловит, отгадывает, и того, кого ищут;
 - тот, кто ищет, обязательно ограничен в сфере своего зрения;
- имеет преимущества в каком-либо из иных механизмов ориентации [1. C. 109].

Действительно, все приведенные нами варианты игры основаны на элементе поиска игроком с завязанными глазами остальных играющих, для чего имеется своеобразный механизм ориентации: хлопки в ладоши и выкрики «Огонь!» или «Куру!».

Бытующую в современной жизни игру в жмурки, К. А. Богданов относит к детским играм, но задается вопросом, сводится ли она исключительно к детской психологии. Он справедливо считает, что для этнографа и фольклориста просматривается контекст «взрослой» традиции – практика образного поведения, и интерпретирует историко-культурное понимание слепоты как знак смерти [6. С. 117]. В доказательство исследователь приводит историко-этимологический анализ слова «жмурки» и названия этой игры у разных народов: чеш., словен. slepa baba, польск. slepa babka («слепая баба», то же в рум.: baba oarba) [6. С. 114]; рус. «слепой козел», сибирское «слепушка» [6. С. 140]; у англичан – «толчок слепца», у немцев – «слепая корова», у итальянцев – «слепая курица» [6. С. 109]. Далее исследователь поясняет, что общеславянское слово «баба» в контексте народной традиции часто служит как табуистическое обозначение мифологических персонажей, олицетворяющих всякого рода опасности и болезни. Так, в русских сказках Баба-Яга вынюхивает свою жертву, так как «она слепа (или у нее болят глаза)» [10. С. 83].

Итак, образный смысл игры в жмурки заключается в том, что слепой ищет зрячего – мертвый ищет живого. Игра выражает идею контакта живых людей с потусторонним миром в форме своего рода акциональной психотерапии.

Почему же коми-пермяцкая игра называется «Горань»? Что означает это слово? В этимологическом словаре коми языка указано, что первоначально слово «горань» обозначало стряпуху [8. С. 430]. Словарная статья объясняет образование данного слова как сложение двух самостоятельных слов: гор — печь и ань — женщина (отметим, что у северных коми-пермяков, жителей Гайнского, Косинского и Кочевского р-нов Коми-Пермяцкого округа, слово ань не употребляется, тогда как у южных коми-пермяков, представителей Кудымкарского и Юсьвинского р-нов, оно используется в значении — мать мужа, свекровь).

Позволим себе отчасти не согласиться с авторами этимологического словаря. По нашему мнению, первоначально словом «горань» назывался дух *огня*,

и только постепенно, с изменением мировосприятия коми-пермяков, слово приобрело новое значение, им стали называть стряпающую женщину (стряпуху).

У исторических предков коми-пермяков слово гор (очаг) имело символическое значение: сохранение огня, тепло и приготовление пищи, а значит и жизнедеятельность увтыра (рода). Почитание огня – одно из глубоких архаических верований. В представлениях древних предков коми-пермяков, по-видимому, существовал дух огня, трансформировавшийся в дух очага женского пола. По поверьям, на огонь (топящуюся печь) нельзя плевать или испускать мочу, в противном случае последует наказание: на языке или половых органах могут выступить волдыри (устное сообщение информанта Л. С. Грибовой). Как сообщает фольклорист В. В. Климов, в Сервинском сельском совете Кудымкарского р-на Коми-Пермяцкого округа еще недавно справляли «куриный» праздник как жертвоприношение духу огня: пеклись на жертвенном огне петушки [5. С. 195]. Для сравнения: в дохристианских верованиях мордвы имело место обожествление огня, олицетворенного в образе Тол-авы (тол – огонь, ава – женщина, мать). «Тол-аве часто делались жертвоприношения: бросались в огонь различные кушанья (особенно яйца), выливалось пуре (медовая брага)... божество огня Толава родственно аналогичному марийскому божеству Тул-ава (мар. тул - огонь, ава – женщина, мать)» [12. С. 248].

Поддержание домашнего очага и приготовление пищи у коми-пермяков были специфически женскими занятиями, тогда как мужчина-добытчик уходил на охоту в лес или рыбачить на реку. Символическое значение приобретали сама стряпуха, номинированная *горань*, и ее деятельность, подчас скрытая от мужчин и других членов семьи в *ком* (в коми-пермяцкой избе это место около печи, закуток, закрытый от постороннего глаза дощаной перегородкой или занавеской). Значимость *стряпухи* в жизни коми-пермяков отражает коми-пермяцкая пословица: «Коть не комын да не дом йылын» (Хоть и не на кухне, да не на привязи) [7. С. 188].

Так, постепенно трансформировался образ некоего мифологического существа женского пола, персонифицировавший опасность, границу мира живых и мира мертвых, от которого, по представлениям коми-пермяков, зависели благополучие, обеспеченность семьи и которого время от времени, по-видимому, принято было угощать, приносить ему жертвы. Это отразилось в словах, которые выкрикивают игроки в современной игре и в вариантах ее названия — «Зöрöн вердöм» (кормление овсом).

Со временем вера в духов огня и очага утратилась, в качестве реликтового явления отразившись в национальной игре «Горань». Здесь Γ орань представляет уже мнимую опасность, потому ей и предлагают отведать дохлую овцу около старой бани или за баней. Выкрики в обоих вариантах игры свидетельствуют также о контаминации двух мифологических образов: духа домашнего очага (Γ орань) и духа бани (Γ оне навредил человеку. До недавнего времени каменку (Γ оне горому коми-пермяки тоже приносили жертвы, чтобы он не навредил человеку. До недавнего времени каменку (Γ оне горому коми-пермяки тоже приносили жертвы, чтобы он не навредил человеку. До недавнего времени каменку (Γ оне горому коми-пермяки тоже приносили жертвы, чтобы он не навредил человеку. До недавнего времени каменку (Γ оне горому коми-пермяки тоже приносили жертвы, чтобы он не навредил человеку. До недавнего времени каменку (Γ оне горому коми-пермяки тоже приносили жертвы, чтобы от сутствовал, то брызгали просто водой (устное сообщение Γ образгали просто водой (устное сообщение Γ образгали славян существовал банник, банный

дух, по представлениям, черный, мохнатый, злой мужик, он мог быть и женского пола, в нем преобладают черты духа огня, которому делают жертвоприношения: бросают на печь впервые топящейся бани соль [4. С. 511]).

С мифологическим существом *Горань* тесно связано и другое мифологическое существо коми-пермяков — *Суседко* (*Суседку*). Это — хранитель дома (иногда женского пола), который якобы живет в голбце (под полом) и которого тоже угощали хлебом с солью, молоком с крошками [9]. Связь хозяйки очага, *Гуранька*, и хозяина дома, *Керка видзысь* (буквально: хранитель дома), наблюдается и в коми-зырянской мифологии [11. С. 291].

Не будем акцентировать внимание на любовном варианте игры, зафиксированном в книге «Корни бытия», где отмечены «разные вольности» играющего с завязанными глазами парня в отношении к девушке-куру. Исследователи игры в жмурки отмечают ее эротический характер и у других народов [1. С. 143].

Наша задача была — через игру «Горань» выявить существовавшие в древности языческие представления коми-пермяков. Сказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

- игра «Горань» красноречиво свидетельствует о древних мифологических представлениях, сформировавшихся у коми-пермяков на основе веры в многобожие;
- в названии игры сохранилось имя языческого божества *огня* и *очага* женского пола, которому поклонялись коми-пермяки;
- коми-пермяцкое слово «*ань*» эквивалентно русскому слову «баба», табуированно обозначавшему демонического персонажа, олицетворяющего опасность и находящегося на границе живого и неживого миров. Это позволило нам предположить, что в игре «Горань» слепота водящего выражает представление о смерти, инкорпорируемой в жизнь;
- в инсценировке и в текстовом материале игры четко проявляется вышучивание темы смерти.

Таким образом, остаточные явления языческих представлений коми-пермяков отразились в современном детском фольклоре, в частности в игре «Горань».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Богданов К. А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 438 с.
- 2. Даль B. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1995. 800 с.
- 3. Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. / Науч. ред. и отв. за вып. Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 382 с.
- 4. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивиной. Примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович, К. В. Чистов. Послесл. К. В. Чистов. М.: Наука. Гл. редакция вост. лит., 1991. 511 с.
- 5. *Климов В. В.* Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках; на комиперм. и рус. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.
- 6. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

- 7. Куда же вы уходите? Коми-пермяцкие сказки, песни, частушки, детский фольклор, заговоры, малые жанры фольклора. На коми-пермяцком языке / Сост. В. В. Климов. Кудымкар: Пермск. книжн. изд-во, Коми-Пермяцкое отд., 1991. 288 с.
- 8. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
- 9. *Мальцева Н. А.* Своеобразие мифологических представлений коми-пермяков и их отражение в детском фольклоре // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы III междун. науч.-практич. конф. «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края ответственность молодежи» (28–29 ноября 2007 г., Кудымкар). Т. 2. Кудымкар, 2007. С. 167–176.
- 10. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
- 11. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... / Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.
- 12. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. 2-е изд-е, доп. и перераб. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1998. 248 с.
- 13. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. докт. филол. н., проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.

Поступила в редакцию 20.04.2013

N. A. Maltseva

The reflection of the Komi-Permian pagan beliefs in a folk game «Goran»

The article deals with the Komi-Permian folk game «Goran», which has been played on this area since ancient times. The semantics of the word «goran» is not known for the modern inhabitants. The author supposes that both the word and the game reflect pagan beliefs of the Komi-Permians: belief in the spirit of fire and in female hearth.

Keywords: national folk games, the Komi-Permian, pagan beliefs, Goran, the spirit of fire and hearth, children's folklore.

Мальцева Надежда Александровна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Пермский научный центр Уральского отделения РАН г. Кудымкар

E-mail: rabota02007@yandex.ru

Maltseva Nadezhda Alexandrovna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), senior research associate,
Perm Scientific Center UrB of RAS
Kudymkar

E-mail: rabota02007@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=512.145)+(=511.131)

В. Х. Хакимова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГАЯЗА ИСХАКИ И КЕДРА МИТРЕЯ

Творчество татарского писателя Гияза Исхаки (1878–1954) и удмуртского писателя Кедра Митрея (1892–1949) привлекает внимание исследователей озабоченностью каждого из них судьбой своего этноса.

Ключевые слова: этнос, ассимиляция, судьба нации, традиции, религия, историческая память, народное творчество.

Книга «Инкыйраз» ясно обозначила место и роль Гаяза Исхаки в татарской литературе. Собратья по перу и критики признали за ним право занимать одно из самых почетных мест в негласной «табели о рангах» так называемой булгарской культуры. Джамал Валиди, Газиз Губайдуллин, Махмуд Галяу и др. в своих рецензиях на эту повесть, написанную в жанре антиутопии, высоко оценивают ее. Габдулла Тукай посвящает «Инкыйразу» стихотворение под названием «Кем ул?» («Кто он?», 1907). Любопытно, что подобная форма повествования — «через двести лет» — встретится затем в поэме «Летающий пролетарий» В. Маяковского и в романе «Выль дунне» («Новый мир») удмуртского прозаика Г. Медведева, который, правда, в отличие от Гаяза Исхаки, создаст утопию, а не антиутопию.

Исхаки написал «Инкыйраз» в 24 года, изобразив, как к 2104 г. на планете все татары ассимилируются и останется последний человек, говорящий на татарском языке. Финал повести символичен: герой гибнет под обломками старой мечети, ставшей как бы его мавзолеем. Для своего возраста автор обнаруживает довольно хорошее знание истории: главный герой его повести носит имя Джагфар. Так звали одного из булгарских правителей — Алмуша, бывшего маликом (государем) Булгарии в перв. четв. Х в. (895–925). О том, что молодому Исхаки было известно, по крайней мере, о посольстве, прибывшем в Булгарию в 922 г. из Багдада, столицы Арабского халифата, свидетельствует также упоминание слова «бельгевар» (у Ибн Фадлана, автора «Записок» о посольстве 922 г., читается как «балтавар»). Оно предложено читателю как эквивалент «профессору»

(«бельгевар=белегевар» означает «имеющий знания»). Исхаки упоминает также имена других правителей Чингизидов: Улуга Мухаммеда (в дальнейшем он напечатает пьесу с одноименным названием) и Узбека, сыгравших немаловажную роль в истории татарского народа. Хорошо осведомлен Исхаки также о событиях более поздней истории (XIX – перв. годы XX вв.).

Хотя хронотоп утопии переносит нас в далекое будущее, автор поднимает острые нравственно-социальные проблемы, характерные для нач. ХХ в. В 5 пунктах перечислил Гаяз Исхаки причины, задерживающие полноценное общественно-историческое развитие татарской нации. В основной части «Гибели через двести лет» они расшифровываются обстоятельнее. Это — рабство, отсутствие приличных школ, бедственное положение основной массы населения, нежелание учиться у русских правителей. Изображенные в «Улуг Мухаммеде» исторические события и нравственный конфликт с русским князем Василием II — сюжетообразующие компоненты, питающие общественно-эстетическое воздействие драмы.

Роман «Дочь нищего» (1901–1908), состоящий из трех частей, повествует о жизненном возрождении девочки-сироты Сагадат как символическом возрождении нации после четырехвекового гнета. Как показывает Гаяз Исхаки, «воскресение» «новорожденной» Сагадат стало возможным лишь благодаря опоре на совесть и национальное чувство. Важно, что тяжелая судьба женщины была в центре внимания и Кедра Митрея, и других национальных писателей Волго-Камья.

Проникая в глубины народной жизни, Гаяз Исхаки направляет свое внимание и на явления, скрытые от взгляда простого человека. В центр художественного исследования он ставит вопрос о цели и смысле существования отдельной личности, и этому посвящен роман «Жизнь ли это?» (сам писатель называл его повестью). Писатель обращается здесь к душевной драме интеллигента, в котором пробуждается осознанная мысль о необходимости в корне изменить свою жизнь.

Кедра Митрей изучал историю по книге П. Луппова «Христианизация у вотяков в первой половине XIX века» (1911), по этнографическим трудам Г. Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1886), «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889) и др. По словам самого писателя, он использовал также архивную рукопись «Преподнесение адреса и наперстного креста своему пастырю прихожанами-инородцами, вотяками 1901 года», найденную в архиве библиотеки Вятки.

Кедра Митрей органично сочетает в своем творчестве романтизм и реализм. Тому примером является роман «Тяжкое иго» — книга о жизни удмуртских крестьян, находящихся под двойным гнетом: церковным и социальным. Роман интересен обилием юмора и сатирических сцен, образностью языка.

Тематически близка к этому роману драма Гаяза Исхаки «Зулейха». Основные конфликты драмы связаны с резким неприятием татарским народом насильственной христианизации. Своеобразие жизни татар показано через их национальную ментальность. Гаяз Исхаки опирается как на литературные национальные традиции, так и на татарский фольклор. При характеристике персонажей актуализируются мифологические образы, включаются пословицы, поговорки,

используются и другие языковые средства. В драме «Зулейха» представлен традиционный сюжет татарской свадьбы. Так в кульминационных моментах действия он, как и Кедра Митрей, обращается к народному творчеству.

Анализируя трагический процесс христианизации удмуртов в романе Кедра Митрея, А. С. Измайлова-Зуева убедительно показывает драматические последствия такого рода «диалога» языческой и христианской культур.

Автор «Тяжкого ига» диалектичен: его герои принимают крещение в силу сложившихся обстоятельств. У них не хватает сил тягаться со сторонниками государственной религии. Но через церковно-приходскую школу они могут приобщиться к грамоте. Отсюда возникает явление двоеверия: для вида герои ходят в церковь, но молятся своему *Инмару* и духам предков. Главный герой Дангыр принял крещение, чтобы, обучившись у попа грамоте, прочитать предсмертное письмо погибшего в каторге отца. Из письма же он узнает, что жизнь отца сломалась из-за власть предержащих и что отец завещает ему не поддаваться «воронам», уничтожать их. В Дангыре возрастает ненависть к социальным и духовным угнетателям.

Писатель понимает больше, чем его герой. Он видит и противоречивость, и взаимосвязанность явлений общественной жизни: в церковно-приходской школе он усматривает способ духовного угнетения инородцев и уничтожения национальной культуры, но также и путь к расширению кругозора, к чтению книг и проникновению революционных идей, тем самым — выпускается «джинн из бутылки». Действиями своих героев он словно подтверждает предложение Фамусова из комедии «Горе от ума»: «Забрать все книги бы, да сжечь», — а ректор Казанского университета Магницкий предлагал закрыть университет, как источник свободомыслия и бунта.

В романе «Тяжкое иго» принцип фольклорной идеализации своеобразно замещает реалистическую типизацию. В многонациональной прозе 1920-х гг. главный герой осмыслялся не как индивидуальность, а как носитель совокупных черт характера, присущих народному герою.

А. С. Зуева полагает, что дело не только в том, что национальные писатели в 1920-е гг. еще не могли овладеть реалистической эстетикой в полной мере. Со ссылкой на В. Днепрова она отмечает, что идеализация как тип художественного обобщения была оправдана временем, соответствовала уровню сознания характера народа. В исторических романах 1920-х гг. ведущие герои, созданные по модели фольклорной типизации, выполняли также роль примера для подражания. В фольклоризованных образах героев писатели выражали веру в народные силы, способствовали пробуждению в читателях активного и действенного отношения к новой жизни.

Известно, что на подобную типизацию обратил внимание М. Горький, выступая на Первом Всесоюзном съезде писателей: «...если к смыслу извлечений из реального данного добавить – домыслить, по логике гипотезы, – желаемое, возможное, – и этим еще дополнить образ, – получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, – отношения, практически изменяющего мир». Такая форма типизации характерна и для ряда произведений Гаяза Исхаки.

Рассматривая субъектную организации удмуртского романа, критик-литературовед А. С. Зуева разграничила повествователя-современника и повествователя-историка. Знание Кедра Митреем исторических условий общественного развития, национальной политики царского правительства проступает в рассуждениях историка об организации волостных правлений, в истолковании им процесса христианизации. Повествователь-современник изображает историческое прошлое как происходящее настоящее. Дангыр — одинокий бунтарь, способный плыть против течения; он не отрекается от религии предков, от своего языческого имени: гордый и упрямый, как его отец, он не может простить унижений. Любитель уединяться, лиричный, безоружный перед любимой девушкой... Герой повести находит время любоваться просыпающейся природой, пристально вглядывается в детали явлений.

Функция повествователя как историка-этнографа помогает осмыслить прошлое и четче обозначить исторические и бытовые контуры эпохи. Вместе с тем это богатый по своей познавательной ценности материал, помогающий осветить сегодняшний день.

Принципиально важно, что две ипостаси повествователя мы наблюдаем и в *«Инкыйразе»* Гаяза Исхаки – историка и современника, с той лишь разницей, что историк у татарского писателя переносится не только в прошлое, но и в мрачное будущее.

Итак, жанр романа в молодых литературах имеет тенденцию к многогранному повествованию, к актуализации этнических проблем, к синтезу романтического и реалистического методов изображения действительности.

Важной особенностью повествователя-историка является то, отмечает А. Зуева, что он, как аналитик, умеет заглядывать в социальный «корень» характеров и событий, выявлять их причинно-следственные связи. Если повествователь-современник наблюдает за сценой открытия новой церкви «со стороны», не задумываясь о его подоплеке и последствиях, то историк разъясняет, за счет каких средств построен в селе храм, в других случаях сообщает о применении насильственных мер по искоренению народных верований: о разрушении культовых построек и вырубке священных рощ.

Таким образом, мы обнаруживаем озабоченность Гаяза Исхаки и Кедра Митрея судьбой своего этноса. Каждый в своей национальной литературе стал первопроходцем в разработке исторического жанра. Оба проявили знание исторической обстановки, умение сочетать в создании исторических персонажей разные способы типизации и индивидуализации. Оба писателя мастерски используют силу художественного слова, в том числе приемы сатирического изображения жизни. Их драматические произведения воздействуют на психологию читателя и побуждают к практическим действиям для духовного возрождения своего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Измайлова-Зуева А. С.* Тема язычества и христианства в романе // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедра Мирея: Воспоминания, статьи, письма,

посвящения и произведения Кедра Митрея / Сост. З. А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2003. 352 с.

- 2. *Горький М.* Собр. соч. В 30 т. Т. 23: Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933—1936. М.: ГИХЛ, 1953. 588 с.
- 3. *Измайлова-Зуева А. С.* Одинокий путник (Раздумье. О творчестве классика) // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедра Митрея / Сост. З. А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2003. 352 с.

Поступила в редакцию 18.04.2013

V. H. Hakimova

The national question in the art world of Gayaz Ishaki and Kedra Mitrey

The creation of the Tatar writer Gayaz Ishaki (1878–1954) and the Udmurt writer Kedra Mitrey (1892–1949) attracts researchers' attention by the anxiety of each about the fate of their own ethnos.

Keyworlds: ethnos, assimilation, the fate of the nation, traditions, religion, the historical memory, the folk creation.

Хакимова Василя Харисовна,

преподаватель высшей категории, БОУ СПО «Удмуртский республиканский социально-педагогический колледж» г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Hakimova Vasilya Harisovna,

Teacher of the highest category, The Republican Social-Pedagogical College Izhevsk

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 82.09(=511.132)

Н. В. Горинова

ФЕНОМЕН ДВОЙНИЧЕСТВА
В ДРАМЕ А. ЛУЖИКОВА «ЫДЖЫД ВИСЬÖМ»
(БОЛЬШАЯ БОЛЕЗНЬ)*

Пьеса А. Лужикова «Большая болезнь» отражает изменяющуюся действительность в эпоху смены веков. Автор усложняет характер персонажа, расщепляя его на несколько составляющих, которые выступают как двойники главного героя, что позволяет показать деградацию современника под воздействием негативного влияния социума.

Ключевые слова: драма, тема двойничества, двойники, конфликт, переходный период.

Конец XX в. в драматургии коми отмечен плодотворной деятельностью драматургов старшего поколения (А. Ларев, П. Шахов, Г. Юшков, Н. Белых) и молодых авторов. К драматургии обращаются прозаики и поэты О. Уляшев и А. Попов. Из молодых заявил о себе Александр Лужиков, автор пока одной пьесы — «Ыджыд висьом» (Большая болезнь, 1997), известный как поэт, развивающий мотив двойничества, отразившийся в его стихотворных сборниках «Ме тэно радейта» (Я тебя люблю, 1989) и «Енэжшорса ордым» (Небесный путь, 1994). В них представлены лирические размышления поэта о внутренней дисгармоничности, о постоянных метаниях между добром и злом.

В драме «Ыджыд висьом» эта тема усложняется: автор изображает встречу героя с несколькими своими двойниками, как художественным приемом отображения разорванности, противоречивости сознания творческой личности, живущей в стесненных и непреодолимых обстоятельствах.

Двойник (человек, имеющий полное сходство с другим) — тема, активно разрабатываемая в мировой и отечественной литературе. Ее начала восходят к мифам, сагам, сказкам многих народов мира. Этот мотив «у египтян связывался с учением о "ка". Это часть души, имеющая сходные формы с человеком. Немцы именуют двойника "двойным идущим". Согласно шотландским преданиям,

 $^{^*}$ Публикация подготовлена в рамках Проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

двойник является для того, чтобы схватить человека и толкнуть его к гибели. У евреев появление двойника служило знамением обретения пророческого дара...» (Борхес). Наибольшую художественную полноту тема двойника получила в романтической литературе, настойчивый интерес к иррациональным глубинам психики человека. Душа человека представлялась ими как сгусток противоречивых мыслей, страстей и желаний, как соединение «ангела и зверя». Поэтому в романтическом герое совмещены прямо противоположные качества. С одной стороны, это «одинокий бунтарь», для которого характерны «неприятие мира, мирового порядка, пессимистическая переоценка этических и религиозных норм». С другой – «романтический бунтарь сохраняет в себе жажду гармонии, воссоединения с миром, тоску по утраченной простоте и целостности...» [1. С. 8]. Разлад личности, ее сознания, распад ее целостности в произведениях романтиков, в свою очередь, приводит к раздвоению личности, провоцируя появление двойников романтических героев.

Феномен двойничества более всего актуализируется в переломные моменты культурно-исторического развития, что обусловлено общей неустроенностью, кризисом общественного сознания... Трагизм, неустроенность, пронизывающий всю атмосферу эпохи, обостряет кризис сознания. Неустойчивость мира, неравновесие не может не отразиться на мироощущении писателей, их мировидении. В их творчестве настойчиво звучат настроения потерянности, одиночества, растерянности перед жизнью, ощущения утраты внутренней целостности [3. С. 128].

Конец XX в. явился переломным моментом культурно-исторического развития. Феномен двойничества, как один из аспектов кризисного состояния эпохи, как показатель ощущения утраты внутренней целостности, вновь актуализируется.

Посмотрим, как это реализуется в драме Александра Лужикова «Ыджыд висьом». Прежде всего, это двоемирие во внутренней жизни героя. В сознании главного героя драмы Мосея Ивановича Шондібанова (досл. Солнцеликий) есть мир реальный, в котором он писатель, лауреат премий, секретарь партийной организации, орденоносец. В этом мире он уважает и ценит свою работу, свое положение в обществе, свою страну и тех, кто им руководит.

Но есть другой мир – нереальный, существующий в сознании героя. Здесь он ненавидит все, чему следует в действительности. Он понимает бесчеловечность некоторых законов своего государства, он видит жестокость и беспощадность существующего социального устройства по отношению к личности. Но страх быть арестованным не позволяет Шондібанову открыто высказать свои мысли. Герой, таким образом, живет двойной жизнью и выход своим эмоциям находит в поэзии: там он может быть самим собой и свободно раскрывать свои мысли и чувства. Вот одно из его стихотворений:

Коть и ачым муна пемыд ворті полой лэбо югыд енэж шорті. Му выв олом абу мортлон ловлы, тані ловлы сэтшом гажтом овло! — сійон лолой енэж шоро качис. Но од, но од татчо кольччи ачым...

Хоть иду по темному лесу моя душа летит в светлом небе. Земная жизнь не для души человека, здесь душе так тоскливо бывает! — поэтому моя душа поднялась в небеса. Но ведь, сам я остался здесь...

Öтнам муна пемыд шуштом ворті: Лолой лэбо югыд енэж шорті. Один я иду по темному мрачному лесу: Душа моя летит по светлому небу.

(Здесь и далее перевод наш. – H. Γ .) [4. C. 192].

Жизнь в современном мире, воспринимаемая Мöсеем как блуждание в темном лесу, отражает мучительное существование Шондібанова в обществе, которое стремится подавить человека, лишить его независимости. Душа героя отъединена от него и от того социального устройства, в котором он живет. И эта оторванность души — свидетельство ее чистоты, не позволяющей и мешающей ему смириться с происходящим в жизни, а потому он «блуждает» в поисках света.

Только в поэзии он может быть самим собой и откровенно выражать свои мысли и чувства.

«Блуждания» Шондібанова между двумя мирами приводят его к сильному эмоциональному напряжению. Он и сам понимает свое болезненное состояние, и даже ставит себе диагноз, обозначенный автором в названии драмы – «Большая болезнь».

На первый взгляд, это кажется не совсем точным: и на коми, и на русском языках обычно говорят о *тяжелой* болезни (*«сьöкыд висьöм»*). Но здесь речь идет не столько о физическом недуге, сколько о нездоровье духа — о постоянном страхе потерять свое положение в обществе и свою жизнь, как это происходило в Советском Союзе со многими открыто выражавшими свою позицию писателями. Герой называет свой страх эпилепсией: подобно припадкам этой болезни, герой испытывает конвульсивное состояние. Как раз *«большим»* и называется один из видов эпилепсии, отличающейся от обычной более грозной симптоматикой (потерей сознания и контроля над собой). К такому состоянию и приходит в конце драмы главный герой, именно таким делают его социальная действительность и его раздвоение. Следствием же нервного расстройства Шондібанова становится появление в его сне некоего Гражданина Икс, двойника Мöсея.

По мысли исследователя Е. Нечаевой, «проблема двойничества напрямую связана с проблемой демонизма, когда внутри человека выявляется существующий некий зависимый от него демон... Тема двойника имеет истоком и христианское определение дьявола, который есть то зло, что не имеет собственно генетического начала, но является только падением того, что первоначально было добрым» [1. С. 16]. В драме А. Лужикова двойник Шондібанова также воплощает не самые лучшие черты своего «хозяина». Однако, в отличие от знаменитых героев-двойников (Гофмана или Достоевского), Гражданин Икс не столь подл и низок. В пьесе он выступает как преуспевающий американский бизнесмен, которого интересуют только деньги: «Шыбит гижан уджто, Мосей. Шыбит. Гижан удж помсьыд гачтöгыд колян. Шыбит гижнытö, Мöсей. Аслам фирмаö босьта тэнö. Морт моз кутан овны!» (Бросай ты свое писательство, Мосей. Бросай. Из-за этой писанины без штанов останешься. Бросай писать, Мосей. Возьму тебя в свою фирму. Будешь жить как человек!) [4. С. 192], «Ок, аддзывлін кö *тэ, кыдзи сэні, бугор саяс олоны!»* (Ох, видел бы ты, как там, за бугром живут!) [4. С. 192]. Гражданин Икс концентрирует в себе приверженность «хозяина» к материальным ценностям, хотя сам Мосей утверждает обратное: его волнуют вопросы правильного устройства общества, справедливого суда, братолюбия...

В традиции встреч героя с несколькими своими двойниками, автор пьесы «Ыджыд висьом» тоже сталкивает Мосея с несколькими его двойниками, причем большинство из них не имеет собственных имен. Имена даны Шондібанову и его семье (жене и матери), остальные же – прокурор, судья, милиционер – безымянны. Гражданин Икс – тоже не имя. Так его называют автор в ремарках и судья, ввиду того, что, по словам последнего, «фамилия, имя и отчество пострадавшего не установлены». Отсутствие имен объединяет в какой-то мере прокурора, судью и милиционера с Гражданином Икс. Не иначе как «гражданин» обращаются в пьесе еще несколько раз и к судье, что позволяет провести аналогию между ним и Гражданином Икс. А если учесть, что события совершаются в сне главного героя и противоборство полярных сил происходит внутри него, то все безымянные персонажи в более условном плане тоже двойники Шондібанова. Но, в отличие от двойников, к примеру, Раскольникова (Свидригайлов, Лужин, Лебезятников) как разной степени воплощения идеи о вседозволенности, коми драматург предлагает иную трактовку. Его персонажи-двойники, будучи результатом ущемления личности героя, различны: если Гражданин Икс олицетворяет собой его желания, мечты, идеи, то остальные персонифицируют собой суд, осуществляемый героем над самим собой, некий самоконтроль, ограничивающий свободу Мосея в его стихах и – риск своей жизнью.

Первой угрозой в пьесе появляется милиционер. Он постоянно выискивает в поведении Шондібанова то, что противоречит законам государства, и ждет удобного момента, чтобы уличить главного героя и арестовать. На психологическом уровне в милиционере персонифицируется комплекс самоконтроля Шондібанова, позволяющий ему не выходить за рамки закона.

Прокурор в драме способен внушить герою страх. Именно реплики прокурора напугали Шондібанова и заставили его изменить свое отношение к Гражданину Икс. Речь прокурора характеризуется краткостью, непоколебимостью, убежденностью. Схема его вопросов к подсудимому и свидетелям проста: под страхом ареста найти преступление там, где его не было. В душе Шондібанова прокурор являет собой своего рода антисовесть Мосея, все время напоминающую о возможных последствиях его творчества и заставляющую прекратить обличение государства. Роль судьи как двойника Шондібанова в пьесе невелика. Он не произносит длинных речей, не пугает подсудимых. Из всех его функций в сцене суда наиболее существенной является вынесение приговора. Он осуждает Шондібанова и Гражданина Икс на 10 лет тюрьмы. Прокурор, судья, милиционер как двойники производят обратные совести героя действия. Их появление в пьесе сигнализирует об отношении героя к самому себе: не кто иной, как Шондібанов, подобно милиционеру, следит за своей речью и поступками; не кто иной, как сам Мöсей, подобно прокурору, осуждает себя за вольные мысли, пугает себя 10 годами тюремного заключения; не кто иной, как сам главный герой, уподобившись судье, читает себе приговор.

Судебная система, воплощенная в драме А. Лужикова в образах двойников героя, превращает его самого в своего подчиненного, и, более того, он приобретает черты своих двойников. Гражданин Икс на некоторое время исчезает, и его поисками власти не занимаются. Между тем ожидание ареста приводит

главного героя к абсурдной ситуации: Мосей сам превращает свою квартиру в тюрьму: «Шондібановлон патера. Жырйыс тюрма камера кодь — ошиньяссо решеткаалома. Диван пыдди пу нар. Уль повысь вочом, краситтом пызан сулало. Краситтом лабич да джекъяс» (Квартира Шондібанова. Комната похожа на тюремную камеру — окна с решетками. Вместо дивана нары. Стоит некрашеный стол из досок, некрашеные скамья и стулья) [4. С. 190]. Кроме того, Шондібанов теперь одет как заключенный (фуфайка, валенки, тельняшка). Все это указывает на признаки сумасшествия героя. Однако, если учитывать, что все это происходит во сне Мосея и что прокурор, судья, милиционер — его двойники, то есть он сам себе вынес приговор, то — по логике — сам и должен его исполнять. При всей абсурдности поступки героя объясняются его раздвоенностью: он — приговоренный и он же — исполнитель приговора.

Далее в пьесе неожиданно появляется Гражданин Икс. Оказывается, все это время он был в эмиграции в Америке, что наложило на его характер отпечаток: он стал преуспевающим бизнесменом. Шондібанов не рад успехам своего друга, наоборот, они его раздражают, причем до такой степени, что он убивает Гражданина Икс. На первый взгляд, поступок Мосея нелогичен. Финансовое благополучие Гражданина Икс — еще не повод лишать его жизни. Однако мы рассматриваем этот поступок в контексте происшедших прежде событий: ранее двойники судили его, затем он сам «заключил» себя в тюрьму, исполнив приговор, вынесенный судом, то есть самим собой. Далее, убивая Гражданина Икс, он продолжает роль исполнителя приговора — теперь в качестве палача. С самого начала пьесы А. Лужикова механизм суда запущен, и он должен завершиться: приговор должен быть реализован.

Таким образом, следующие за предательством поступки Шондібанова говорят о том, что он становится составной частью ненавистного ему суда — тюремным надзирателем и заключенным одновременно, а затем — палачом. Он становится в один ряд со своими двойниками, теряя себя. Казалось бы, судебный процесс по делу его драки с Гражданином Икс должен еще больше усугубить неприязнь Шондібанова к суду: встреча со своими двойниками — милиционером, судьей и прокурором, — их манеры, приказной тон, уличение в придуманном преступлении, — должны были содействовать еще большему возмущению героя. Но в итоге он уподобился своим двойникам, судье и прокурору, стал одним из них. Видение своего двойника превратило его в палача.

Некоторые писатели, подвергая своих героев столкновению с двойниками, приводят их к духовному возрождению. Например, двойничество в романах Достоевского «воспринимается как неотъемлемая часть опыта героя, как способ найти самого себя и глубже понять мир», что позволяет герою преодолеть двойничество и обрести целостность [5. С. 18]. Герой А. Лужикова выбирает иной путь, он избирает позицию своих двойников, не обретя цельности. Продолжаются его страдания от внутреннего раздвоения. Драма «Ыджыд висьом» не ставит точку в испытаниях Шондібанова. Если герои Достоевского после встречи с двойниками сознают антигуманность своих замыслов и отказываются от них, то герой А. Лужикова так и не преодолел своего страха. Его переживания, обусловленные ожиданиями судебных разбирательств в реальной действительности, перемеща-

ются в сферу сна. Вылечиться герою от «большой болезни» и обрести цельность поможет только одно — избавление от страхов. Шондібанов не обладает такими духовными силами, которые бы помогли ему преодолеть свои страхи. Поэтому его жизнь, как и его сны, по окончании драмы остаются неизменными.

Духовная инертность героя А. Лужикова – закономерное явление литературы рубежа веков. В характере Шондібанова, не справляющегося со своим духовным недугом, отразился преобладающий тип современника. Герой понимает, что действительность не способствует нормальному развитию его личности, его поэтическая натура протестует против неправомерности общественного порядка, но он не в силах активно участвовать в изменении социальных законов. Противоборство героя, не выражаемое открыто, переходит в область его душевных переживаний и там претворяется в постоянное чувство страха, боязнь собственных мыслей. Его вполне можно охарактеризовать словом «постчеловек».

В пьесе явственны отсылки читателя к евангельскому сюжету. Прокурор, как Пилат когда-то — Христа, осудил невиновных (Шондібанова и Гражданина Икс), приговорив их к лишению свободы. Обоих объединяет их функция на суде — они производят судебное разбирательство. Как и Пилат, прокурор в пьесе представлен решительным, строгим, авторитетным. Предательское начало Иуды наблюдается и в характере Шондібанова: он предает ни в чем не повинного Гражданина Икс суду. Невиновность последнего, в его жертвенности (он берет на себя вину Шондібанова), есть отсвет Спасителя.

Наряду с евангельским сюжетом в сновидении Мöсея узнаваемы элементы коми народной мифологии, согласно которой каждый человек имеет двойника, так называемого «орта» (в переводе — «душа человека»), который появляется в момент его рождения и сопутствует ему до конца жизни. «Орт» находится вне тела и предстает перед своим хозяином перед его смертью [7. С. 268]. Гражданин Икс соотносится с «ортом». Его появление как во сне, так и в жизни Мöсея становится предзнаменованием смерти Шондібанова. В пьесе, правда, не говорится о его смерти. В финале Шондібанов радуется, что критиковал правительство только во сне, и ему ничего не угрожает. Но до того, во сне, он, будучи нетрезвым, начинает читать свои стихи совершенно незнакомому человеку. Возможно, накануне то же самое случилось наяву. И теперь он ждет ареста, а затем и расстрела. Поэтому «орт» появляется уже не во сне, а наяву.

Считается, что «орт» иногда предсказывает, какой смертью умрет его хозяин [7. С. 268]. Перед Шондібановым «орт» появляется трижды, и каждый раз както меняется его внешний вид, но в его одежде некоторые элементы неизменны. В первый раз он был «чукрасьём шляпаа, киссьём кёма, кузь плащ пасьталёма, но дёрёмтём» (в помятой шляпе, в прохудившейся обуви, одет в длинный плащ, но без рубашки) [4. С. 173]. Несмотря на не совсем опрятный внешний вид, в этой одежде Гражданин Икс в первую очередь напоминает шпиона из детективного сериала: возможно, что следит за людьми, вызывающими подозрение у властей (на это указывают шляпа и длинный плащ). Несколько лет спустя Гражданин Икс явится к Шондібанову, имея более приличный вид, но сохранив атрибуты шпиона: «Пырё шляпаа, бур паськём-кёлуя мужсичёй. Öчкиа. Киас дипломат» (Входит мужчина в шляпе, в хорошей одежде. В очках. В руке дипломат) [4. С. 191].

И в третий раз он снова в шляпе, в длинном плаще, но без рубашки. Отсутствие имени у Гражданина Икс тоже подталкивает к мысли о шпионе. Секретность службы сыщиков обычно связана с кодовыми именами, вроде «Гражданин Икс». Поведение его тоже соответствует этому: войдя в квартиру Шондібанова незамеченным, он «кыйкъяло — видзодо гогорыс да сэсся бор косйо петны...» (озирается — смотрит вокруг и хочет обратно выйти...) [4. С. 173]. Как только Мосей его обнаружил, он почти сразу (после первой рюмки) начинает задавать компрометирующие вопросы: Гражданин Икс осведомлен о «запрещенных» мыслях и стихах героя и пытается вызвать его на откровенность, чтобы уличить.

Однако на то, что Гражданин Икс все-таки не сыщик, а «орт», указывает отсутствие на нем рубашки. Анормальность внешнего вида — один из признаков «того» мира. Одежда «орта» (шляпа, плащ) в данном случае указывает, какой смертью умрет Шондібанов: за ним придут сыщики — и он бесследно исчезнет.

Таким образом, в драме А. Лужикова, конкретнее — во сне Шондібанова — обыгрываются два мифологических сюжета. Не имеющие во сне героя законченности, они вполне могут осуществиться в его реальной жизни, завершиться наяву. Причем оба сюжета в разных вариациях связаны с мотивом смерти. Предательское начало, отмеченное в характере героя, позволяет увидеть аналогию со смертью евангельского персонажа Иуды. Возможно, одолеваемый чувством страха, Шондібанов предаст кого-либо (или уже предал) и, не выдержав мук совести, подобно Иуде, покончит жизнь самоубийством (во сне он так и поступает — убивая двойника, убивает себя самого). Или, возможно, он сам станет жертвой доносов (во сне на него донесла жена Мария), его арестуют и расстреляют. Обыгрываемые в драме мифологические сюжеты выявляют обреченность личности в современном обществе, незащищенность от институтов власти. Человеку нет спасения от их жестокости, от их несовершенных, античеловечных, равнодушных к человеку законов.

Как мы показали, в драме «Ыджыд висьом» тема двойничества реализуется не только в героях-двойниках. Она лежит в основе сюжетно-композиционного плана текста, где явно различимы сюжеты двух мифологических преданий. Можно сказать, что сюжет драмы А. Лужикова двоится так же, как ее герой.

Сказанное позволяет драматургу раскрыть понимание им специфики отношений человека и власти. Устами своего героя автор констатирует: определенным этапам истории России свойственно особенно жестокое обращение власти с человеком: «Россиясö, мортос моз жö, ыджыд висьöмыс личöдлас да бара босьто! Перестройка! Демократия! Ыджыд висьöм тайо! Кымынысь тадзи вöлі Россияыскöд?.. Пугачев! Горбачев! Ленин! Сталин! Петр Великий! Иван Грозный! Воласны, висьмöдасны Россиясö дай мунасны, быттьо эз и вöвны... Тшыкöдчысьяс! Олöм гугöдысьяс!» (Россию, как человека, тяжелая болезнь то отпустит, то снова прихватит! Перестройка! Демократия! Тяжелая болезнь это! Сколько раз так было с Россией?.. Пугачев! Горбачев! Ленин! Сталин! Петр Великий! Иван Грозный! Придут, доведут до болезни Россию и уйдут, будто их и не было... Колдуны! Переворачивающие жизнь с ног на голову!) [4. С. 191].

В этом монологе фамилии шести значимых исторических лиц сведены попарно благодаря рифмующимся окончаниям их имен: Пугачев–Горбачев, Ленин–Сталин; последняя пара – Петр Великий–Иван Грозный – объединяется общим синтаксическим построением: существительное + прилагательное. Таким образом, на политиков, внесших в свое о время более или менее положительные моменты в жизнь России, переносятся характеристики исторических деятелей, часто негативно оцениваемых историками. Горбачев, как и Пугачев, видится разбойником, Ленин, как и Сталин, – тираном-убийцей, Петр Великий, подобно Ивану Грозному, – душегубом. В таком парном выстраивании Шондібановым имен исторических деятелей угадывается стремление автора объяснить историю России теми же образами двойников, итоги деятельности которых и оценки ее потомками тоже обычно двойственны.

Таким образом, тема двойничества пронизывает всю драму А. Лужикова «Ыджыд висьом», выявляя новые возможности этой темы в изображении как современной действительности в переломный и кризисный период, так и в раскрытии внутреннего мира человека, творческой личности в сложном взаимодействии ее с властью, с другими людьми, с самой собой. Воссоздание протеста творческой души против быта, против угнетающей действительности выражает миропонимание А. Лужикова, в какой-то мере отразившего собственную драму с целью ее творческого осмысления и преодоления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Нечаева Е. А.* Поэтика демонического в творчестве Э. Т. А. Гофмана. Автреф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- 2. *Борев Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО Издательство Астрель, ООО Издательство Аст, 2003.
- 3. *Ставровская И. В.* Мотив двойничества в русской поэзии начала XX века: И. Анненский и А. Ахматова. Дис. ... канд. фил. н. Иваново, 2002.
 - 4. Лужиков А. Ыджыд висьом // Арт. 1997. № 1.
- 5. *Михалева А. А.* Герой-двойник и структура произведения: Э. Т. Гофман и Ф. М. Достоевский. Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2006.
- 6. *Корман Б. О.* Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006.
- 7. *Лимеров П. Ф.* Орт // Мифология Коми / Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Издво ДИК, 1999.

Поступила в редакцию 25.04.2013

N. V. Gorinova

Phenomenon of the twins in A. Luzhikov's drama «Ydzhyt vischem» (Big disease)

The play of A. Luzhikov «Ydzhyt vischem» (Big disease) reflects the variable reality at the turn of the centuries. The author implicates the character of the hero, splitting it into several components that appear as the twins of the main hero. This method allows showing the degradation of a contemporary under the negative influence of the society.

Н. В. Горинова

Keywords: drama, twins' theme, twins, conflict, period of transition.

Горинова Наталья Васильевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН г. Сыктывкар

E-mail: ngorinova@mail.ru

Gorinova Natalia Vasiljevna,

Candidate of Sciences (Philology), research associate, The Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre UrB of RAS Syktyvkar

E-mail: ngorinova@mail.ru

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(470.5)«18/19»

Н. П. Лигенко

КАРТИНЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН с. ЯКШУР-БОДЬИ САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ. XIX – НАЧ. XX в.

Представленные в статье сюжеты повседневной жизни крестьян селения Якшур-Бодья, как в фокусе, отражают разные сферы жизни страны: политическую, законодательную, общественно-экономическую, культурную, этническую – и воспроизводят нечто характерное для данного селения, именуемого «малой Родиной».

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, имущественная дифференциация, одежда, быт, промыслы, торговля, крестьяне, купцы, промышленное производство, визит государей.

Удмуртское селение Якшур-Бодья, располагавшееся при речке Якшурка, в ста верстах от уездного центра Сарапула и в 42 верстах от Ижевского сталеделательного и оружейного заводов, стало известным российской общественности XIX в. в связи с проездом через него на Ижевский завод двух государей. Особое звучание для читающей публики д. Якшур-Бодья обрела с появлением на страницах ж. «Исторический вестник» в августе 1897 г. большого очерка С. Я. Моисеева под названием: «Рассказы очевидцев о проезде через Якшур-Бодью императора Александра I в 1824 году и наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 г.» [1]. Автор очерка в 1890-е гг. организовал экспедицию по пути следования «царя батюшки» и «царя-батюшки наследника». Особый его интерес вызвал инцидент, происшедший между царственными особами и членами удмуртской семьи Ивана Бигенея в д. Якшур-Бодья. Основу работы С. Я. Моисеева составили также собранные им воспоминания жителей Якшур-Бодьи и окрестных деревень, а также беседа с 90-летним старцем Тимофеем Ивановым (Бигеней), лично общавшимся с царем и цесаревичем. «Мы старались передать буквальный смысл рассказов Бигинея, приводя подлинные слова его, где это только оказалось возможным, - поясняет автор очерков, - Некоторые пробелы мы пополняли сведениями, почерпнутыми из других более или менее достоверных источников: от родственников Бигенея и от других лиц, много раз слышавших его рассказы» [2]. В расстановке акцентов, в эмоциональной окраске

описываемых событий просматривается приверженность автора к либерально-демократическим идеям.

Очерк воспроизводит многоаспектную картину жизни Якшур-Бодьи, свидетельствующую о том, что в 1820–30-е гг. она была заселена удмуртами и русскими. Удмурты «с давних пор крепко засели в своих глухих селениях, окруженных со всех сторон обширными дремучими лесами, все одно, что стенами...». Тогда почти каждый из них, поясняет автор, прожив целую жизнь, не бывал дальше своего села, на расстоянии более 40–60 верст [3].

Фактическая основа очерков позволяет говорить о наличии в начале XIX в. имущественного расслоения крестьянских хозяйств деревни. Так, Александр I и Александр II останавливались отдохнуть и пообедать у «местного богачавотяка» Ивана Герасимова Бигенея (наследственное языческое родовое имя); поскольку «дом у него был больше и лучше, чем дома у других вотяков» [4]. За учтивость, гостеприимство, оригинальное исполнение сыном Тимофеем удмуртской мелодии на гуслях, находчивость в беседе с императором и цесаревичем семейство получило хорошее по тому времени денежное вознаграждение (хозяйке дома — 100 руб., дочери-невесте 50 руб. серебром), которое пошло на приращение достатка семьи.

Интересны сведения, касающиеся взаимоотношений местного населения с коронной властью. О проезде и остановке императора Александра Павловича в Якшур-Бодье жители деревни и других ближайших к тракту селений были оповещены еще в середине августа месяца, задолго до самого визита. Как сообщает С. Я. Моисеев, сельское начальство ожидало и по мере возможности готовилось к встрече державного путешественника. «Однако, - заостряет внимание исследователь, - ни от русских крестьян, ни тем более от вотяков никто и никаких собственно приготовлений не ожидал и не требовал. А потому все их приготовления ограничивались только тем, что они, да и то не по их собственной инициативе, а по приказанию и распоряжению начальства» исправили дороги [5]. По рассказам очевидцев, в ожидании проезда великих особ крестьяне переживали двойное чувство. С одной стороны, их переполняло любопытство (как отмечает автор, «хотелось "хоть одним глазом", взглянуть на своего царя-батюшку, а потому ожидали его приезда с большим нетерпением»), с другой стороны, овладевала «боязнь и трепет перед могущими быть дурными последствиями» [6].

Автор пишет: «Времена тогда были темные, а начальство мелкое и покрупнее оказывалось строгим, крутым и суровым. Многие представители власти (заметим, что многие, но не все) пользовались всяким удобным и неудобным случаем, чтобы как-нибудь притеснить и без того забитых и почти беззащитных крестьян, и содрать с них «две шкуры» или выжать из них «ребятишкам на мелочишко» [7].

Однако, несмотря на противоречивость восприятия происходящего, крестьяне верны были своим национальным традициям: встречать гостей с хлебом и солью. У ворот или под окном каждой из крестьянских усадеб были выставлены столы, накрытые белой скатертью, на которых «хозяевами были положены и поставлены каравай черного хлеба, солонка с солью и бутылка кумышки» [8].

Путешествие царственных особ, а чаще представителей коронной администрации, обязывало местные власти предпринимать активные действия для улучшения состояния путей сообщения. Как пишет С. Я. Моисеев, готовясь к визиту государя, крестьяне, по приказанию и распоряжению начальства, «прочистили шире дорогу», «исправили тракт и мосты на нем и другие сооружения», «дорога обильно была засыпана песком и галькой», значительно расширилась «лесная дорога от Якшур-Бодьи до Ижевского завода на всем сорокадвухверстном расстоянии, бывшей перед тем до того узкой и неудобно проездною, что при встречах трудно было разъезжаться двум одноколкам, которые тогда употреблялись для езды летом» [9]. Власти позаботились не только о хозяйственном, но и эстетическом состоянии вверенного им хозяйства. Именно в 1820-е гг. перед приездом Александра I крестьянам близлежащих деревень был дан указ произвести «обсадку березами всего Глазовско-Ижевского тракта, проходящего через Якшур-Бодью» [10]. И, кроме того, бодьинские крестьяне обязаны были обсаживать березками сибирский тракт в районе с. Дебесы. Вот почему в известной песне, а иногда и в рассказах старожилов, встречается выражение «александрийская березка». Традиция посадки и поддержания березовых аллей вновь была вновь инициирована правительством в указе «об аллеях на почтовых трактах» и высочайше утверждена Николаем II, 2 мая 1895 г. [11] Земству вменялась в обязанность «уборка с <...> аллей упавших и особо ненадежных к устойчивости сухих и полусгнивших деревьев», «поддержка и возобновление их новыми древесными насаждениями», причем осуществление этих дел наряду с другими работами по содержанию дорог было одинаково важно. Работы по озеленению тракта «сдавались с торгов мелкими участками на расстоянии от 3 до 5 и 10 верст подрядчикам». Главным условием было непременное огораживание сплошною изгородью тех мест аллеи, где проводились насаждения молодых деревьев, выплата за работу производилась частями. В первый год выдавалось не более 1/3 части подрядной суммы, во второй, третий и четвертый годы, если все было в порядке, еще 1/3, через 5 лет после окончательной приемки выплачивалась остальная часть подрядной суммы [12]. На протяжении пяти лет крестьяне должны были следить за ростом своих саженцев. За этим на протяжении пяти лет отвечал подрядчик, позднее – земство. Средства для озеленения дороги земство часто брало в кредит. Наличие березовых аллей для жителей Сибирского тракта и прилегающих дорог вот уже на протяжении трех столетий остается знаковым явлением.

В силу слабой изученности материальной культуры средней полосы удмуртского края, важны любые зарисовки очевидцев быта, традиций, национальной одежды крестьян. Особую ценность в очерках С. Я. Моисеева представляет описание традиций и внешнего облика бодьинских удмуртов. Так, толпа, ждущая приезда царя, была разряжена как на ярмарку и представляла постоянно движущуюся и не лишенную живописности картину. Кроме «обыкновенного шума и гортанного говора из многолюдной толпы явственно выделялся чрезвычайно характерный лязг или звон множества ударяющихся одна о другую серебряных монет в кироскалах и в ирсь-пунетах... И чем толпа более двигалась и волновалась, тем сильнее раздавался звон и лязг металла» [13]. О зажиточности удмуртской

семьи в те времена судили по количеству и качеству монет, имевшихся в женских украшениях. «Женский костюм отличается большой оригинальностью, а украшения или разные уборы бывают очень богаты, – отмечает автор. – Все они обязательно состоят из нанизанных наподобие рыбьей чешуи разных серебряных монет». На голове... носились «налобникъ» и «такья», на холщовую шапочку сплошным покровом нашивались мелкие серебряные монеты - гривенники, пятиалтынные, двухгривенные, а по краям «такьи» нанизывались в виде опушки или каймы, более крупные монеты – четвертаки и прочее. Такья надевалась как шапка, а поверх нее повязывался платок, да так, чтобы передняя часть такьи на лбу оставалась видной. На груди носился «нагрудник» или «кироскалъ», «крескалъ» (от слова крест, произносимого... «кресъ» и «киросъ») в виде ленты в 1 1/2 аршина длиной, на которую нанизывались серебряные рубли в один, два и более рядов, а посередине пришивался крест. Концы ленты завязывались на тыльной стороне шеи. К каждому уху... подвешивались по одному или по два рублевика, такое украшение носило название – «пель люгы»; в косу вплеталась полоска, с нашитыми рублевиками и другими монетами, такое украшение называлось – «ирсь пунэть». Автор сообщает, что «Мужской вотский костюм немногим отличается от костюма русского крестьянина и только по цвету – верхняя одежда их по большей части шьется из тонкой белой или светло-серой сукманины, материи домашнего приготовления из шерсти и льна или пеньки» [14]. Казалось бы, незначительные, но такие неопровержимо яркие факты, как оформление одежды, красноречиво говорят о том, что удмуртское крестьянское хозяйство в этот период было вовлечено в товарно-денежные отношения, отличалось самодостаточностью и его обитатели четко следовали традициям национальной культуры.

В 1890-е годы по инициативе священника П. В. Ардашева в честь проезда Александра I через Якшур-Бодью был поставлен памятник: на деревянной четырехугольной основе под небольшой двухскатной крышкой, под которой была помещена икона с изображением Николая Чудотворца и ниже – медная пластина с надписью о том, что Александр I «1824 года осщастливил сию деревню и посвятил своим монаршеским проездом два раза, в 1-й путь 3 октября в Ижевский завод и обратно 6 октября» на Глазов – Вятку и другие города [15]. Медная пластина была изготовлена и подписана «каким-то мастером Ижевского завода» по заказу Ивана Герасимова и его жены Елены Ивановой, чтобы «увековечить драгоценную память о кратком пребывании в их скромном доме августейшего гостя, бесконечно осщастливившего их семейство», которую первоначально «Герасимовы повесили... на видном месте в горнице своего дома» [16].

Деревня Якшур-Бодья получила статус села в 1860 г., с окрытием Бодьинского прихода по указу Вятской духовной консистории от 5 июля 1860 г. за № 5180. Богослужения совершались с 5 августа 1860 г., первоначально проходили в молитвенном доме, занимавшем пристрой к «надворному строению» крестьянина Захара Никитича Попова. Первым священником прихода был Платон Васильевич Ардашев. Следуя данным храмозданной грамоты, в 1861 г по благословению его преосвященства Агафангела, епископа Вятского и Слободского, на средства прихожан и усердием крестьянина Захара Никитина Попова был выстроен храм в честь Святителя Чудотворца Николая, отчего и церковь получила

название Николаевской [17]. Она была освещена 27 ноября 1861 г. о. протоиреем Ижевского собора Тимофеем Чемодановым [18]. С основанием прихода жизнь в селе значительно оживилась, расширялась сфера деятельности крестьянского населения, возрастали его потребности. Об этом красноречиво говорит приговор жителей селений Якшур-Бодьинской и Нырошурской волостей от 20 июля 1869 г., содержащий просьбу об открытии в селе Бодьинском 6 декабря и 9 мая торжков и еженедельных по пятницам базаров, а также ежегодной с 29 августа по 1 сентября конской ярмарки с наименованием ее Камисаровскою, с тем, что бы «доходы какие только можно будет извлекать по открытии и учреждении оных были обращаемы в пользу местной нашей и очень бедной по новости села церкви, которые для нас необходимы... потому более, что в нашем селе Бодьинском в поясненные дни бывает большое стечение народа, несмотря на недавнее открытие оного села и для окрестных жителей очень затруднительно закуп и сбыт лошадей и хлеба» [19]. Просьба населения была удовлетворена только наполовину, базар и торжок были открыты, активно развивались, а на конскую ярмарку благословения не было, поскольку подобная издавна функционировала в недалеко отстоящем селе Балезино. Периодическая сфера рынка являлась большим стимулом для развития товарного хозяйства, облегчения сбыта сельскохозяйственной и кустарной продукции, способствовала укреплению материальной базы крестьянского хозяйства. Бодьинцы использовали базары и других селений, в том числе Ижевского завода, Сарапула и Глазова. Так, по данным генеральной поверки торговых и промышленных заведений в г. Глазове на 1887 г., Иван Зотов Ходырев, крестьянин Якшур-Бодьинской волости, занимался «базарной мелочной продажей» [20]. Не одну пару лаптей сносили бодьинцы, отшагивая тридцати верстный путь, «по прямой» добираясь до ижевского базара, который активно использовался для приобретения и реализации сельскохозяйственной и кустарной продукции. В свою очередь бодьинский базар был наводнен продукцией кустарей близлежащих деревень, в частности лаптями деревни Бегеши, которую крестьяне прозвали «лапотным заводом». «Хоть сколько сработай, - говорили мастера, - все уходит» [21].

Картину повседневной жизни крестьян с. Якшур-Бодья кон. XIX в. дополняют материалы подворной описи 1890 г. в Сарапульском уезде (в том числе в с. Якшур-Бодья и его приходе) статистическим отделением Вятского губернского земства [22]. Источник свидетельствует о том, что по характеру рельефа, по орошению, почвам, по количеству лесов и густоте населения из трех полос Сарапульского уезда Якшур-Бодьинская волость входила в северную, для которой были характерны обилие глухих нетронутых лесов и залегание преимущественно средне-суглинистой почвы, считающейся малоплодородной. Село Якшур-Бодья было заселено государственными крестьянами православного вероисповедания, с преобладанием русского населения, удмуртское — было сосредоточено в прилегающих деревнях Якшур и Малая Бодья. В Якшур-Бодье в 27 дворах проживало 163 человека, из них — 145 русских (89 %), занимающих 24 двора, и 18 удмуртов (11 %) — три двора [23].

Крестьянское хозяйство имело комплексный характер. Основным занятием жителей было пашенное земледелие. Единой составляющей частью каждого

крестьянского двора были животноводство и промыслы, носившие вспомогательный характер. Бодьинские крестьяне получили в надел в основном удобные для земледелия земли. Так, общая площадь удобной земли составляла 524 десятины, или 760 га, неудобной – 39 десятин, или 56 га. В среднем на двор приходилось 24 десятины, что выше официальной нормы надела и по России (15 дес.), и по Удмуртии (17,37 дес.) [24]. Безземельных крестьян не было. Однако на своем счету бодьинская волость имела 48 нищих, возможно, местных и пришлых, распределенных периодически, на содержание, по отдельным дворам. Среди них: русских – 27, удмуртов – 21 человек. Согласно отчету земского начальника, в удмуртском крае было зафиксировано три категории лиц, нуждающихся «в призрении и благотворительной помощи»: первая – погорельцы, вторая – «лица, впавшие в нужду вследствие недородов», третья – «профессиональные нищие и, наконец, малолетние сироты» [25]. Последнюю категорию, как правило, составляли семьи без мужчин, пожилые люди и малые дети, оставшиеся без родителей. Крестьянское население относилось довольно неоднозначно к нищим, обозначенным в данных категориях. Наибольшую отзывчивость местное население проявляло к погорельцам. «Крестьяне всей широкой округи спешат на помощь погоревшим, следствие чего, потерпевшие от пожаров устраиваются гораздо лучше, чем жили до пожара», - отмечал земский начальник [26]. Число нищих, как правило, увеличивалось в неурожайные годы. В такое время и трудоспособные семьи посылали детей за сбором милостыни. Как свидетельствуют очевидцы, «иногда можно видеть целую семью на телеге, разъезжающую за сбором» [27]. Так, по воспоминаниям Е. В. Рыловой, когда-то жительницы починка Пушкари, располагавшегося близ Якшур-Бодьи, их многодетная семья, относившаяся к малоземельной, в неурожайные годы ходила за подаянием [28]: «Стыдно было, а нужда гнала, – рассказывает Елизавета Васильевна, – поэтому в своей деревне не просили милостыню, а шли в отдаленные деревни, где нас не знали. При этом молодые женщины, чтобы случайно не быть узнанными, да и не вызывать соблазна со стороны мужчин, замазывали лицо сажей». Очевидцы отмечают, что милостыня в виде печеного хлеба, ржи, муки, разной крестьянской стряпни и редко деньгами подается населением весьма охотно, так как «не подать нищему милостыню считается за грех» [29]. Подача милостыни и содержание в течение суток в каждой семье по очереди – наиболее распространенная форма помощи неимущим. Замечается, что крестьяне, особенно удмурты, относятся «с большим сочувствием» к сиротам, которых «вотяки охотно берут к себе», «охотно женятся на вдовах, имеющих детей, а сколько-нибудь состоятельные берут себе сирот даже в том случае, когда имеют собственных детей» [30]. Лиц же «дряхлых, неспособных к физическому труду и переживших всех своих близких родственников», односельцы оставляли в деревне и содержали «по очереди». По-видимому, такая категория нищих и была зафиксирована во время подворной переписи 1890 г. Кроме того, в каждом селении были так называемые «магазеи», склады, куда каждое хозяйство после уборки урожая безвозмездно сдавало определенную часть зерна «про запас» для особых случаев. По решению схода, нуждающимся выдавалась беспроцентная ссуда хлебом. Можно предпо-

ложить, что к «особым случаям» относилась и выдача нищим подаяния зерном из магазеи.

Можно предположить, что наделение крестьянских хозяйств землей из земельного фонда бодьинской общины происходило по числу едоков. Надельная земля состояла из усадьбы, пашни, сенокоса, выгона, лесного надела. Земель под пастбище не хватало, поэтому бодьинская община арендовала пастбище для скота в Дебесской казенной даче, с годовым взносом по 30 коп. со двора.

Статистические данные свидетельствуют об углублении имущественной дифференциации крестьянских хозяйств [31]. Из 27 дворов — 13, что составляло 49 %, то есть почти половину, могут быть отнесены к зажиточным хозяйствам, поскольку они имели от 15 до 25 дес. земли на двор (или 22—36 га на двор). Пять дворов, или 18 %, составляли богатые многоземельные дворы, имевшие от 25 до 50 дес. (36—72 га на двор). Девять дворов, или 33 %, составляли малоземельные бедняцкие хозяйства, имевшие от 5 до 15 дес. (7—22 га на двор). Четыре хозяйства сдавали часть земельного надела в аренду. Шесть дворов брали в аренду надельную землю в своей общине, два двора — под сенокос в чужих общинах. Как правило, пашенные и сенокосные участки арендовали богатые крестьяне, сдавали в аренду — бедняки.

Группировка дворов по рабочей силе выглядела следующим образом: один двор числился без работника, 17 дворов – с одним работником, остальные 9 дворов – от 2 до 4 работников. Обрабатывали землю все крестьянские дворы полностью своей семьей, за исключением одного двора, использовавшего наем.

Второй по значимости отраслью крестьянского хозяйства было животноводство, обеспечивавшее его рабочим скотом, продуктами питания, сырьем для кустарных промыслов, органическим удобрением для полей. Все крестьянские дворы обрабатывали землю своими лошадьми, безлошадных в Якшур-Бодье не было. Двор с одной лошадью и коровой считался бедняцким, такие дворы составляли 40 % (это – 11 дворов), к «зажиточным» относят дворы с 2–3 лошадьми и коровой, такие дворы составляли 45 % (это – 15 дворов) и «богатые», имевшие свыше 6 лошадей на двор, составляли 15 % (это 1 двор), по-видимому, он и имел наемную рабочую силу. Таким образом, по приведенным показателям, обеспеченных земельным наделом и рабочим скотом состоятельных хозяйств было больше, бедняков – менее половины. Заметим, что в социальном расслоении бодьинского крестьянства не было больших контрастов, среди русских и удмуртов оно находилось на одном уровне.

Рогатым скотом: коровами, телушками, бычками – было обеспечено каждое крестьянское хозяйство. На 27 дворов приходилось 130 голов рогатого скота, в среднем в каждом дворе выращивалось 5 голов, из них 2 – взрослые коровы. Мелкий скот (овцы и свиньи) также содержался в каждом из 27 дворов (в количестве 171), на двор в среднем приходилось 13 голов; из них – 5 овец и – 1,5 свиней.

При обработке почвы использовался в основном усовершенствованный вид сохи — курашимка. Основным орудием для разрыхления вспаханных земель служила деревянная борона. Урожай убирали литовками, в необходимых случаях — серпами. Из транспортных средств каждый двор имел телеги и сани,

в селе их насчитывалось 126, то есть в среднем 5 на двор [32]. В селе функционировало до 7 веялок, была водяная мельница о двух поставах, состоящая в общем пользовании всех селений Якшур-Бодьинского общества. К профессиональным занятиям статистики отнесли лесников (2), приказчиков (2), один из них работал в винной лавке. В Якшур-Бодье пчеловодством занимались 4 двора, хмелеводством -3.

Неотъемлемым компонентом в функционировании крестьянского хозяйства были внеземледельческие занятия: добывающие и обрабатывающие промыслы, отходничество (наемные работы), которые поддерживали экономическую сбалансированность семейного бюджета, давали дополнительный заработок u-c учетом производства собственного сырья — экономию средств. Виды дополнительных работ, к которым обращались крестьяне, были продиктованы природно-географическими, экономическими условиями и правовыми нормами. Отхожими считались промыслы, когда крестьянин уходил на дополнительные заработки далее $30~\kappa M$, а после указа $1894~\Gamma$. — далее $50~\kappa M$, в этом случае в волостном правлении он должен был оформить документы (как вид на жительство или паспорт) и не более чем на $6~\kappa M$

В Якшур-Бодьинской волости внеземледельческими занятиями было охвачено 757 крестьян (9,7 %), что значительно ниже, чем в среднем по Удмуртии, где промыслами было занято 17 % населения [33]. По-видимому, это объясняется лучшей обеспеченностью бодьинских крестьян землей, обработка которой требовала больших временных и физических затрат. Из внеземледельческих занятий самое большое число — 331 человек (или 44 %) — составляли наемные работы по месту жительства. На втором месте — отхожие промыслы: в них было занято 183 крестьянина, или 24 %. Третье место занимали кустарные промыслы, ими было охвачено 119 человек (16 %). Прочие занятия составляли 16 %, в данную группу статистики объединяют торговлю и нищенство.

Выбор внеземледельческих занятий крестьянами с. Якшур-Бодья и Бодьинской волости определялся близостью крупных заводов (которым временами нужна была армия дополнительных работников), уральской горнодобывающей промышленности, сибирских лесоразработок, а также наличием важных магистральных путей сообщения (Сибирский тракт, Камский речной путь). Самое большое число бодьинцев уходило на Ижевские и Пермские заводы, в частности, на Ижевском заводе в качестве цеховых рабочих числилось 8 человек, углежогов и углевозов — 68, 24 мастера по изготовлению «болванок для лож». На втором месте — «отход на суда и плоты» по рекам Кама и Чепца; плотовщики и сплавщики составляли 18 человек; возкой леса, бревен, теса и дров было занято 38 человек, перевозкой разных грузов — 19, ямщиной и извозом — 4. В источниках зафиксированы торговцы, которых в 1890-е гг. насчитывалось семеро; среди них удмуртов — 3, русских — 2 человека; и по одному — меновщик и барышник. Из добывающих промыслов в Якшур-Бодье зафиксированы лишь пчеловодство, которым занималось 4 двора и хмелеводство — 3 двора.

Активизация модернизационных процессов в России во вт. пол. XIX – нач. XX вв. сопровождалась втягиванием в товарно-денежные отношения населения провинции. Помимо периодической, расширялась и приобретала новые формы

стационарная сфера рынка. Так, в «Уральском торгово-промышленном адрескалендаре на 1900—1903 гг.» зафиксированы в с. Якшур-Бодья действующие лавки с бакалейными и колониальными товарами, принадлежавшие А. Абдрафикову, М. М. Короваеву, В. И. Касьянову, И. М. Кулебину, М. С. Курочкину. Это были прежде всего товары первой необходимости; среди них — «мука, чай, соль, керосин, леденцы, халва, изюм, помадка, конфеты и пр.». В 1911 г. уже зафиксирована более высокая форма торговых заведений — специализированные мануфактурные магазины, принадлежавшие тем же из перечисленных выше владельцев (А. Абдрафикову и М. М. Короваеву). Винные лавки в Якшур-Бодье учредили сарапульские купцы Бахтияровы и слободские — Александровы, владельцы винно-водочных и пиво-медоваренных заводов. Бахтияровская «пивная лавка с продажею пива и меда распивочно и на вынос» располагалась в доме Шишкина. Годовой торговый оборот составлял 1200 руб., прибыль — 192 руб.; обслуживал заведение приказчик 1-го класса [34].

Самодостаточность, комплексный характер крестьянского хозяйства села Якшур-Бодьи, наличие сырья и рынков сбыта, близость торговых путей способствовали развитию предпринимательской деятельности населения. История развития села и окрестных деревень перекликалась с двумя купеческими фамилиями – Поповых и Бахтияровых. Так, еще в сер. XIX в. среди торговой публики бодьинцев особой предприимчивостью и наибольшей удачливостью отличалось зажиточное семейство крестьян Поповых. Захар Попов был грамотным человеком и занимал по тому времени почетное место писаря Пислеглудского сельского общества, позднее – Большепургинского волостного правления [35]. На какимто образом скопленные средства построил себе в 1840-е гг. в д. Якшур-Бодье большой, основательный дом. Успешное занятие торговлей, а также ямщицкими подрядами позволило Захару Попову вместе с отцом Никитой Поповым основать винокуренный завод недалеко от д. Якшур-Бодья, на берегу реки Иж, в лесистой местности, близ д. Большие Ошворцы (д. Чишкыт). История завода (в будущем Бахтияровского) неразрывно связана с жизнью близлежащего с. Якшур-Бодья. Захар Никитич и Анна Васильевна создали большую дружную семью. Судьба им даровала пятерых сыновей и дочь Раису. Дела шли успешно [36]. Поповы завели свои винные лавки, торговля давала неплохие доходы. Захар Никитич, обладая необходимыми капиталами, решил повысить социальный статус семьи и приобщиться к городской культуре. Вместе с большим семейством в 1864 г. он переехал в Сарапул, приобрел купеческое свидетельство и объявил себя купцом 2-й гильдии [37]. Будучи образованным человеком, Захар Никитич весь семейный капитал вложил в обучение сыновей. Сыновья Захара Никитича, как полагалось в то время, получив высшее образование, стали личными почетными гражданами и выбыли из купеческого сословия, сохранив при этом пожизненно все купеческие привилегии.

Четвертый сын Захара Никитича — Алексей (1856 г. р.) в 1882 г. окончил юридический факультет Императорского Казанского Университета и после представления диссертации был утвержден в степени кандидата прав с характеристикой: «Умственные способности выше средних, по службе весьма старателен и подает хорошие надежды, направления хорошего и характера общительного.

Образ жизни ведет правильный, держит себя вполне прилично и имеет некоторый светский лоск...» [38]. Архивные материалы дают возможность пронаблюдать служебный рост Алексея Захаровича, благодаря его незаурядным способностям, трудолюбию, порядочности и коммуникабельности. Так, Алексей Захарович после того как «отбыл воинскую повинность» (1882 г.), в 1883 г. был назначен кандидатом на судебные должности при Сарапульском окружном суде в канцелярии уголовного отделения. В этом же году «после представления диссертации, признанной удовлетворительною», 8 октября 1883 г. утвержден в степени кандидата юридических наук. В его послужном списке значится: с 1892 г. надворный советник с характеристикой «Попов при безупречных нравственных качествах, отличается трудолюбием и знанием дела, человек способный и проявляет достаточно энергии в своей служебной деятельности» [39], далее действительный статский советник, товарищ Председателя Казанского окружного суда, с 1892 г. надворный советник. Прямые потомки Алексея Захаровича ныне живут в Казани и Петербурге.

Однако на заводе Поповых дела не ладились, поскольку в период 1877 г. и 1878 г., по данным ведомостей, «винокурения не было», по-видимому, завод приостановил работу. На основании ведомостей за 1878 г., винокуренный завод близ д. Большие Ошворцы при реке Иж, принадлежавший сарапульскому купцу Захару Никитьевичу Попову, имел один железный паровик, три деревянных перегонных куба с тремя медными тариками, пять квасильных чанов. Отмечалось, что машины приводились в действие лошадьми. Завод обслуживался одним винокуром и 50 рабочими. Поповы вынуждены были продать завод «через покупку купчей крепости» отставному капитану Михаилу Жирякову [40]. Новый владелец не сумел наладить прибыльность производства, и с 1886 г. винокуренный завод близ д. Большие Ошворцы принадлежал уже другому, третьему по счету, хозяину — Николаю Константиновичу Бахтиярову, оханскому купцу в третьем поколении [41].

Бахтияровы были старожилами с. Оханского Пермской губ., вышли из крестьянского сословия, имели большие многодетные семьи. Наиболее активным, преуспевшим в предпринимательской деятельности, оказался его средний сын, Петр Федорович, который явился основателем купеческой династии Бахтияровых. В ревизской сказке г. Оханска на 1834 г. семейство Петра Федоровича Бахтиярова, 49-летнего купца и купеческой жены Ульяны Ивановны, 46-летней женщины, значится уже в составе купеческого сословия [42]. Активным продолжателем дела отца явился второй сын — Константин Петрович. Склонность к коммерческой деятельности проявил и сын Константина — Николай Константинович Бахтияров, который решил попытать счастья за пределами родного Оханска, в Сарапульском у. Вятской губ. Его расчет оказался успешным. Приобретя вино-водочный завод в окрестности с. Якшур-Бодьи, Николай Константинович вложил в него капиталы, накопленные семейством и модернизировал производство.

Будучи энергичным, предприимчивым человеком, купив затухающее предприятие, он восстановил его — и в 1886 г. завод снова заработал. В 1889 г. он обслуживался 30 рабочими, сумма производств составляла 18 500 руб. За год было произведено 37 тыс. ведер спирта. Необходимая в производстве спирта рожь приобреталась у крестьян Сарапульского уезда. Следует заметить, что по воспо-

минаниям, которые были собраны местным краеведом Валентиной Никаноровной Ивановой, крестьяне Гожмовыра, да и других деревень, выращивали по оврагам большое количество хмеля и сбывали его Бахтиярову. Заводовладельцы обеспечивали крестьян рабочими местами, и они овладевали заводскими профессиями. К примеру, три бригады татар из близлежащих деревень: Починошной, Пиюгах, Бакашурской постоянно работали в качестве затворщиков, бродильщиков, солодовщиков, сушильщиков, чанщиков, красильщиков, дрововозов, казачиков и т. д. Как и все предприниматели того времени, Бахтияровы основных специалистов, имевших положительные рекомендации, «выписывали из-за границы» и вербовали с других заводов.

В 1895 г. году сын с отцом основали еще одно предприятие – пивомедоваренный завод, владельцем его был записан сын, Алексей Николаевич, однако оба завода – винно-водочный и пивоваренный – в официальных документах значатся как Николаевские, по-видимому, в честь отца, Николая Константиновича, основателя родового бахтияровского имения [43]. По рассказам старожилов с. Якшур-Бодьи, на высоком левом берегу пруда издалека были видны два больших двухэтажных дома, красовавшихся на фоне соснового мачтового леса. По другую сторону пруда, недалеко от заводов, было выстроено 4 дома барачного типа для рабочих. «На бахтияровской же земле» стояли особняки для служащих, специалистов завода.

В нач. ХХ в., на полную мощность работало 4 предприятия: винокуренный, пивоваренный, кожевенный и солодовенный. (По воспоминаниям сторожилов, в советское время солодозавод, располагавшийся в каменном двухэтажном доме, продолжал функционировать, солод вывозили на лошадях в складское помещение в с. Якшур-Бодья, откуда увозили на машинах на винно-водочные предприятия в Ижевск). Старший Бахтияров, Николай Константинович, степенный, верующий человек, пользовался большим авторитетом среди рабочих и жителей округи. Чувствуя приближение смерти, он обратился к священнослужителям Николаевской церкви села Якшур-Бодьи, которые, в свою очередь, 8 февраля 1905 г. подали прошение его преосвященству Михею, епископу Сарапульскому с просьбой Николая Константиновича, который «на случай смерти своей изъявляет желание похорониться около местного храма в церковной ограде». Священнослужители выразили свое согласие, пояснив, что «за время проживания в нашем приходе в течение 10 лет он был единственным крупным благотворителем местного храма». Николай Константинович с разрешения епископа Сарапульского был захоронен в ограде Николаевской церкви с. Якшур-Бодьи [44]. По воспоминаниям старожилов, Мария Павловна, как ее называли «бахтияриха», после смерти мужа постоянно приезжала на могилу мужа: «Статная, по-купечески богато одетая, она привозила целый воз съестного» и раздавала прихожанам.

Обеспечением заводов рабочей силой занимался Семен, по прозвищу Брага, из близлежащей д. Кечшур. Исправный организатор, исполнительный, обязательный человек, он пользовался большим доверием хозяев. Прозвище «Брага» Семен получил, как вспоминают старожилы, попав в нелепую ситуацию, случайно сорвавшись, упал в бражный чан. Жил Семен постоянно при заводах, в большом бараке.

Основная масса рабочих винокуренного завода жила в казармах. По переписному листу, в казарме № 1, в деревянном большом здании, проживало 10 рабочих, из них постоянных жильцов было двое, все остальные, временно проживашие, отходники-крестьяне из различных ближайших уездов Вятской губ.: Глазовского, Нолинского, Сарапульского — в возрасте от 17 до 39 лет. Все православные, русские, в основном, неграмотные. Крестьяне выполняли самые различные виды работ: «пильщик леса, рабочий при корме скота, рабочие на винокуренном заводе, бродильщик, чаномой, рабочий при разливе вина» и др. Основное постоянное занятие отходников при переписи зафиксировано как «земледелец».

В казарме № 2 проживало временно 46 мужчин и 5 женщин. Рабочие были объединены в несколько артелей, состоявших из молодых мужчин от 17 до 42 лет. Бригады отходников формировались в близлежащих деревнях: Починошной, Плюгах, Бакашурской Ежевской волости Глазовского у. Это было три родственных клана из трех деревень. По национальности — все татары, магометане. Отходничество служило им временным занятием, постоянным было земледелие. По-видимому, все они как земледельцы находились «при отце», «при брате». Все были неграмотными. Отход на заработки молодых людей из больших крестьянских семей был типичным в призаводских деревнях. В данном случае крестьяне овладели заводской специальностью (затворщик, бродильщик, солодовщик, сушильщик, чаншик, красильщик, дрововоз, заказчик, ломовой, извозчик). В той же казарме постоянно проживали две семьи с малыми, здесь же родившимися, детьми. Это — семья Газейдина Спразетдинова из Мамадышского у. Казанской губ. и семья бардовщика Нагуманова Ижмана [45]. В казарме семьям отводилось место «за дощатой загородкой».

По воспоминаниям жителей, крестьяне окрестных деревень, обслуживая заводы и заводчан, получали хорошее подспорье. Так, при заводе имел постоянную должность рассыльного Прокоп Николаевич, он «ездил на своей лошади с почтой-пакетом и привозил обратно депешу». Сырванцов – татарин со своими сыновьями отвечал за состоянием дороги, на двух быках он вывозил раздвигу, чистил дорогу и делал разъезды на Пушкари.

Бахтияровы вместе со своим окружением внесли свою лепту в развитие культуры бодьинцев. Умные, предприимчивые, рачительнее хозяева, умело ведущие свое дело, они будоражили психологию деревенской публики. В глубокой провинции вокруг заводов создавался круг образованных, интеллигентных людей, прекрасных специалистов.

Развитие фирмы Бахтияровых, оханских купцов из Пермской губ., перешедших в Сарапульское купеческое общество, — один из ярких примеров сращивания торгового капитала с промышленным, поисков выгодного применения капитала, в частности, пути включения привозного капитала в экономику другого региона, организации промышленного производства вне города. В нач. ХХ в. их предприятия в деловой документации значатся как Николаевские, в честь Николая Константиновича, купца І-ой гильдии, основателя родового бахтияровского имения. Бахтияровы способствовали развитию экономики края. Основная масса товара сбывалась через стационарную сферу рынка в Вятской и Пермской губерниях. В пиво-медоваренном и винно-водочном отраслях производства на местных

рынках соперничали конкурирующие между собой фирмы (Бахтияровские пиво-медоваренные заводы, «Ижевское торгово-промышленное товарищество», «Торговый дом н-ки коммерции советника И. В. Александрова» «Воткинское торговое т-во владелицы Катарги»). В городах и заводских поселках имелись оптовые склады. Так, в Воткинске оптовый склад находился в собственном здании фирмы по улице Поповской. Пиво и мед везли с Бахтияровских заводов. Оборот склада составлял в 1910 г. 22 тыс. руб., прибыль — 2640 руб. В 1911 г. оборот значительно сократился, стал составлять 15 тыс. руб., прибыль — 1800 руб. [46].

Старожилы вспоминали, что к Бахтияровым народ относился почтительно, ребята любили в Рождественские праздники ходить в бахтияровскую усадьбу — «славить», там они всегда щедро вознаграждались. Однажды по ошибке им выдали золотой, но, вовремя спохватившись, заменили его другими щедрыми подношениями (по воспоминаниям старожила с. Якшур-Бодья И. В. Рылова, жителя поч. Пушкаревского, позднее с. Якшур-Бодья). К сожалению, от бахтияровских заводов не осталось и следа, зеленеют лишь обширные луга, покосы жителей деревни Пушкари. Как рассказывали жители, после революции, когда «начались гонения, Алексей Николаевич уехал неизвестно куда». Нельзя не согласиться с замечанием Л.Н. Боханова о том, что не может не поражать та относительная легкость, с которой в России сошел на нет и сам капиталист, а в более широком смысле и весь мир имущих [47].

Таким образом, селение Якшур-Бодья на протяжении XIX в. значительно эволюционизировало в экономическом, культурном, ментальном отношении. Если в 1820–30-х гг. деревенские жители жили замкнутой жизнью, не отлучаясь далее 60 верст, то во вт. пол. XIX в., в условиях реализации Великих реформ, жизнь в с. Якшур-Бодья как административном, волостном центре, центре бодьинского прихода значительно оживилась. Село шло в ногу со временем. Крестьяне смело шли в отход на заработки Урало-Поволжского региона, овладевали заводскими профессиями на ижевских, пермских заводах. Государственные крестьяне, обеспеченные неплохими земельными наделами и скотом, самостоятельно обеспечивали себя орудиями труда, предметами быта, обувью, одеждой. В с. Якшур-Бодья развилась торговля как стационарная (лавки, магазины), так и периодическая (базары, торжки). С развитием имущественной и социальной дифференциации, с накоплением капиталов среди богатой части крестьянства сформировался предпринимательский капитал, возникли свои, доморощенные купцы. Частный капитал осуществил свою прогрессивную роль в создании промышленных предприятий, развитии торговли, культуры населения, облагораживании внешнего облика селений волости, а также благотворительных деяниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Исторический вестник. 1897. Т. 69. № 8. С. 427–446.
- 2. Там же. С. 428.
- 3. Там же.
- 4. Там же. С. 426.
- 5. Там же. С. 428.

- 6. Там же. С. 428-429.
- 7. Там же. С. 990.
- 8. Там же.
- 9. Там же. С.429.
- 10. Там же.
- 11. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 988.
- 12. Там же. Л. 989.
- 13. Там же. С. 432.
- 14. Там же.
- 15. Исторический вестник. 1897. Т. 69. № 8. С. 434–435.
- 16. Там же. С. 434.
- 17. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 386. Л. 19; Ф. 265. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.
- 18. ЦГА УР. Ф. 265. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.
- 19. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 522. С. 11.
- 20. ЦГА УР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 13.
- 21. Там же.
- 22. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Подворная опись. Вятка, 1892. Т. 7. Ч. 2. С. 166.
 - 23. Там же. С. 166.
- 24. История Удмуртии: Конец XV— начало XX века / Под ред. К. И. Куликова; введение М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2004. С. 279.
 - 25. Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. 2. С. 12.
 - 26. Там же.
 - 27. Там же. С. 11.
 - 28. Воспоминания Ивана Васильевича Рылова, сторожила с. Якшур-Бодьи.
 - 29. Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. 2. С. 11.
 - 30. Там же. С. 12.
- 31. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Подворная опись. Вятка, 1892. Т. 7. Ч. 2. С. 166.
- 32. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Подворная опись. С. 314–321.
- 33. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Подворная опись. С. 382–383; *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма. Ижевск, 1991. С. 25.
 - 34. ЦГА УР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 175-213.
 - 35. Там же.
 - 36. Архивный отдел администрации г. Сарапула. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 113, 208.
 - 37. Там же.
- 38. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 10554 (документы любезно предоставлены внуком Алексея Захаровича Попова Юрием Евгеньевичем Подгудским, членом Русского Генеалогического общества Санкт-Петербурга).
 - 39. Там же.
 - 40. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 539. Л. 1098.
 - 41. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 3603. Л. 1-1об.
 - 42. ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1675. Л. 4.
 - 43. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1193. Л. 128.
 - 44. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 3603. Л. 1-1об.
 - 45. Там же.

46. ЦГА УР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 175-213.

47. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX – 1914 г.). М., 1992. С. 230.

Поступила в редакцию

N. P. Ligenko

Paintings ednevnoy daily activities of farmers s. Yakshur-Bodi Sarapulsky County Vyatka province. XIX - early. XX century.

Presented in the paper everyday scenes of peasant life-Bodya Yakshur village, on the one hand, the focus reflects the most versatile spheres of national life: political, legal, social, economic, cultural. On the other hand, is viewed as historical, natural, geographical and ethnic factors make distinctive and unique features in the development of each village, called «second

Keywords: farm, property differentiation, clothing, household, trade, farmers, merchants, industrial production, visit of the sovereigns.

Лигенко Нэлли Павловна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск

E-mail: ligenko@udnii.ru

Ligenko Nelly Pavlovna,

Doctor of Sciences (History), leading research associate, Udmurt institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: ligenko@udnii.ru

УДК 94(470.51)

О. И. Васильева, В. С. Воронцов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА В УДМУРТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Статья посвящена истории формирования и функционирования национальной удмуртской школы. Рассмотрены процессы становления системы обучения на удмуртском языке, постепенного изменения принципов формирования и содержания национального образовательного компонента, выделены этапы истории удмуртской школы.

Ключевые слова: Удмуртия, национальная школа, удмуртский язык, языковая политика, национально-региональный компонент, язык обучения, языковая эрозия.

В течение продолжительного времени в дореволюционной России среди восточно-финских народов отсутствовала система обучения на родных языках. Распространение просвещения среди удмуртов на русском и церковнославянском языках, связанное с процессом христианизации, началось в пер. четв. XVIII в. Православные миссионеры попутно с христианизацией удмуртов невольно занимались развитием удмуртского (вотского) языка. Перевод текстов из Священного Писания обогащал лексику, расширял понятийный аппарат, создавал новые функциональные стили языка. Постепенно в среде образованных людей распространялось мнение о необходимости обучения детей на родном языке.

Благодаря просветительной системе Н. И. Ильминского во вт. пол. XIX в. родной язык стал использоваться в школьном обучении инородческих народов, в том числе и удмуртов. Н. И. Ильминский (1822—1891) — известный ученый-востоковед, профессор Казанского университета и Казанской духовной академии, разработал систему христианского просвещения нерусских народностей и воплотил ее в жизнь среди народов Поволжья. Данная система включала следующие положения:

^{*} Статья выполнена в рамках интеграционного проекта программ фундаментальных исследований УрО РАН № 12-И-6-2062 «Этнополитические процессы и межэтнические взаимоотношения в Урало-Поволжском регионе Российской Федерации».

- распространение среди нерусских народов православия через миссионерские школы и церкви;
- допущение в школах преподавания на родных разговорных языках народов Поволжья;
- издание богослужебных и учебных книг на родных языках, с использованием кириллицы;
 - подготовка из инородцев церковнослужителей и учителей-русификаторов [1].

Согласно программе Н. И. Ильминского, основанной на том, что «родной разговорный язык инородцев должен быть орудием обучения в инородческой школе до времени основательного усвоения русского языка учащимися инородцами, а русский язык до того времени должен быть предметом изучения» [1. С. 3], четырехлетний курс начального обучения был разделен на два отделения. В младшем отделении обучение детей проводилось на родном языке, в старшем — преподавание шло на русском языке. В ведомости о миссионерских школах за 1902 г. зафиксировано 9 удмуртских и 6 школ со смешанным составом учащихся. Всего же в трех уездах Вятской губернии в миссионерских школах обучалось 359 детей-удмуртов [2].

В кон. XIX – нач. XX вв. развернулась деятельность удмуртских просветителей – первых удмуртских педагогов, ученых и литераторов Г. Е. Верещагина, К. А. Андреева, И. В. Васильева, И. С. Михеева и др. Именно в этот период складываются необходимые предпосылки для создания удмуртской национальной школы: формируется удмуртский литературный язык; начинается подготовка удмуртских учителей в специальных учебных заведениях — учительских инородческих семинариях; получает распространение национальная печатная продукция. Возникшие в это время удмуртские культурно-просветительные общества в Казани, Елабуге, Глазове, Малмыже занялись пропагандой идей национального просвещения и организацией удмуртской школы.

Февральская революция 1917 г. открыла качественно новый этап в культурно-образовательном развитии народов России. Вопрос о создании школы на родном языке стал предметом широкого обсуждения среди удмуртских учителей и заинтересованной общественности. В мае 1917 г. в Казани удмуртская секция общества мелких народностей Поволжья разработала и приняла «Временные правила для начальных школ среди вотского населения» - первый в истории удмуртской школы свод правил, регламентирующих работу начальных школ. Они предусматривали, что «орудием воспитания и образования вотяков в начальной школе должен быть родной их язык» [3. Л. 19 об]. Его изучение предполагалось в течение всего периода обучения. Русский язык должен изучаться с первого года обучения как один из предметов. «Временные правила» допускали использование русского языка как языка преподавания только в последний год обучения. Учебными предметами в начальной удмуртской школе были определены: русский и удмуртский языки, арифметика, закон божий, пение, родиноведение. «Временные правила» предусматривали, что учителями в удмуртских школах могут быть только удмурты, имеющие соответствующий образовательный уровень. К преподаванию допускались русские учителя, свободно владеющие удмуртским языком. Одновременно были приняты практические решения, направленные на

реализацию «Временных правил»: об организации ежегодных кратковременных курсов для подготовки учителей-удмуртов, о подготовке в Глазовской учительской семинарии учителей для удмуртов, о составлении учебных пособий для удмуртских школ [4].

Глазовское культурно-просветительное общество стало инициатором введения во всех средних учебных заведениях Глазова и Глазовского у. удмуртского языка в качестве предмета обучения для всех учащихся, введения пятилетнего курса обучения на удмуртском языке для удмуртов в начальной школе, организации курсов для учителей-удмуртов, преобразования Глазовской учительской семинарии в удмуртскую для подготовки учителей удмуртских школ [3. Л. 28].

Советское правительство выдвинуло новую стратегию в области народного образования, один из аспектов которой – просвещение малочисленных народов, проживающих в государстве. Среди первых документов, разработанных Наркоматом просвещения РСФСР, было постановление от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств», в котором декларировалось право национальностей на территории РСФСР на организацию обучения на своем родном языке на всех ступенях обучения – от начальной до высшей школы [5].

К 1920 г. на территории преимущественного расселения удмуртов (Сарапульский, Елабужский, Глазовский, Малмыжский у. Вятской губ.) было открыто 176 удмуртских школ. Развернулась подготовка учебников для удмуртских детей, изданы «Букварь», «Книга для чтения», «Грамматика удмуртского языка», методические пособия. Тем не менее до 40 % детей школьного возраста оставались вне школы, 500 тыс. удмуртов не знали грамоты, сохранялась громадная нехватка работников просвещения [4. С. 89].

Образование государственности удмуртского народа в форме автономной области в ноябре 1920 г. стимулировало строительство удмуртской школы. Но дискуссии о ее судьбе не утихали. Некоторые партийные и советские руководители, ложно понимая большевистский принцип пролетарского интернационализма, отрицали наличие так называемого национального вопроса и необходимости его решения. В декабре 1923 г. состоялся V съезд Советов Вотской автономной области, этапный на пути реализации национальной политики в Удмуртии. Был разработан ряд мер, направленных на подъем культуры удмуртского народа и вовлечение его в строительство социализма. Основными мерами были: коренизация органов власти, преподавание в школах удмуртского языка, расширение издательского дела на удмуртском языке [6]. «Инструкция о введении вотского языка в госучреждениях, госпредприятиях и общественных организациях ВАО», разработанная для исполнения постановления V съезд Советов ВАО по национальному вопросу, предусмотрела в области школьного образования следующие меры: «ввести во всех школах 2-ой ступени, профтехнических учебных заведениях, в партшколах, рабфаках и техникумах обязательное для учащихся преподавание вотского языка; ...учащимся вотским детям в школах 1-ой ступени обязательное обучение на родном вотском и одновременно преподавание русского языка» [7].

Тем не менее в 1924 г. заведующий областным отделом народного образования А. Медведев отмечал: «До сих пор среди работников просвещения существует три взгляда на вопрос обучения детей-вотяков в школе на родном языке. Первый – не-

обходимо и обязательно; второй – ненужно и вредно; третьи держат нейтралитет. Мы намерены поощрять всемерно первое течение и бороться с двумя другими. В 1-ой и 2-ой ступени обучение на родном языке должно быть обязательным» [8].

Кузебай Герд в статье «Зачем нужен удмуртский язык» поделился впечатлениями о временах своей работы в должности инспектора школ. Он специально спрашивал у детей-удмуртов, который год они сидят в первом классе. Услышав удмуртские слова, обращенные к ним, дети преображались, у них загорались глаза. И оказалось, что по два, три, а то и четыре года дети не учились, а мучились в первом классе, в конце концов им это надоедало, и они бросали школу. На вопрос, почему дети-удмурты, как правило, сидели за задними партами, русские учителя отвечали: «Удмуртские дети не понимают урока, и, чтобы не мешали, мы их сажаем подальше». Введение преподавания на родном языке, по мнению К. Герда, должно было кардинальным образом изменить ситуацию [9].

В пер. пол. 1920-х гг. состоялось 4 Всероссийских съезда работников просвещения – удмуртов, центральное место в работе которых заняли проблемы национальной школы. І съезд (1920) наметил пути подготовки работников просвещения: организацию сети краткосрочных курсов, развитие педагогических курсов (техникумов), создание института народного просвещения; направление молодежи на учебу в центральные вузы страны. Предусматривалось обязательное знакомство студентов и учащихся с предметами, знание которых необходимо для работы среди удмуртов: с этнографией, народоведением, родиноведением, удмуртским языком. На II съезде (1921) К. Герд предложил целостную программу просвещения и воспитания удмуртов, начиная с дошкольных учреждений и кончая высшей школой. Основные ее принципы – использование родного языка и развитие духовных и физических сил на основе изучения психологии удмуртского ребенка. На III съезде (1924) состоялась дискуссия между сторонниками и противниками (П. Бурбуров и др.) просвещения удмуртов на родном языке, где впервые предложения К. Герда получили поддержку большинства делегатов. Резолюция IV съезда (1926) «Родной язык в удмуртской школе» еще раз подчеркнула обязательность обучения детей-удмуртов на их родном языке. Так, точка зрения сторонников развития национальной школы, поддержанная официальной политикой, возобладала.

СНК РСФСР 18 июня 1926 г. принял специальное постановление «О просветительской работе среди национальных меньшинств в РСФСР», которое предписывало планомерно улучшать и расширять сеть национальных школ в целях осуществления всеобщего обучения; учитывать интересы национальных меньшинств при мероприятиях по подготовке и повышению квалификации культурных работников; включать в состав местных органов народного образования представителей национальных меньшинств; приложить все усилия для открытия необходимого количества педагогических учебных заведений для нацменьшинств. Наркомпрос и Наркомфин РСФСР, краевые, областные и губернские исполкомы должны были, начиная с 1926/27 уч. г., при составлении планов и смет предусматривать соответствующие ассигнования [10].

В 1920-е гг. в Удмуртии складывается сеть национальных (русских и удмуртских) и смешанных школ (табл. 1). Национальными считались школы,

в которых учащиеся одной из национальностей составляли от 100 до 85 %. Смешанными школами являлись те, в которых число учащихся одной национальности составляло менее 85 %, а другой — более 15 %. Основным языком обучения в национальных школах являлся родной язык, а в смешанных — язык национального большинства [11]. Реализация национального компонента обеспечивалась выделением дополнительных материальных и денежных средств в размере 25 % от общего бюджета школы.

Таблица 1 Динамика численности школ 1-ой ступени, учащихся и учителей в них в Удмуртии в 1920-е гг.

	1923/	1924/	1925/	1926/	1927/	1928/	1929/
	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Школы	412	407	459	516	530	541*	625
В том числе удмуртские	_	_	127	180	188	195	235
смешанные	_	_	202	201	201	201	213
русские	_	_	112	117	123	125	155
прочие	_	_	18	18	18	18	22
Учащиеся	31947	34111	40880	45228**	49415	49800	55215
В том числе удмурты	14837	17244	21699	24585	27063	27263	30512
русские	15609	15252	17214	18291	20624	20780	22753
прочие	1501	1615	1967	1731	1728	1757	1950
Учителя	_	_	996	1135	1207	1232	1380
В том числе удмурты	_	_	234	379	365	379	459

^{*} так в документе, должно быть – 539.

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 155а. Л. 20.

Данные табл. 1 свидетельствуют о стабильном росте удмуртских школ и учащихся удмуртов в период с 1925 по 1930 г. Хотя число учителей-удмуртов в общем составе преподавателей увеличилось, недостаток тех, кто знал удмуртский язык, сохранялся и не давал возможности осуществить полный переход удмуртских школ на родной язык. По сведениям 12 районов Удмуртии в 1929/1930 уч. г. преподавание на удмуртском языке велось только в 1-х классах — в 168 школах, в 1–2-х классах — в 114, в 1–3-х классах — в 24, в 1–4-х классах — в 19 [12].

Для подготовки учителей со знанием удмуртского языка в 1920-е гг. открылись педтехникумы в Ижевске, Можге, Глазове, Новом Мултане, а во всех уездах организовывались краткосрочные педагогические курсы. Областной отдел народного образования (ОблОНО) разрабатывает программно-методические и практические указания для образовательных учреждений. В 1924 г. были подготовлены и разосланы в школы «Примерный конспективный материал по курсу вотской грамматики», «Общие указания по обучению в вотских школах 1-ой ступени в первый и второй год обучения», «Программа по вотскому языку для вотских педтехникумов» [13]. ОблОНО было реорганизовано в Академический центр для улучшения качества методической работы. С 1927 г. началось издание

^{**} так в документе, должно быть – 44607.

периодического органа ОблОНО «Просвещение удмуртов. Сборник материалов по вопросам вотского просвещения», с 1928 г. издается 2-недельный бюллетень обкома ВКП(б) «За учебу». В короткие сроки подготовили и издали различные словари и учебники удмуртского языка [14].

Реализация принципа «школа на родном языке» в 1920-е гг. позволила повысить уровень грамотности среди удмуртского населения. Если по переписи 1920 г. грамотных удмуртов насчитывалось не более 15% (русских – 27%), то по данным переписи 1926 г. грамотность удмуртов в Вотской обл. уже составила 25,5%. Грамотность всего населения Удмуртии старше 7 лет к 1930 г. повысилась до 42,9%, удмуртов – до 34,3% [15].

Введение обязательного начального обучения детей с 1930/1931 уч. г., расширение системы среднего профессионального и высшего педагогического образования, дальнейшее формирование удмуртского литературного языка обусловили дальнейшие успехи в развитии национальной школы. Если в 1928 г. в Удмуртии начальным образованием было охвачено 53,8 % детей 8–11 лет, в том числе – 52,8 % удмуртов, то в 1933 г. – соответственно 98 % детей школьного возраста, в том числе 99,7 % – удмуртов. Среди учащихся удмурты составили 55,3 %, как и в национальном составе населения Удмуртии. Среди 2623 учителей начальных школ 59,5 % составляли удмурты. Доля учащихся-удмуртов в семилетних школах выросла с 46,4 % в 1931 г. – до 53,1 % в 1933-м. Учителяудмурты составляли соответственно 37 % и 53 %. В 12 средних школах доля удмуртов составила 14,5 %. Во всех начальных школах занятия проводились на родном языке учащихся. Все школы были обеспечены учебниками. 50 удмуртских местных и переводных учебников издано было общим тиражом в 400 тыс. экз. Русский язык в национальной школе вводился как предмет с 3-го года обучения, что соответствовало методическим разработкам удмуртских языковедов [16].

Изменение социально-политической ситуации в стране в 1930-е гг. отразилось на образовательной и языковой политике государства. Специальное постановление Удмуртского обкома партии «Об изучении русского языка в удмуртской школе» (июнь 1934) было принято сразу после сфабрикованных судебных процессов над так называемыми «удмуртскими буржуазными националистами» (дело «СОФИН» и др.) и арестов известных деятелей удмуртского просвещения К. Герда, Т. Борисова, М. Тимашева, И. Векшина, П. Горохова, Я. Ильина, М. Аммосова и др. Учебные планы удмуртских школ были пересмотрены в сторону увеличения количества занятий по русскому языку. Почти 80 % учебников и методических пособий для удмуртских школ, произведений художественной литературы, подготовленных и изданных репрессированными авторами, были изъяты из школьных программ, что отразилось на функционировании удмуртских школ [17].

Форсированная индустриализация и урбанизация 1930-х гг. трансформировали общество, увеличили объем решаемых школой образовательных и интеграционных задач. Сопутствующие индустриализации и урбанизации миграционные процессы выявили необходимость усиления интегративных функций школы. Постепенно происходили изменения в понимании целей и задач обучения. Национальная школа стала рассматриваться лишь как начальный этап в обучении

детей нерусских национальностей, основной задачей которого являлась подготовка их к обучению в русскоязычной школе. При таком подходе преподавание на родном языке ограничивалось начальной школой, а на следующих ступенях родной язык использовался только как отдельный предмет обучения. Уже с 1936 г. в 6–7 классах удмуртских школ преподавание отдельных предметов стало осуществляться на русском языке.

Принятое 13 марта 1938 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» стимулировало дальнейший перевод национальных школ на русский язык обучения. К 1941/1942 уч. г. по республике насчитывалось 330 удмуртских начальных школ (в них 1338 классов), неполных средних школ – 52 (348 классов), средних школ – 4 (45 классов). В начальных классах преподавание велось полностью на удмуртском языке, в остальных – на родном и русском языках, в 9–10-м – только на русском [18].

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945), ввиду мобилизации в действующую армию и сокращения выпусков педучилищами, дефицит квалифицированных кадров учителей-удмуртов обусловил перевод обучения во многих школах на русский язык с 5 класса, а в некоторых – уже с 1-го. Со вт. пол. 1943/1944 уч. г. преподавание русского языка в удмуртских школах и классах вновь было введено с 1–2 класса. В докладной записке методиста А. Е. Волковой министру образования УАССР Е. А. Никифоровой «О состоянии преподавания родного и русского языка в нерусских школах Удмуртии» (4 января 1945 г.) отмечалось, что в ряде школ из-за отсутствия учителей удмуртский язык не преподается совсем. Только одна Балезинская средняя школа имела удмуртские классы до 10 класса, в большинстве же удмуртских школ после 4-летнего обучения на родном языке учащиеся удмурты сливаются с русскими и занятия ведутся на русском языке [19].

В послевоенный период сфера функционирования национальной школы продолжала сужаться, и к 1950 г. в Удмуртии не осталось ни одной удмуртской средней школы. Переход ко всеобщему семилетнему образованию в 1949–1952 гг. стал следующим шагом к сокращению роли и функции национальной школы. Несмотря на преобразование части удмуртских начальных школ в 7-летние, их количество снизилось с 32 в 1946-м до 26 в 1956-м. Большой проблемой стала низкая успеваемость учащихся-удмуртов, особенно по русскому языку, что повлекло за собой значительный отсев учащихся из удмуртских школ. Так, в справке Министерства просвещения УАССР «О языке обучения в удмуртских школах» (апрель 1958) отмечалось, что в 1954/1955 уч. г. в Игринском р-не в 8 классы поступило 371 удмуртов, из них закончило 10 классов только 138, в Вавожском р-не из 80 удмуртов 10 классов закончили 42, в Старо-Зятцинском р-не из 58 – 16 учеников... [20. Л. 6].

Работа национальных школ неоднократно рассматривалась на бюро Удмуртского обкома КПСС и в Министерстве просвещения республики. Шел поиск причин низкого качества обучения удмуртских детей и путей устранения недостатков. Основной причиной было признано слабое знание русского языка, что повлекло за собой обращение Удмуртского обкома КПСС и Министерства

просвещения республики в ЦК КПСС и Министерство просвещения РСФСР с ходатайством об изменении в удмуртской школе языка преподавания. Школы были переведены на русский язык обучения начиная с 5-го класса. 2 апреля 1958 г. на республиканском совещании с участием работников органов народного образования, родителей учащихся, научных работников, партийных и профсоюзных организаций (всего – около 200 человек) большинство высказалось за переход на русский язык обучения. В подготовленном в апреле 1958 г. Министерством просвещения УАССР проекте постановления «О языке обучения в удмуртских школах», начиная с 1 сентября 1958 г., в 1-3 удмуртских классах по всем учебным предметам предлагалось проводить обучение на родном (удмуртском) языке учащихся, 4-й класс считать переходным к обучению на русском языке, для чего на русском языке вести уроки истории, естествознания и географии. В 5-7 классах обучение осуществлять на русском языке, кроме уроков удмуртского языка и удмуртского литературного чтения, а в 8-10 удмуртских классах все предметы преподавать на русском языке [20. Л. 1–2]. Это стало началом официальной политики по свертыванию национальных школ в Удмуртии. С кон. 1950-х гг. национальными в республике называли школы, где удмуртский язык преподавался только как предмет [20. Л. 34].

Принятый в декабре 1958 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР» предоставил родителям право выбора школы в целях защиты детей от языковых перегрузок. Большая часть национальных школ страны была переведена на русский язык обучения, они превратились в обычные по содержанию русские школы с дополнительным родным языком как предметом. Результатом школьной реформы 1958 г. было последовательное вытеснение преподавания на родных языках преподаванием на русском не только из среднего (5–8 классы), но и из начального (1–4 классы) звена национальной школы. Так завершился 40-летний этап существования и развития миноритарных языков в статусе языков школьного обучения.

Ущерб системе образования в целом, функционированию и развитию национальных языков достиг апогея в начале 1960-х гг., когда было запущено в оборот лингвистически безграмотное положение о том, что русский язык «стал фактически вторым родным для народов СССР» [21]. В апреле 1962 г. в республике были утверждены новые учебные планы для удмуртских школ с русским языком обучения. Это событие стало завершением дискуссии о языке преподавания в удмуртских школах. По новому учебному плану в первом классе в целях ликвидации перегрузки учащихся изучение удмуртского языка не было предусмотрено. Считалось, что это позволит детям-удмуртам лучше усвоить русскую грамматику. Кроме того, в связи с принятием Советом Министров СССР постановления «Об улучшении изучения иностранных языков» (1961) в новых учебных планах приоритеты отдавались иностранным языкам, что и было сделано за счет сокращения количества часов на изучение удмуртского языка.

В 1962 г. министерство просвещения УАССР провело обследования состояния удмуртских школ и языка обучения в них, которое показало сокращение количества школ с удмуртским языком обучения (табл. 2).

В течение 1962/1963 уч. г. на учебный план удмуртских школ с русским

Таблица 2 Динамика численности школ и учащихся в них в Удмуртии в 1960–1963 гг.

	Учебный год			
	1960/1961	1961/1962	1962/1963	
Количество школ, в том числе	1388	1384	1376	
начальных	910	899	884	
восьмилетних	326	353	343	
средних	152	132	149	
в них учащихся	221355	243104	260278	
Количество удмуртских школ*	252	233	204	
в них учащихся	13243	10672	9508	
Количество смешанных школ**, в том	310	316	158	
числе				
начальных	98	95	100	
восьмилетних	112	120	30	
средних	100	101	28	
в них учащихся начальных классов	19666	15653	13794	

^{*} удмуртские школы — начальные с удмуртским языком обучения; удмуртских 8-летних и средних школ нет.

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-1501. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.

языком обучения перешли 11 начальных (1950 учащихся), 28 8-летних (4205 учащихся начальных классов) и 14 средних (618 учащихся начальных классов) школ. Сократился прием в первые классы, ведущие обучение на удмуртском языке. Если в 1959/1960 уч. г. в таких классах обучалось 7396 детей, то в 1962/1963 уч. г – 5755 [20. Л. 62, 63]. Министерство просвещения УАССР отмечало, что при смене языка обучения «не было ни одного случая протеста или недовольства родителей. Наоборот, во многих случаях основная масса родителей настаивала на полном переводе на русский язык обучения даже с первого класса» [20. Л. 63].

Можно констатировать, что перевод национальных школ на русский язык обучения закреплял разрыв с родным языком, этнокультурными традициями и образом жизни, переводил детей-удмуртов в русло русской культуры с иной образной и ценностной системами. В связи с этим усилились темпы языковой ассимиляции удмуртов: по данным переписи населения 1959 г., доля удмуртов, признающих родным удмуртский язык, составляла 93,2 %, по переписи 1970-го – 87,7 %, 1979-го – 82,3 %, в 1989-м – 75,7 % [22].

Таким образом, в 1960–1970-е гг. в выработке стратегий и принятии решений на уровне национально-языковой политики государства стал доминировать взгляд на языки нерусских народов как на отживающие, не имеющие перспективы. В обществе сложились представления о том, что русский язык открывает молодым людям все дороги, а национальный – обособляет их от остального мира и годен лишь для бытового общения с ближайшим окружением.

В период перестройки демократизация социально-политической сферы, активизация национальных движений выдвинули на повестку дня проблему

 $^{^{**}}$ смешанные школы — в них обучение в начальных классах осуществлялось на удмуртском языке.

этнокультурного развития и языкового возрождения народов России. На рубеже 1980–1990-х гг. в стране радикально изменяются общественные и социально-экономические приоритеты. Существенные изменения происходят и в системе образования: начинается процесс восстановления публичной роли родных языков и культур, их возвращение в сферу образования.

Основополагающими законодательными актами в сфере языковой и образовательной политики стали федеральные законы «О языках народов РСФСР» (1991) и «Об образовании» (1992). Закон «Об образовании» гарантировал всем гражданам Российской Федерации право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (ст. 6, п. 2). С одной стороны, закон постулировал защиту и развитие школой этнических культур и региональных культурных традиций (ст. 2, п. 2), с другой – обеспечение единства культурного и образовательного пространства страны. Для реализации разновекторных культурно-образовательных задач закон ввел компонентный принцип содержания образовательных программ: федеральный – единый для всех общеобразовательных учреждений; региональный (национально-региональный), который содержательно выстраивался субъектами РФ и был вариативным; и – компонент образовательного учреждения [23].

Устранив монополизм государства на социальный заказ школ, закон «Об образовании» открыл возможности для реализации этноязыковых интересов народов России, стимулировал поиск ими путей трансформации и развития национальной школы. В настоящее время в РФ функционирует 277 языков и диалектов; в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – как язык обучения и 59 – как предмет изучения [24].

Процессы деэтнизации (ассимиляции) удмуртов и языковой эрозии, наблюдавшиеся в последние советские десятилетия, побудили национальную интеллигенцию объединиться для сохранения и развития языка и культуры удмуртского этноса, для защиты национальных интересов. В 1988 г. был создан «Клуб удмуртской культуры», на его базе возникло Общество удмуртской культуры (1989), которое затем оформилось как Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» (1991).

При непосредственном участии активистов удмуртского национального движения были подготовлены и приняты следующие законодательные акты: «Концепция развития национального образования в Удмуртской Республике» (1993), закон «Об образовании» (1995), «Концепция развития национального образования в Удмуртской Республике» (2000), закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» (2001) и др. Эти документы стали правовой основой системы национального образования Республики.

Для координации деятельности национальных образовательных учреждений в Министерстве образования и науки УР создается отдел национального образования (1990), открыт Научно-исследовательский институт национального образования (1996). Кадры для системы национального образования готовятся в УдГУ, Глазовском пединституте и в 5 педучилищах, Институте повышения

квалификации и переподготовки работников образования. Для них издается научно-методический журнал «Вордскем кыл» («Родное слово»).

В силу ряда объективных и субъективных причин в системе образования Удмуртии полноценный учебный процесс на удмуртском языке восстановить не удалось. Национальные школы республики представляют собой тип школ с преподаванием всех учебных дисциплин на русском языке и изучением удмуртского языка и литературы в качестве учебных предметов.

Количество национальных общеобразовательных учреждений с изучением удмуртского языка в течение 1990-х гг. постоянно увеличивалось, достигнув своего пика (425) в 1997/1998 уч. г. (табл. 3).

Таблица 3 Динамика роста национальных общеобразовательных учреждений Удмуртии в 1990-е гг. (с изучением удмуртского языка)

	Учебный год					
	1990/1991	1993/1994	1996/1997	1997/1998		
Количество школ	346	376	419	425		
Число учащихся (чел.)	31240	31459	34535	34384		

Источник: Министерство образования и науки УР.

Численность контингента учащихся, изучавших удмуртский язык, также росла, но более медленными темпами. Так, с 1990 по 1997 год количество школ возросло на 22,8 %, тогда как число учащихся — всего на 10 %. Это показатель того, что вновь открывавшиеся национальные школы, как правило, были сельскими, то есть небольшими по численности.

- В 1990-е гг. национальная школа столкнулась с массой различных проблем:
- 1) недофинансирование и неудовлетворительное материально-техническое обеспечение, особенно сельских школ;
- 2) отсутствие учебников и учебно-методических пособий, которые бы качественно обеспечивали содержание национально-регионального компонента;
 - 3) нехватка квалифицированных кадров в сельских национальных школах;
- 4) нежелание руководителей городских школ открывать удмуртские классы, ввиду малой востребованности удмуртского языка в условиях города;
- 5) нарушение преемственности и непрерывности в комплектовании национальных классов;
- 6) малочисленность национальных школ и классов, средняя наполняемость сельских классов составляла 10–12 человек, что вело к их закрытию;
- 7) низкий социальный статус национальных школ, непрестижность обучения в национальных классах;
- 8) неготовность значительной части родителей, в силу разных причин, отдавать своих детей в национальные классы и др.

Вместе с тем результаты социологических исследований свидетельствовали о том, что в стабильно функционирующих национальных школах качество знаний учащихся и их мотивация к обучению существенно повысились и что интерес

школьников к этнической культуре, национальной истории, удмуртскому языку и литературе возрастает [25].

Однако в дальнейшем очередное непродуманное реформирование российской школы, негативные демографические процессы и так называемая «оптимизация объектов социальной сферы» в целях экономии бюджетных средств привели к значительному сокращению удмуртских школ и количества учащихся в них (табл. 4).

Таблица 4 Динамика национальных общеобразовательных учреждений Удмуртии в 2000-е гг. (с изучением удмуртского языка)

	Учебный год					
	2000/	2004/	2005/	2007/	2008/	2012/
	2001	2005	2006	2008	2009	2013
Количество школ	408	369	358	338	327	251
Число учащихся (чел.)	33500	24243	22208	20121	19315	16189

Источник: Министерство образования и науки УР.

Сокращение количества школ с изучением удмуртского языка произошло ввиду закрытия малочисленных сельских начальных школ, объединения ряда национальных школ в одном населенном пункте, отказа администраций школ от организации удмуртских классов и — снижения рождаемости населения. В 2008/2009 уч. г. из 327 национальных школ с 19 315 учащимися 300 школ находились в сельских районах (16 938 учеников), остальные — в городах республики. В Ижевске таких школ было 18 (включая одну национальную гимназию), в Можге — 5, в Глазове — 2, в Воткинске — 2, в Сарапуле — ни одной.

Изменилось отношение к национальной школе и со стороны федеральных органов власти. Федеральный закон № 309 (вступил в силу с 1 сентября 2009 г.) отменил ранее действующий комплекс государственных образовательных стандартов, состоящий из трех компонентов — федерального, национально-регионального и компонента образовательного учреждения, и утвердил единый «федеральный государственный образовательный стандарт»: федеральные государственные образовательные стандарты разрабатывает и утверждает правительство России, а примерные основные образовательные программы — федеральное Министерство образования [26].

Этот закон вызвал негативную оценку у ряда экспертов и широкий общественный резонанс. Ряд национальных республик в лице своих руководителей (президент Татарстана М. Ш. Шаймиев, президент Башкортостана М. Г. Рахимов и др.) высказались за сохранение национально-регионального компонента в образовании и осуществление образовательного процесса в субъектах России с учетом их национальных и региональных особенностей. 2 августа 2008 г. в Казани состоялась встреча руководителей национальных организаций и ассоциаций народов Поволжья и Урала, посвященная проблемам сохранения национальных языков и культур. Участники ее приняли решение создать «Координационный совет народов Поволжья и Урала», как «ответ на притеснение национальных прав

нерусских народов России, на запрет получения образования на родном языке, с целью защиты прав этих народов» [27].

Федеральное министерство образования пошло на ряд уступок, однако национально-региональный компонент национальным республикам отстоять не удалось. Как и опасались эксперты, в Удмуртии продолжилось сокращение национальных школ: в 2012/2013 уч. г. функционировала 251 национальная школа, где удмуртский язык изучали 16 189 учащихся. Как и прежде, большая их часть – 231 (92 %) – расположена в сельских районах; в них обучается 14 611 учащихся (90,3 %). В городах УР удмуртский язык изучается в 20 школах (1578 учащихся), из них 553 – в Гимназии им. Кузебая Герда Ижевска и 45 – в Республиканском лицее-интернате пос. Италмас.

1 сентября 2013 г. вступит в силу Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Он гарантирует получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Согласно статье 14, в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории республик РФ, «может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации», если оно осуществляется не в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации. В то же время закон констатирует, что граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (выделено нами. – О. В., В. В.). Таким образом, обеспечение реализации указанных прав (созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования) целиком возложено на местные сообщества [28].

Подводя итог, отметим, что в своей истории удмуртская национальная школа прошла ряд этапов, обусловленных спецификой государственной национальноязыковой и образовательной политики, общественных настроений, степенью активности национальной интеллигенции, влияния и массовости национального движения:

- І. Вт. пол. XIX в. нач. XX в. «просветительный этап». В условиях официальной политики скорейшей русификации и христианизации «инородцев» начинается распространение грамотности среди удмуртов, развертывается деятельность удмуртских просветителей, начинает формироваться национальная школа.
- II. 1917–1920-е гг. «демократический этап». Создается государственность удмуртов (Вотская автономная область). Активная деятельность удмуртской интеллигенции по развитию удмуртской школы, языка и литературы поддерживается советской национальной партийно-государственной политикой.
 - III. 1930 сер. 1980-х «советский этап»:

- 1) 1930 сер. 1950-х продолжается развитие национальной школы, однако оно осложнено репрессиями удмуртских политических лидеров и удмуртской интеллигенции; затем материальные и людские потери в Великой Отечественной войне;
- 2) сер. 1950 сер. 1980-х культура и язык удмуртского народа развиваются в рамках советской культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию». Постепенное вытеснение удмуртского языка из школы сначала как языка обучения, а затем и в качестве учебного предмета, что привело к росту этнической ассимиляции удмуртов и языковой эрозии.
- IV. Конец 1980-х 1990-е «этап национально-культурного ренессанса». Начало возрождения национальной школы, разработка и внедрение инновационных образовательных программ; однако восстановить утерянные практики использования удмуртского языка в качестве языка обучения в образовательных учреждениях не удалось. В обществе сохранилось отношение к удмуртскому языку как «бесперспективному» и «второсортному».

V. 2000-е — «этап отступлений и разочарований». Под влиянием негативных социально-экономических и демографических факторов сокращается число удмуртских школ и количество учащихся в них, ослабевает интерес государственных и общественных структур к проблемам национальной школы. Национальные республики постепенно лишаются рычагов управления образованием и прав на организацию образования на национальных языках, отменяется компонентный принцип формирования образовательных программ.

Согласимся с мнением авторов обобщающего труда о современном положении финно-угорских народов России, что «ожидания общественности относительно эффективной и масштабной поддержки языков финно-угорских народов через систему образования во многом не оправдались. Она пока не создала достаточных условий для целенаправленного освоения родных языков детьми и молодежью финно-угорских народов» [29].

Национальная школа — один из важнейших институтов, сохраняющих связь поколений, способствующий формированию этнического самосознания, усвоению молодым поколением национального языка и этнокультурных традиций народа. Обществу необходимо предпринять всевозможные усилия для сохранения и дальнейшего развития национальной школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Ильминский Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 135.
- 2. *Берестова Е. М.* Роль духовных школ в становлении национального образования в Удмуртии // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2003. С. 28–30.
 - 3. Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 1.
- 4. *Васильева О. И.* Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск, 1999. С. 15–16.
 - 5. Народное образование. 1917–1973. Сб. док. М., 1974. С. 141.
 - 6. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 354. Л. 60.
 - 7. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 250. Л. 22.

- 8. Ижевская правда. 1924. 22 августа.
- 9. Гудыри. 1925. 15 сентября.
- 10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР № 37. М., 1926. С. 294.
 - 11. Положение о смешанных школах // Просвещение удмуртов. 1927. № 1. С. 57.
 - 12. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 155а. Л. 35 об.
 - 13. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 159. Лл. 151-160.
- 14. Емельянов А. И. Грамматика удмуртского языка. Ленинград, 1927; Русских П. М., Русских П. Я. Русско-удмуртский словарь. Ижевск, 1928; Баушев К. Синтаксический строй вотской речи. Государственное издательство, 1929;. Жуйков С. П. Практический удмуртско-русский словарь. Ижкар, 1930; Яковлев И. В. Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск, 1930 и др.
 - 15. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 342.
- 16. *Баушев К*. Методика преподавания русского языка в вотских школах 1-й ступени // Просвещение удмуртов. 1927. № 1. С. 45.
 - 17. Центр документации новейшей истории УР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 885. Л. 12.
 - 18. ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1441. Л. 1.
 - 19. Там же. Д. 1682. Л. 44.
 - 20. ЦГА УР. Ф. Р-1501. Оп. 1. Д. 16.
 - 21. Хрущев Н. С. О Программе КПСС. Москва, 1961. С. 90.
- 22. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 346.
 - 23. Закон об образовании РФ // Российская газета. 1992. 31 июля.
- 24. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // http://minnac.ru/minnac/info/14183.html.
- 25. *Воронцов В. С.* Роль национальной школы в формировании этнического самосознания учащихся. Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2003. С. 56–59.
- 26. Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г №309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // Российская газета. 2007. 5 декабря.
- 27. Заявление Координационного совета народов Поволжья и Урала «Сохраним самобытность народов!» // Герд. 2008. Август.
 - 28. Об образовании в Российской Федерации // Российская газета. 2012. 31 декабря.
 - 29. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 154.

Поступила в редакцию 17.04.2013

O. I. Vasilyeva, V. S. Vorontsov

National School in Udmurtia: Past and Present

The article is devoted to the history of formation and functioning of the national Udmurt school. The authors analyze the processes of formation of the education system in Udmurtia, gradual changes in the principles of formation and content of the national educational component, stages of the history of the Udmurt school.

Keywords: Udmurtia, the national school, the Udmurt language, the language policy, the national component, the language of studying, the language erosion.

Васильева Ольга Ивановна,

кандидат исторических наук, заместитель директора, Центральный Государственный архив УР

г. Ижевск

E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Воронцов Владимир Степанович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

г. Ижевск

E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Vasilyeva Olga Ivanovna,

Candidate of Sciences (History), Deputy Director of Central State archive of Udmurt Repablic Izhevsk

E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Vorontsov Vladimir Stepanovich,

Candidate of Sciences (History), senior research associate, Udmurt institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: vvorontsov@rambler.ru

УДК 811.511.131'373.21

М. Г. Атаманов

ИЗ ИСТОРИИ СТАРОИГРИНСКОГО ГОРОДИЩА КАРГУРЕЗЬ

Обнаруженное в 1972 г. и раскопанное в 1981 г. городище возле д. Старая Игра Граховского р-на дало интересные сведения по истории заселения южной части Удмуртии в эпоху раннего средневековья: ее основателями (IV–V вв н.э.) были древнеудмуртские племена, создатели мазунинской культуры, прибывшие с территории северо-западных районов Башкирии; в V–VI вв. на *Каргурезь* проникли именьковские (славянские?, готские?) племена; в VIII в. сюда пришли с северо-восточных районов Удмуртии древнеудмуртское население, создатели поломской археологической культуры. Название *Каргурезь*: кар 'городище; городок' + гурезь 'гора' переводится с удмуртского как 'Городищенская гора' или 'Гора с городищем'; башкирские названия многих городищ с бассейна р. Белая – *Калатау* – являются калькой с удмуртского языка, освоенные пришлым тюркским населением.

Ключевые слова: ранее средневековье, мазунинская культура, именьковские племена, поломская АК, древнеудмуртские племена, тюркское население, бассейн Белой, *Каргурезь, Калатау*, городище.

Открытие одного из древнеудмуртских археологических памятников на юге Удмуртии, под названием *Каргурезь*, связано с именем Анатолия Васильевича Ишмуратова. А дело было так: будучи студентом 2 курса удмуртского отделения филфака УдГУ в архиве УдНИИ при СМ УАССР (совр. УИИЯЛ УрО РАН) в одной из папок я обнаружил материалы диалектологической экспедиции, побывавшей в 20-е гг. ХХ в. в моей родной д. Старая Игра (Вуж Эгра) Граховского р-на. Среди записей нашел сообщение старых людей, жителей деревни об *Каргурезе*. Но об этом топониме в 1970-е гг. в Старой Игре уже никто не знал, даже моя мама 1910 г. р., прекрасно знающая топонимическую номенклатуру родной деревни, обычаи, обряды старины.

По записи можно было понять, что речь идет об одном из пригорков у рощи с ключом *Ческытошмес* (Сладкий родник), воды которой бегут

в речку Улёк (современное название — *Мачыгопгурезь* — Гора кошачьего лога). Вот эта высокая, с крутыми склонами гора (их у нас много, вся восточная и северная стороны Старой Игры окружены горным кряжем), легендарная для моего и более старшего поколения, оказалось, носила название *Каргурезь*.

На склоне ее юго-восточной части находится огромный валун, по преданиям деревенских жителей, под ним будто бы Пугачев спрятал свою пушку, притом — деревянную (действительно, отряды Пугачева по пути в Елабугу и на Казань, прошли через Старую Игру, о чем в народе сохранились предания и микротопонимы). Мои деды, мой отец со своими сверстниками и мы с друзьями в 1950–60-е гг. лопатами рыли вокруг этой глыбы, чтобы ее перевернуть, спустить под гору — достать ту легендарную пушку и войти в подземный вход, который будто бы ведет в гору — тайный вход. А что там есть — никто не знает. Может быть, какие-то сокровища? Деды не смогли поднять и нам не удалось, а после нас новое поколение уже с помощью домкратов попыталось поднять или хотя бы сдвинуть ту глыбу, но безрезультатно. Нынешнее компьютерное поколение этот камень с пугачевской пушкой совсем не интересует. Они к нему не подходят и легенду-предание уже едва ли кто из них знает.

Но в ту пору (1973) мой романтический, студенческий дух встрепенулся от удивления и великой радости! Какое чудесное обвораживающее название: κap – это же 'городище, городок, гнездо, центр чего-то', а $\epsilon ypesb$ – по-русски 'гора', можно перевести и как 'городищенская гора', или 'гора, на которой имеется городище'.

До этого я уже знал и гордился (в тайне даже завидовал), что на севере нашей Удмуртии, в бассейне р. Чепцы, такое большое количество богатых городищ периода VIII—XIII вв., принадлежащих предкам северных удмуртов. Городищенские топонимы содержали в своем составе имена древних удмуртских богатырей, воршудно-родовые имена, этнонимы и другую лексику: Иднакар, Дондыкар, Гуръякар, Эбгакар, Узякар, Весьякар, Сьöлтакар, Учкакар, Поркар, Жутэмкар, Утэмкар, Карйыл и др. И если дальше идти на север, на земли наших ближайших родственников-коми, там встретишь Сыктывкар, Кудымкар, Шудьякар, Анюшкар... А тут, в моей родной деревне, под носом у любителя старины, такое название! А вдруг, действительно, это городище?!

На этой горе ранней весной, когда корм для скота был на исходе (в те времена с колхозных полей сена, даже соломы не давали, очень тяжело было с кормами), мы, малыши из Шонеркенера, пасли здесь овец, а зимой катались с горы на самодельных лыжах. Но никогда и никто не думал, не рассказывал, что здесь может быть что-то более древнее, нежели пугачевская ставка.

Мое любопытство, студента II курса филфака, так сильно загорелось, что я обратился к студенту IV курса истфака УдГУ Крониду Корепанову. Он обещал побывать в моей деревне, тем более, что на территории Граховского р-на, расположенного в междуречье Камы и Вятки, тогда еще не был выявлен ни один археологический памятник.

В начале лета, во время каникул, мы прибыли в мою деревню. Взяли с собой студента I курса Толю Ишмуратова. Я привел своих гостей на ту легендарную

гору. Заложили шурф, и с первой же лопатой поднятого дерна появились мелкие кусочки не то гальки красного цвета, не то спрессованной глины. И тут же Кронид воскликнул: «Городище! Смотрите: керамика!».

Так был открыт первый археологический памятник на территории Граховского р-на. Кстати, тогда же сделали пробное вскрытие одного из погребений на языческом могильнике XVII в. под названием Гордъяршай.

К стационарному обследованию городища Каргурезь приступили в 1981 г. Отряд молодых археологов возглавила Т. И. Останина, ныне доктор исторических наук.

Результаты раскопок дали такие сведения:

- 1) городище имело площадь 680 кв. м, культурный слой достигает 10–15 см;
- 2) городище с напольной стороны укреплено двумя валами и рвами. Вал шишкообразной формы имеет длину $13 \, M$, ширину $14,3 \, M$, высоту $-1,5 \, M$ по отношению к поверхности площадки городища;
- 3) на вскрытой площади обнаружены 22 очага, 3 хозяйственные и 123 столбовые ямы. Городище обнесено было крепостной оградой из бревен, а внутри выявлены следы цитадели-лабиринта как наблюдательного пункта;
- 4) вещевой материал представлен 34 предметами железный наконечник стрелы и дротик, фрагмент ножа, серп, пряслица, точильные бруски, жернова, предметы украшения (перстни, пряжки ремня, бусы, части фибул); найдены куски шлака (6 экз.) и крицы (1 экз.) весом 400 г, а также обожженные зерна.
- Т. И. Останина считает, что исследуемый ею археологический памятник Каргурезь у д. Старая Игра, судя по обнаруженным на нем остаткам сооружений (цитадель-лабиринт, линии очагов, линии столбовых ям), представляет собой городище-убежище. Исходя из вещевого материала, оно было основано в IV–V вв. н. э. мазунинскими (древнеудмуртскими) племенами. Позже сюда проникло иноязычное именьковское население, которое ряд археологов пытается связать со славянским этносом. В VIII в. н.э. на Староигринское городище пришло поломское население, местом их формирования была Верхняя Чепца (территории современных Кезского, Дебесского, Балезинского р-нов). Т. И. Останина считает, что материалы Староигринского городища дали новые данные о процессе заселения территории междуречья Тоймы и Вятки в эпоху раннего средневековья [10. С. 78–91].

Сколько чудес вокруг нас: вот ходим, шагаем по земле и не предполагаем, что под ногами лежит наша история, которую, к великому сожалению, мы не знаем или знаем очень плохо. А самое удивительное — не ценим, более того — не интересуемся. Историю Китая, Египта, Древней Греции, Римской империи, Европы, США, Ближнего Востока, Киевской Руси — пожалуйста! Изучаем и по ним сдаем экзамены в школе и вузе. А где наша удмуртская история? Ни в школе, ни в университете я не изучал ее, и лекции нам никто не читал по истории удмуртского народа. Манкуртами, не помнящими своей истории, не ценящими свою древнюю культуру, править легче.

Итак, Староигринское городище Каргурезь, оставленное одной из древнеудмуртских воршудно-родовых групп, наводит на ряд размышлений, но, главное: оно поведало маленькую, древнейшую историю староигринцев, а вместе с ними

всего удмуртского народа. Теперь мы знаем, что эта группа семей, принадлежащих одному роду-воршуду, прибыла сюда с берегов Камы или Белой в поисках убежища от вновь прибывших бесчисленных орд азиатских, сибирских кочевников тюркского, отчасти угорского, самодийского, иранского происхождения. Они вторглись и захватили земли древнеудмуртских родо-племенных групп по рр. Каме, Белой, по большим и малым их притокам, где предки удмуртов жили тысячелетиями. Там была прародина калмезов — предков южных и центральных групп удмуртов.

С началом великого переселения народов, под натиском огромных орд кочевых племен (предков современных башкир, отчасти — татар, чувашей), прибывших и осевших в лесной полосе Волго-Уральского региона, многие воршудно-родовые группы удмуртов вынуждены были уйти с благоприятных для земледелия и животноводства территорий: с северо-западных и центральных районов современной Башкирии, юга Пермской области, Татарии. Одни ушли на запад — в Волго-Вятский регион, другие — на север, на территорию современной Удмуртии, тогда еще малонаселенный из-за малопригодных условий для развития земледелия, животноводства и торговли.

Именно в это неспокойное, бурное время великого переселения народов с более южных территорий прибыли, говоря современным языком, *беженцы* и укрылись в глухих лесах на берегу небольшой речушки Улек. На крутом мысу горной гряды соорудили городище-убежище на случай обороны от внезапного нападения непрошеных гостей.

Подобные городища, сооруженные тем же древнеудмуртским населением в IV–VIII вв. н.э., именуемым археологами мазунинцами и бахмутинцами, выявлены в среднем течении Камы, в нижнем течении р. Белой и по многочисленным их протокам. Автохтонное древнеудмуртское население под натиском азиатских кочевников в массе своей вынуждено было оставить эту пратерриторию. Ушедшие на правобережье Камы, на территорию южной и центральной части современной Удмуртии — в бассейны рр. Иж, Тойма, Сарапулка (Пуро), Кырыкмас, Посьтол, Вотка (Идзи) — создали мазунинскую и верхнеутчанскую культуры, а оставшиеся в бассейне р. Белой и по ее притокам — бахмутинскую. Культуры эти очень близки, они являются последней стадией развития пьяноборской археологической общности; создателями камско-бельских археологических культур, начиная от ананьино (VIII–III вв. до н.э.) и кончая мазунинским (III–Vвв. н.э.) и бахмутинским (V–VIII вв. н.э.) АК, были члены племенного союза древних удмуртов калмез.

Для топонимиста-этнолога важен и такой факт: ряд городищ чегандинско-мазунинской культуры, выявленных вблизи удмуртских деревень, носит название *Каргурезь* 'городище + гора', то есть 'городищенская гора: гора, на которой сооружено городище'. Привожу часть из этих названий (думается, что таких названий было значительно больше; изучение топонимии всех удмуртских деревень дало бы дополнительные сведения по археологическим памятникам):

- д. Старая Игра Граховского р-на УР;
- с. Варзи-Ятчи Алнашского р-на УР;
- д. Бобья-Уча Малопургинского p-на УР; гора между дд. Ожмос-Пурга и Бабино Завьяловского p-на УР;

гора между дд. Пислегово и Кион-Липето Шарканского р-на УР;

- д. Пашур Шарканского р-на УР;
- д. Едыгрон (Кучик) Шарканского р-на УР;
- д. Каргурезь (Кукъямес) Игринского р-на УР;
- д. Варзи-Пельга Агрызского р-на Татарстана.

Знаменитая гора Байгурезь на Чепце, возле с. Дебесы, в старину называлась *Каргурезь*. Вероятно, в эпоху великого переселения народов часть южноудмуртских воршудно-родовых групп племенного объединения калмез дошла до р. Чепцы и участвовала, надо полагать, в сложении поломской археологической культуры. А с Чепцы, наоборот, часть поломцев в VIII в. н. э. ушла на юг, дошла до Старой Игры: об этом свидетельствуют археологические материалы, например, керамика с решетчатым штампом; значительные группы чепецко-поломского (древне-удмуртского) населения дошла до Волги и участвовала в сложении волжско-камских булгар. Об этом свидетельствуют материалы громадного Танкеевского могильника и других археологических памятников на территории соседнего Татарстана. Кстати, топонимы *Калатау* (*«Калатавы*), которые переводятся как и удмуртское *Каргурезь* 'городищенская гора', выявлены в Арском, Сабинском р-нах Татарстана, на землях которых — до появления тюрков в Волго-Камском регионе — жили удмурты.

На этом фоне большой научный интерес представляют названия археологических памятников – городищ – караабызско-бахмутинского круга, расположенных в северо-западных и центральных районах Башкортостана и прилегающих к нему восточных районов Татарстана, именующихся *Калатау*. Без сомнения, они оставлены древнеудмуртским племенным объединением калмез, родственным населению, создавшему чегандинско-мазунинский круг памятников. Мне думается, что названия городищ на территории Удмуртии (*Каргурезь*) и *Башкортостана* (*Калатау*) родственны: башкирское название возникло путем калькирования удмуртского *Каргурезь* – 'городищенская гора' (так же, как башк. *Агидель* 'белая великая река' является калькой удм. *Тодьы Кам* – 'белая великая река').

Чрезвычайный интерес представляет название городища чегандинской культуры возле современной марийской д. Ныргында на Каме в Каракулинском р-не — Олакурык, что переводится с марийского, как и Каргурезь и Калатау, город ~ городище + гора'. Причем Ныргындинское городище Олакурык находится между районами распространения мазунинской культуры с городищами Каргурезь (территория современной Удмуртии) и бахмутинской (вариант мазунинской АК.) — с городищами Калатау (территория современной Башкирии). Без сомнения, и другие городища по Каме и Белой могли именоваться Каргурезь, но создатели мазунинско-бахмутинской культур были вытеснены со своей территории, их места заняли другие этносы — и древнеудмуртские названия географических объектов со временем были забыты. Марийское Олакурык — калька с удмуртского Каргурезь (марийцы в прикамско-прибельском регионе появились только в кон. XVI — нач. XVII вв., когда городища давно уже не возводились). В других марийских регионах топонимов Олакурык не выявлено [5, 12].

Для наглядности привожу названия археологических памятников северозападных и центральных районов Башкортостана эпохи развитого железного

века, расположенных в бассейне р. Белой (Агидель ~Тöдьы Кам), именующихся *Калатау* (кстати, создатели Староигринского Каргурезя – городища-убежища – переселились как раз с этой территории):

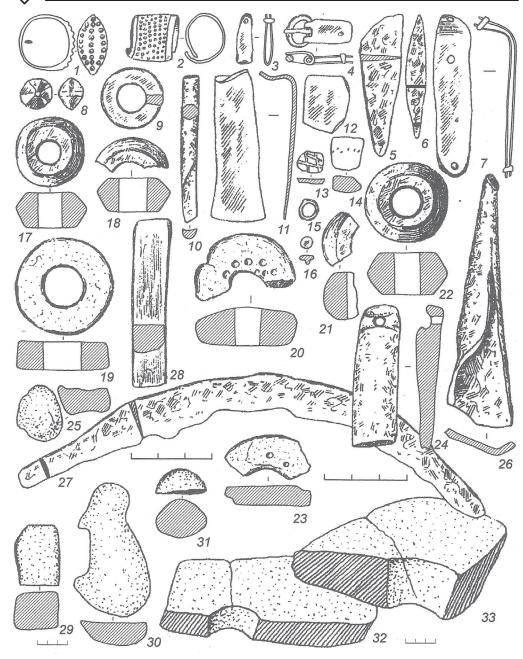
- д. Бусталово Бураевского р-на: эпоха железа;
- д. Таулы Янаульского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Шульганово Татышлинского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Югомашево Янаульского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Кудашево Янаульского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Чоркильде Татышлинского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Буляк Бураевского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Исхаково Янаульского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Акбердино Нуримановского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Чишмы Янаульского р-на: эпоха железа;
- д. Торналы Салаватовского р-на: Бахмутинская АК;
- пос. Юлдуз Илишевского р-на: Бахмутинская АК;
- д. Старая Мушта Калтасинского р-на: Ананьинская АК [1].

Если одно маленькое городище Каргурезь возле д. Старая Игра на юге Удмуртии дало столько интересных сведений и поводов для размышлений, то что тогда говорить о таких гигантских городищах, как Охлебининское на р. Белой в центральной Башкирии, сооруженное еще на 700-800 лет раньше Староигринского Каргурезя теми же праудмуртскими родо-племенными группами?! Площадь Охлебининского городища 200 тыс. кв. м – почти в 300 раз крупнее Староигринского городища – и культурный слой, где залегают вещевой материал и другие останки от древних жителей, превышает в 10 раз. Это исключение, но древнеудмуртских городищ площадью до 10 тыс. кв. м было немало в Волго-Камье, где с древнейших времен жили предки удмуртов. Вот где кладезь нашей древней истории! Но в наше безденежное для науки время их не исследуют, а современные варвары (в лице кладоискателей-грабителей, строителей нефте- и газопроводов, строителей дач и прочих разрушителей) уничтожают древние памятники истории нашего Отечества. Это не цивилизованный Запад, где каждый памятник охраняется государством от разного рода посягательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

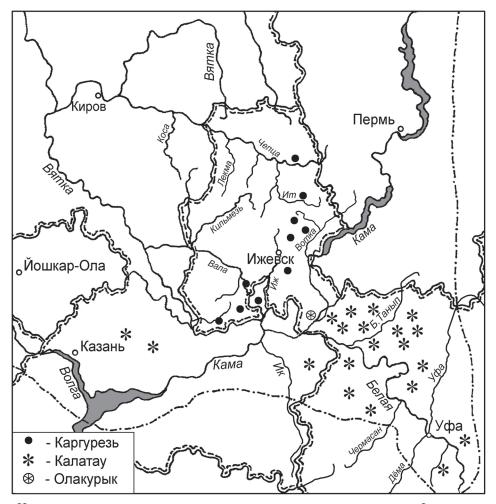
- 1. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 264 с.
- 2. Археологическая карта северных районов Удмуртии / Сост.: Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Ижевск, 2004. 276 с.
- 3. *Атаманов-Эграпи М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
 - 4. Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 2010. 576 с.
- 5. Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл. Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с.
 - 6. Генинг В. А. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. 192 с.
- 7. Γ енинг B. A. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Ижевск, 1970. Вып. 10.

М. Г. Атаманов

Украшения, предметы быта, орудия труда с городища Каргурезь (IV–VIII вв. н.э.). Из раскопок Т. И. Останиной

Названия древнеудмуртских археологических памятников середины I тыс. н.э.

- 8. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.
 - 9. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- 10. *Останина Т. И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.
 - 11. Останина Т. И. Покровский могильник IV-V вв. Ижевск, 1992.
- 12. Пустяков А. Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурносемантический и историко-этимологический анализ). Tartu Ülikooli kiriastus. 2011. 281 с.
- 13. Π и этнография Башкирии. Уфа, 1973. С. 162—243.
- 14. Семёнов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы (по данным археологии) // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 43–62.
- 15. Спицин А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893.

Поступила в редакцию 17.01.2013

M. G. Atamanov

From the history of Staroingrinsky ancient settlement Kargurez

An ancient settlement was discovered in 1972 near the village Staraya Igra in Grahovo region. Its excavation in 1981 gave an interesting information about the history of occupying of the south Udmurtia in the Medieval period: the founders (IV–V A.D) were ancient Udmurt tribes, the creators of the Mazuninskaya culture, who came from the north-west regions of Bashkiria. In the V–VI centuries Kargurez was occupied by the tribes of the Imenkovsky period (Slavic-?, Gothic-?). Ancient Udmurt people, the creators of the Polomskaya archeological culture, came to this territory from the north-east regions of Udmurtia in the VIII century. The name Kargurez: kar – 'settlement, town' + gurez – 'mountain' is literally translated from the Udmurt language as 'The Mountain with the settlement'. The Bashkir names of the most ancient settlements from the Belaya river basin – Kalatau – are loan translations from the Udmurt language that were mastered by the alien Turkic people.

Ключевые слова: early Medieval period, the Mazuninskaya culture, tribes of the Imenkovsky period, the Polomskaya archeological culture, ancient Udmurt tribes, the Turkic people, the Belaya river basin, Kargurez, Kalatau, an ancient settlement.

Атаманов Михаил Гаврилович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск,

E-mail: rvkir@mail.ru

Atamanov Mikhail Gavrilovich,

Doctor of (Philology), leading research associate, Udmurt state university Izhevsk E-mail: rvkir@mail.ru

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО УДК 727(470.51)

А. И. Сорокина, И. В. Сорокин

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНСАМБЛЬ «ОТКРЫТЫЙ ДВОР – ЯКШУР-БОДЬЯ»

Статья посвящена актуальности сохранения и умножения народных традиций в регионах; воспитанию у населения исторической памяти. Группа дизайнеров Удмуртии предложила и реализовала свой вариант обращения к историко-просветительской миссии работников искусства, ученых и краеведов. Проект реализован в Якшур-Бодье — одном из райцентров Удмуртии.

Ключевые слова: село Якшур-Бодья, архитектурно-художественный ансамбль, познавательность, зрелищность и интерактивность, символика.

...Есть место на земле, где научился многому, в том числе Слушать и Понимать. Это место – Удмуртия с ее многогранной, самобытной культурой и национальными традициями, изумительной кухней и щедрым гостепри-имством.

Из выступления заслуженного деятеля искусств УР И.В. Сорокина на праздновании 300-летия с. Якшур-Бодьи

На «пятачке» сельской площади вдоль федеральной трассы в 2010 г. появился ансамбль-памятник с символическим названием «Открытый двор — Якшур-Бодья», приуроченный к 300-летию райцентра Якшур-Бодья, что в 50 км от Ижевска. Ансамбль создан по инициативе главы районного административного образования Петра Сидоровича Дюдюкина, благодаря его энергичной помощи в продвижении идей авторского коллектива проектировщиков.

Памятному архитектурно-художественному ансамблю отведено немного места, но с его открытием сохраненная районными краеведами народная память «вышла» на оживленную улицу села. Возможно, в толще современного покрытия полотна федеральной автодороги осталась дорожная пыль от колес конного экипажа Великого самодержца Всея Руси Александра I, который в далеком

1824 г. проездом остановился в Якшур-Бодье на подворье зажиточного крестьянина-удмурта Ивана Герасимовича Бигенея. Отдохнув, через пару часов Государь продолжил путь в заводской поселок на Иже для торжественного открытия здания Арсенала. В благодарность за гостеприимство он одарил членов семьи монетами, укрепившими и умножившими хозяйство зажиточного крестьянина.

Документальные подтверждения этого события в ходе научно-исследовательской работы обнаружены и изучены заслуженным деятелем науки УР Нэлли Павловной Лигенко в «Историческом вестнике» (СПб.), опубликовавшем в августе 1897 г. «Рассказы очевидцев о проезде через Якшур-Бодью императора Александра I в 1824 году и наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 г.». Под таким названием вышел из печати очерк С. Я. Моисеева, в котором собраны воспоминания жителей села и близлежащих деревень.

Этот исторический эпизод и лежит в основе творческого замысла архитектурно-художественного ансамбля. Его отличительная особенность – интерактивность и познавательными. Стилизованные формообразования созданного ансамбля олицетворяют исторические традиции населения, особенности взаимоотношений жителей друг с другом, а также с окружающей природной средой.

Доминирующим объектом ансамбля являются стилизованные «ворота» крестьянского подворья. В их композиционно-смысловое решение заложены явно обнаженные конструкции крыши, что символизирует строящееся современное село в новых экономических и политических условиях. Под крышей «ворот» подворья есть возможность укрыться от ненастной погоды, а также от палящего солнца в жаркий день. По проектному замыслу в архитектурно-художественном ансамбле участвует знак — «род Бодья», размещенный на уровне крыши стилизованных «ворот» крестьянского подворья. Конструкция «ворот» выполнена из металла и представляет собой симметричное сооружение с осевым расположением на углу отведенной для ансамбля площади. Крыша «ворот» и стилизованная крона крепко стоящих напротив символических «елей» окрашены в сине-зеленый цвет, а все несущие конструктивные элементы ансамбля — в оранжево-охристые цвета.

Сине-зеленый символизирует защиту от жизненных проблем, связь поколений и успешное экономическое развитие района, а оранжево-охристый – символ праздника и психологической уравновешенности.

На ажурных конструкциях стилизованной кареты размещены символы и геральдические элементы самодержавной царской власти Александра I. «Карета» расположилась недалеко от «ворот», и ее внешний вид передает впечатление недавно проделанного большого пути, готового продолжаться далее. Об этом говорит присутствие предметов стилизованного «багажа», пристегнутого «ремнями» к «карете».

Многие зрители любопытствуют: — «А где кони?». Коней рядом нет, повидимому, в данный момент их интересуют сочные травы на заливных лугах. Жителям и гостям села особенно нравится войти в «карету» и присесть в ней. А кто-то присаживается на облучок, представляя себя частью царского экипажа.

В основном ансамбль почитается молодоженами – в надежде счастливого совместного жизненного пути.

Есть в ансамбле «монета», подаренная Александром I. Но здесь она приобретает огромные размеры — в соответствии со своим символическим предназначением. По сценарному замыслу авторов, тому, кто прикоснется к ней, даруется финансовое благополучие его семьи.

Можно сказать, что в Якшур-Бодье находится *самая* большая «монета» царской чеканки – образца 1824 г., диаметр которой составляет 180 сантиметров. Величина стилизованной «монеты», являющейся объектом «*самого-самого»* как категории зрелищного вида искусства, рассчитана на эмоциональное восприятие и гордость за село, владеющее таким уникальным символом.

Каждый проходящий по площадке ансамбля — посетитель символического «Великого Леса», выполненного из металлического профиля и напоминающего своими силуэтами несколько еловых деревьев. У многих народов, в том числе и у жителей Прикамья — удмуртов, лес — это место жизненных благ и поклонения силам природы. В ансамбле установлены три стилизованные «ели», одна из которых символизирует «Мать Леса». Удмуртская легенда рассказывает, что с нее начинался Лес, а может даже сама Земля. Из-под нее пробивался родник — Ошмес.

И вот наступил момент, когда Молния опалила старую мудрую Ель. Однако умереть ей не дал Человек. Он сделал из нее Великие Гусли – Крезь. Гусли оказались волшебными, с помощью их звучания Человек обрел возможность управлять силами природы во благо жизни. Преимущественно из хвойных пород люди строили жилье, лодки для рыбной ловли, а музыкальные инструменты из ели особенно звучны.

Вторая «Ель», находящаяся рядом, держит на своих ветвях три звонких еловых доски. Это — удмуртский национальный музыкальный предмет — *тангыра*. При ударе билом по доскам разного размера и толщины раздается на довольно большое расстояние мелодичное звучание. Оно возвещает о свадебных событиях жителей села, зазывая гостей. После регистрации в ЗАГСе молодожены проводят здесь современный свадебный ритуал, скрепляя на конструкциях крестьянских «ворот» навесные замки как символ верности друг другу.

Без домашнего животного, к примеру – поросенка, ни одна деревня в Удмуртии не обходилась. Улица села могла быть безлюдной во время следования по нему конного экипажа Александра I, но случайно выбежавший из ворот крестьянина поросенок добавляет композиции некий сарказм и более глубокую содержательность. Присутствие скульптурного «поросенка» – важный по художественному замыслу объект внимания, особенно для детей и подростков. Да и взрослый посетитель испытывает удовольствие от воспоминаний детства и садится верхом на «поросенка», чтобы сфотографироваться на долгую память. А каждому дотронувшемуся до него – всегда быть сытым и щедрым.

И, наконец, главные персонажи в этом ансамбле. Скульптурная группа матери-удмуртки и мальчика-сына. Их силуэты динамичны, взгляд устремлен в сторону «кареты». Экспрессивность фигур говорит о «дивном событии», посетившем село. Праздничность передана в одежде женской фигуры. Именно так одевались женщины, встречая высоких гостей. Усиливает впечатление фигура

мальчика, эмоционально возбужденного и показывающего рукой на «карету» с закрепленными к ней предметами дорожного «багажа».

Объект функционален, для многих – познавателен, а кто-то видит в нем забаву. Но все его запоминают, фотографируются рядом с символическими архитектурными и скульптурными формами ансамбля.

Стилистические и композиционные приемы органично вписаны в сельскую архитектурную среду. Ажурно-просвечивающиеся конструкции стилизованных форм «надворных построек», «кареты» и «деревьев» обеспечивают безукоризненную стилистическую связь, вызывая при этом эмоциональные ассоциации с событиями исторической давности. Комплекс всех художественно-выразительных и пространственно объединяющих средств направлен на создание художественно-эстетической связи ансамбля с современным сельским пейзажем. Приемы стилизации традиционно деревянных сельских дворовых строений позволили авторскому коллективу передать их образное восприятие, независимо от того, что выполнены они из металлических профилей.

Архитектурно-художественный ансамбль вызывает у сельчан гордость за историю своего края, является символом с. Якшур-Бодья, посещаем жителями и гостями, становится объектом обязательного посещения туристическими группами.

Дизайн-проект ансамбля создан научно-творческой мастерской «ИКАСо». Руководитель проекта Иван Васильевич Сорокин – заслуженный деятель искусств УР, почетный работник ВПО РФ, доцент, зав. кафедрой дизайна среды УдГУ, член Союза дизайнеров России; Денис Владимирович Никонов – скульптор, член Союза художников России; Алена Ивановна Сорокина – дизайнер, архитектор, ст. преподаватель кафедры дизайна среды УдГУ; Екатерина Ивановна Никонова – дизайнер, ст. преподаватель кафедры дизайна среды УдГУ; Александра Петровна Сорокина – художественный руководитель проекта; Андрей Павлович Белых – юридический консультант.

При участии научных консультантов: доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки УР Нэлли Павловны Лигенко; историка-краеведа Галины Григорьевны Михайловой; заслуженного работника культуры УР, историка-этнографа, исследователя удмуртского национального костюма Серафимы Христофоровны Лебедевой.

Исполнители: ООО ПП «ЛИТ» – литейно-сварочные работы, г. Чайковский; 3АО «Строитель-2» – монтажные и сварочные работы, с. Якшур-Бодья.

Подготовительные, проектные и скульптурные работы производились с июня 2009 г. по май 2010 г. За этот период проведены предпроектные и аналитические исследования с глубоким изучением особенностей объекта, связанные с его историей. В том числе история эволюции национального костюма, характерного для местного населения, а точнее «рода Бодья». Выявлен этнический типаж портретных, родовых особенностей населения. Сделано много эскизов и зарисовок с жителей села и их костюмов. Удмуртка и мальчик, позирующие для эскизно-художественных поисков к скульптурной композиции ансамбля, имеют характерные портретные, родовые черты. Авторский коллектив дизайнеров и художников передал в дар району многие проектно-подготовительные материалы, их эскизы, которые находятся в краеведческом музее с. Якшур-Бодья.

Этнограф С. Х. Лебедева и руководитель проекта И. В. Сорокин

Фрагмент Архитектурно-художественного ансамбля «Открытый двор – Якшур-Бодья». Руководитель проекта И. В. Сорокин

Поступила в редакцию 24.04.2013

A. I. Sorokina, I. V. Sorokin

Architectural ensemble «Open yard - Yakshur-Bodya»

Today remains important to preserve and enrich people's traditions of the region, the relationship of man with each other and with the environment, education of the population of pride in the events taking place on their land. The time has come «out» of the historical memory of the open space is not only big cities, but also smaller communities. Group of designers Udmurtia proposed and implemented a version of the appeal to the historical and educational mission of artists, scholars and local historians. The project was implemented in one of the villages in Udmurtia.

Keywords: Yakshur-Bodya village, architectural and artistic ensemble, cognition, entertainment and interactivity, the symbolism.

Сорокина Алёна Ивановна,

старший преподаватель кафедры дизайна среды, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: alena40ina@mail.ru

Сорокин Иван Васильевич,

доцент, заведующий кафедрой дизайна среды, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: alena40ina@mail.ru

Sorokina Alyona Ivanovna,

Senior lecturer in environmental design, Udmurt State University

Izhevsk

E-mail: alena40ina@mail.ru

Sorokin Ivan Vasiljevich,

associate professor, head of the design environment, Udmurt State University

Izhevsk

E-mail: alena40ina@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

УДК 630(470.51)

В. А. Шадрин, Е. А. Чиркова

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА (АЭМЗ) «ЛУДОРВАЙ»
(НА ПРИМЕРЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА)

Приведены результаты изучения растительного покрова территории АЭМЗ «Лудорвай» (Удмуртская республика). Внимание уделяется анализу основных флористических параметров, выявлению процессов антропогенной трансформации и установлению экологической ценности территории музея.

Ключевые слова: экотоп, флора, растительные сообщества, антропогенная трансформация, экологическая ценность.

«Лудорвай» – это музей под открытым небом. Он находится на территории Завьяловского р-на УР, в 17 км юго-западнее Ижевска и представляет собой целостно оформленное собрание этнографических форм различных поселений, жилых и хозяйственных сооружений, располагающихся на открытой местности, то есть в природном окружении. Такой тип музеев появился с кон. XIX в. и распространился по всей территории Европы, затем появился в России [5, 7, 10].

Создание музея под открытым небом в Удмуртии связано с естественным разрушением образцов народной архитектуры и с бурным ростом научно-технического прогресса, затронувшего деревню с качественным изменением ее облика. Такие учреждения рассматриваются как место консервации самых ценных образцов материальной культуры и архитектуры в их естественном окружении [3].

Музеи под открытым небом пользуются большой популярностью у туристов. В то же время массовость туристов оказывает сильное антропогенное воздействие на живую природу, прежде всего – растительный покров. На наш взгляд, необходимо сохранять такие участки в целостности с их природным окружением, особенно те островки природы, которые пока еще слабо затронуты человеком.

В связи со сказанным цель исследования – определение экологической ценности АЭМЗ «Лудорвай» через анализ растительного покрова, для чего были поставлены следующие задачи:

- 1. Изучить биоразнообразие растительного покрова.
- 2. Проанализировать основные параметры формирования флоры: а) таксономические, б) фитогеографические, в) эколого-ценотические, г) биоморфологические.
 - 3. Выявить и описать имеющиеся растительные сообщества.
- 4. Определить и установить экотопы, представленные на данной территории и на основе их составить карту.
 - 5. Определить антропогенное воздействие на растительный покров.
- 6. Разработать примерную экологическую тропу с целью экологического воспитания.
- 7. Разработать предварительные рекомендации для снижения воздействия на природную среду и оптимизации антропогенной среды.
- 8. Определить экологическую ценность на основе следующих показателей: а) биоразнообразие, б) наличие редких, краснокнижных видов, в) историко-генетические или реликтовые элементы, г) трансформация. Информативен в данной оценке и такой показатель, как полезные и вредные виды организмов, в нашем случае растения (лекарственные, пищевые, ядовитые и др.).

В ходе проведенных в 2011 г. исследований нами получены следующие результаты. На территории выделено и изучено 14 экотопов, или местообитаний, в которых развиваются свои отдельности, или парциальные флоры (ПФ): посев пропашных культур, посев многолетних трав, посев однолетних культур, суходольный луг, низинный луг, пойменный луг, залежь, широколиственный лес, пустырь, широколиственно-мелколиственный лес, широколиственно-темнохвойный лес, темнохвойный лес, смешанный мелколиственно-темнохвойный лес, мелколиственный лес.

Их флористическое богатство (и в целом – любой территории) представляют [17] такие показатели, как число видов, родов и семейств, свойственных той или иной флоре, а также число (или процент) этих таксонов в составе более крупных систематических групп растений.

На сегодня на территории музея площадью 39,9 га выявлено 248 видов сосудистых растений, относящихся к 166 родам и 58 семействам, что отражает невысокое флористическое богатство даже по сравнению с дачей Башенина в Сарапуле, несущей по сути ту же информационную нагрузку, что и изучаемый нами объект. Однако площадь дачи составляет 3 га и произрастает на ее территории 210 видов сосудистых растений [4].

Среди выделенных нами парциальных флор максимальным флористическим богатством обладает мелколиственный лес, который представлен 105 видами, относящимися к 87 родам и 39 семействам. Значительное число видов отмечено в темнохвойном лесу (89 видов), чуть меньше — на суходольных лугах (84) и пустырях (82) (Рис. 1).

Наивысшее флористическое богатство мелколиственного и темнохвойного лесов можно объяснить тем, что в эти парцеллы, испытывающие сильное антропогенное влияние, активно привносятся синантропные виды (синантропы), создающие существенный привес в видовом составе этих природных экотопов. Немалое антропогенное влияние оказывается также на суходольные луга

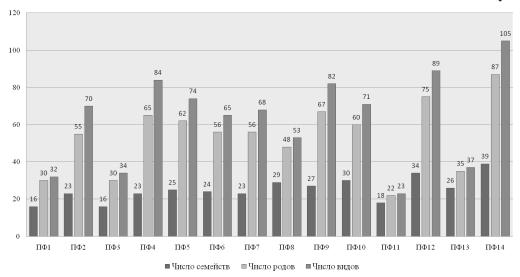

Рис. 1. Показатели богатства парциальных флор:
ПФ 1 — посев пропашных культур, ПФ 2 — посев многолетних трав, ПФ 3 — посев однолетних культур, ПФ 4 — суходольный луг, ПФ 5 — низинный луг, ПФ 6 — пойменный луг, ПФ 7 — залежь, ПФ 8 — широколиственный лес, ПФ 9 — пустырь, ПФ 10 — широколиственно-мелколиственный лес, ПФ 11 — широколиственнотемнохвойный лес, ПФ 12 — темнохвойный лес, ПФ 13 — смешанный мелколиственно-темнохвойный лес, ПФ 14 — мелколиственный лес

и пустыри, что и определяет повышенное участие видов, главным образом – синантропных, слагающих данные парциальные флоры.

Известно [13], что аналогичный всплеск отмечается в случаях, когда природная среда на фоне антропогенного давления еще сохраняет естественное развитие и поддерживает резистентную устойчивость. И наоборот, когда антропогенная составляющая начинает преобладать – происходит обеднение среды. Например, видовое разнообразие таких парциальных флор как посевы пропашных культур (32 вида) и посевы однолетних культур (34) не отличается богатством, что связано с интенсивным антропогенным вмешательством, а именно: селективной деятельностью человека.

В широколиственно-темнохвойном лесу богатство флоры минимальное. Здесь отмечены 23 вида сосудистых растений, относящихся к 22 родам и 18 семействам (Рис. 1). Очевидно, это связано с небольшой по размеру площадью данной парциальной флоры, не способной выдержать сильный прессинг со стороны человека, прежде всего – вытаптывание, и поэтому автохтонность ее развития завуалирована.

Об антропогенном давлении на территорию, особенно — на ее природную часть, испытывает, говорит и систематическая структура флоры. На фоне преобладания Magnoliophyta (процент видов — 96,37), среди которых на однодольные приходится 12,90 % и на двудольные — 83,47 %, наблюдается довольно малая доля Liliopsida, Equisetophyta, Polypodiophyta и Pinophyta (все — по 1,21 %). Это может свидетельствовать о нарушении естественного развития и наличии процессов синантропизации естественных флор.

Особенности флор, включая и их трансформацию, наглядно отражает «семейственный спектр». Согласно А. И. Толмачеву [9], полный флористический спектр в сравнительных целях обычно используется не весь, а лишь его головная часть, состоящая из 10–15 ведущих семейств. Остальные части спектра менее представительны и играют во флоре подчиненную роль.

Спектр ведущих семейств по числу видов в порядке убывания составляют Asteraceae (31 вид), Poaceae (23), Rosaceae (19), Fabaceae (18), Lamiacea (13), Caryophyllaceae (12), Apiacea (9), Ranunculaceae (8), Brassicaceae (7), Boraginaceae (7), Cyperaceae (7), Salicaceae (6), Polygonaceae (6), Violaceae (6). Первые десять семейств отображают спектр 10 ведущих семейств территории музея. Лидирующие позиции семейств Asteraceae и Poaceae объяснимы как характерные для зонально-естественных флор бореально-умеренного типа [9]. В то же время в спектре прослеживается явное участие термо- и ксерофильных семейств, таких как Brassicaceae, Fabaceae, Lamiacea, Apiacea и Polygonaceae, характерных для антропогенно трансформированных территорий [14], чему подтверждение – то, что семейство Cyperaceae, так характерное для природных сред, в нашем случае занимает лишь 11 место.

К основным характеристикам, позволяющим выявить фитологические особенности территории АЭМЗ «Лудорвай», можно отнести фитогеографический, эколого-ценотический и биоморфологический анализ флор.

Виды растений, совокупность которых составляет флору, различны в отношении их географического распространения и происхождения. Поэтому при изучении состава флоры, мы не только учитываем принадлежность к различным систематическим категориям, но и пытаемся также установить закономерности их распространения, и вероятное появление, и происхождение на изучаемой территории. При проведении фитогеографического анализа нами выявлены следующие типы ареалов: бореальный, неморальный, степной, древнесредиземноморский, адвентивный, полукосмополитный и эндемичный.

Наибольшее участие составляют бореальные виды — 57,66 % и неморальные — 17,74 %, что указывает на смешанный бореально-неморальный характер зонального развития растительного покрова территории [2]. Естественность развития флоры подтверждает и наличие на исследуемой территории растений, проявляющих реликтовый характер. Большее их число относится к третичным видам — 30. Основные виды этой группы — это плиоценовые реликты, такие как Paris quadrifolia L. (вороний глаз четырехлистный), Asarum europaeum L. (копытень европейский), Pyrola minor L. (грушанка малая), Dryopteris filix-max L. (щитовник мужской), Campanula trachelium L. (колокольчик крапиволистный), Valeriana officinalis L. (валериана лекарственная), Adoxa moschatellina L. (адокса мускусная), Aconitum septentrionale Koelle. (борец северный) и др. Из четвертичных реликтов следует указать такие виды, как Carex digitata L. (осока пальчатая), Rúbus saxátilis L. (костяника), Lathyrus vernus (L.) Bernh. (чина весенняя), Trifolium montanum L. (клевер горный), Milium effusum L. (бор развесистый) [11, 12, 15].

Следующее лидирующее место в фитогеографическом спектре занимают виды степного ареала (8,07 %), которые появляются и активизируются в основном за счет увеличения территорий открытых местообитаний на месте вырубленных

лесов, что подстегивает антропогенное остепнение, и существующих суходолов. Наибольшее влияние антропогенного остепнения наблюдается соответственно на участках, не занятых лесом, в таких $\Pi\Phi$, как посев многолетних трав (12,85 %), посев однолетних культур (11,76 %) и залежь (11,77 %), на фоне сохраняющихся естественных процессов остепнения, проявляющихся в наличии суходольных лугов, где на долю степняков приходится 13,10 %.

Адвентивные и древнесредиземноморские виды вместе составляют 11,69 %, что, безусловно, отражает нарушение естества развития растительного покрова, поскольку эти виды – чуждые для нашей зоны. Существенно усиливают свои позиции средиземноморские виды в посевах пропашных и однолетних культур (18,75 % и 20,59 % соответственно) и на залежах (14,71 %), адвентивные – в посевах однолетних культур (8,82 %).

Полукосмополитный элемент исследуемой флоры занимает предпоследнюю строку в фитогеографическом спектре флоры, он представлен главным образом только сегетальными и рудеральными растениями. Поэтому вполне объяснимо, что самая высокая представленность полукосмополитов в посевах пропашных и однолетних культур (15,63 % и 14,71 % соответственно) и на пустырях (10,97 %).

Меньше всего на территории музея эндемичных видов (1). К этому ареалу относится только Cicerbita uralensis (Rouy) Beauverd (цицербита уральская). Поэтому он не играет видной роли в формировании естества растительного покрова территории. Но, поскольку указанный вид (цицербита уральская) проявляет очевидную толерантность к некоторым антропогенным средам, можно говорить, что этот вид, по крайней мере, отражает тенденции поддержания естественного развития среды.

Усиление антропогенного прессинга, приводящего к увеличению открытых пространств, сказывается также на появлении и повышенном участии малолетних (однолетних и двулетних) растений во флоре, что отражается на соотношении основных биоморф во флоре [13]. Так, на долю малолетних видов приходится – 23,79 % (Табл. 1), на долю многолетних – 76,21 %. Не столь критичная доля первых в изучаемой флоре, все же указывает на идущие процессы синантропизации, которые не совсем явные. В противном случае в антропогенно трансформированных флорах на долю малолетников приходится 30 % и более [13].

И все же, если рассматривать ПФ на исследуемой территории, то доля малолетников с лихвой превышает порог в 30 % в таких ПФ, как посевы пропашных (62,50 %) и однолетних культур (61,76 %), пустырь (31,71 %) и залежь (41,18 %) (Табл. 1). Здесь главный фактор антропогенного воздействия – селективная деятельность (особенно в таких парцеллах, как посевы пропашных и однолетних культур), а также активное проникновение в преобразованные человеком среды (залежь, пустырь) сорно-полевых, рудеральных видов и «беженцев из культуры». Черты природного развития сохраняют смешанный мелколиственно-темнохвойный лес (доля малолетников 0 %) и широколиственный (5,67 %); основная их часть представлена многолетними видами лесных ценотических комплексов.

Анализ жизненных форм проводился по классификации Раункиера. В основе этой классификации лежит такой адаптивный признак приспособления растений к переживанию неблагоприятного сезона, как положение почек или верхушек по-

бегов в течение этого сезона по отношению к поверхности почвы. Этот анализ отражает главным образом основу биологического спектра, в составе которого выявлено безусловное доминирование на территории музея гемикриптофитов (58,87%), что свойственно умеренно-холодным голарктическим флорам бореальных областей [8]. Наличие лесных участков на исследуемой территории дополняет спектр группой фанерофитов (12,5%). При этом самая высокая представленность фанерофитов — в таких лесных ПФ, как широколиственно-темнохвойный (26,09%), смешанный мелколиственно-темнохвойный (24,33%) и мелколиственный (18,1%) леса. В спектре присутствует довольно высокая доля терофитов (14,11%), среди которых много синантропных растений, принимающих активное участие в формировании растительных сообществ на антропогенно трансформированных территориях. Среди парцелл весьма высокой долей терофитов отличаются такие, как посевы пропашных и однолетних культур (37,5% и 47,06% соответственно), залежь (25,0%). Доля хамефитов как наиболее уязвимых жизненных форм растений незначительна и в целом для флоры (1,61%), и для парцелл.

Распределение видов растений по местообитаниям, характерным для того или иного фитоценоза, отражает эколого-ценотическая структура флоры. Лидирующую ценотическую позицию в целом в ландшафте сохраняют на данный момент лесные виды (38,31 %), что, несомненно, связано с сохранившимися лесными экотопами. Максимальное значение этой ценотической группы растений принадлежит смешанному мелколиственно-темнохвойному лесу — 91,9 %. Соответственно следует ожидать заметное снижение ее роли в антропогенных средах, а именно — в посевах пропашных (9,38 %) и однолетних (14,37 %) культур и на залежах (17,65 %), где наблюдается сильное воздействие хозяйственной деятельности человека. Правда, обращает на себя внимание факт повышенного участия лесных видов на залежах, которые, зарастая, создают условия для их процветания, чем постепенно возвращают этот тип местообитаний через стадию демутации в природный оборот.

На территории музея встречаются большие по площади луга, часть которых появилась в результате хозяйственной деятельности человека, прежде всего – вырубки лесных участков. Поэтому для исследуемого ландшафта также характерны виды луговых сообществ (18,55%). Соответственно больше всего их произрастает на лугах – суходольном (39,29%), пойменном (36,92%) и низинном (32,43%). Заметно олуговение и запущенных (не обрабатываемых) парцелл, таких как пустыри (32,93%) и посев многолетних трав (37,14%).

Антроподинамические тенденции в развитии флоры исследуемой территории отражаются в повышенном участии видов открытых местообитаний (16,13 %), которые представлены в основном рудералами и сегеталами. Поэтому вполне понятно, что в группе открытых местообитаний будут лидировать парцеллы посевов однолетних (47,06 %), многолетних (22,86 %) и пропашных (53,13 %) культур, залежи (35,29 %) и пустыри (25,61 %).

Доля степного ценотического комплекса составляет (7,66 %). В то же время на таких экотопах, как залежи и посев многолетних трав, их участие довольно очевидно: 16,18 % и 15,71 % — соответственно. Антропогенные ландшафты являют собой аналог аридных местообитаний, где условия более ксерофильные.

Это и создает возможность степнякам до определенного времени проникать на подобные экотопы. Наименьшим участием отличаются дичающие культурные виды (5,24 %), но больше всего их отмечено в посевах однолетних культур (8,82 %) и на пустыре (7,32 %), куда они проникают целенаправленно (в случае посевов), либо заносятся случайно (пустыри).

Состав растительных сообществ на территории музея представлен 44 ценозами, входящими в состав лесных (широколиственные, мелколиственные, темнохвойные и смешанные), луговых и антропогенных местообитаний. В северной и центральной части преобладают лесные сообщества, на востоке и северо-западе — луговые.

Луговая растительность представлена как крупнотравными сообществами: двудомнокрапивно-ежовое, лабазниковое, купырево-свербиговое, купырево-двудомнокрапивное, кострецовое, бодяково-разнотравное, так и мелкотравными: одуванчиково-бедренцевое, разнотравное, земляничное, манжетковое, мятликово-разнотравное, одуванчиковое, бедренцево-разнотравное, подмаренниково-земляничное, разнотравно-злаковое, двудомнокрапивно-снытевое.

Немалая часть ландшафта занята антропогенными местообитаниями, где формируются рудеральные сообщества и посевы. К сообществам посевов (или сегетальным) относятся посевы чины посевной, клевера посевного, картофеля, пырея ползучего, синяка обыкновенного и фацелии пижмолистной, ячменя обыкновенного и овса посевного, люцерны посевной. Рудеральные местообитания представлены такими ценозами, как бодяковое, бодяково-донниковое, пыреевоодуванчиковое, ежово-болиголовное, марево-бодяковое, купырево-двудомнокрапивное, ромашниковое, пыреевое, пыреево-ежовое.

Как видим, территория музея представлена различными сообществами, что обусловлено как сохранившимися природными экосистемами, так и наличием антропогенных систем, в которые активная антропогенная деятельность привносит, кроме имеющихся в них видов естественных сообществ, изрядную долю адвентивных, рудеральных и сорных видов.

Известно, что антропогенные факторы нивелируют флоры, делая их унифицированными. Это свойство хорошо отражают рассчитанные значения коэффициента сходства Жаккара (Кj). Даже на уровне минимальной связи этот коэффициент показывает весьма высокое сходство синантропных флор, больше указывая на степень синантропизации флор и их локальность, чем так же часто используемый коэффициент Кендэла [14]. В то же время последний позволяет выделить или сгруппировать синантропные флоры по общности их реакции к зональности среды, отражая чаще всего стирание ее (зональности) черт. Значения коэффициента Жаккара варьируют в пределах от 0 до 1 (0 – сходства нет, 1 – абсолютное сходство), то есть чем выше значения коэффициента, тем сильнее сходство флор.

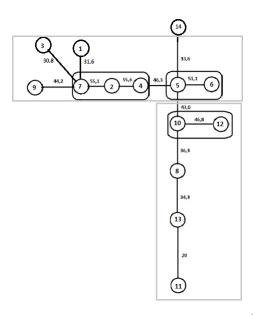
На основе анализа сходства и различия парциальных флор с использованием коэффициента Жаккара нами выделены группа антропогенных местообитаний, то есть те, что испытывают антропогенный прессинг (суходольный, низинный и пойменные луга, залежь, пустырь, посевы одно-, многолетних и пропашных культур), и группа местообитаний, сохраняющих и поддерживающих естественные

условия среды (широколиственно-мелколиственный, темнохвойный, смешанный мелколиственно-темнохвойный, широколиственный и широколиственно-темнохвойный леса) (Рис. 2).

Внутри группы, или плеяды антропогенных местообитаний, наиболее высокая связь отмечена между парцеллами: посев многолетних трав и суходолы (Kj=55,6). По-видимому, этот эффект возникает в данном случае от того, что они граничат друг с другом, при этом происходит взаимный обмен видов растений, но с большей синантропизацией суходолов. Довольно высока связь посев многолетних трав и с залежами (Kj=55,1), что можно объяснить наличием для обеих парциальных флор сходного участия сорно-сегетальных видов. Еще одну связь в группе антропогенных местообитаний составляют парцеллы низинного и пойменного лугов (Kj=51,1), поскольку они граничат друг с другом и испытывают однотипные антропогенные воздействия. К сожалению, все типы лугов на территории музея испытывают большой антропогенный прессинг и сильно засорены. Поэтому они вошли в группу антропогенных местообитаний.

Среди плеяды местообитаний, сохраняющих естественные условия среды, выделяется близкая связь между широколиственно-мелколиственным и темно-хвойным лесами (Kj=46,8). Немалую роль в схожести состава этих лесов сыграло то, что темнохвойный лес из-за некогда проведенной человеком выборочной

Puc. 2. Дендрит, отражающий степень сходства парциальных флор по числу видов (построен с использованием значений коэффициента Жаккара):

 $\Pi\Phi$ 1 – посев пропашных культур, $\Pi\Phi$ 2 – посев многолетних трав,

 $\Pi\Phi$ 3 — посев однолетних культур, $\Pi\Phi$ 4 — суходольный луг, $\Pi\Phi$ 5 — низинный луг, $\Pi\Phi$ 6 — пойменный луг, $\Pi\Phi$ 7 — залежь, $\Pi\Phi$ 8 — широколиственный лес,

ПФ 9 – пустырь, ПФ 10 – широколиственно-мелколиственный лес,

 $\Pi\Phi$ 11 — широколиственно-темнохвойный лес, $\Pi\Phi$ 12 — темнохвойный лес, $\Pi\Phi$ 13 — смешанный мелколиственно-темнохвойный лес,

ПФ 14 – мелколиственный лес

рубки стал очень разреженным, и это активно способствовало заселению его несвойственными видами, предпочитающими иные сообщества (в частности широколиственно-мелколиственное и мелколиственное), в которых, впрочем, тоже наблюдается неявное антропогенное воздействие.

При изучении процессов антропогенной трансформации оптимальны и показательны параметры, наиболее чутко отражающие изменение биоты, в данном случае — флоры и растительности, и более корректны при такой оценке. К таким флористическим параметрам относятся: процент (или доля видов 10 ведущих семейств, доля синантропных видов), доля малолетников (рассмотренный выше) и индекс синантропизации [13, 14].

Известно, что высокий процент 10 ведущих семейств – показатель большей трансформированности флор и – соответственно – меньшей их естественности. Предел природной устойчивости флор по данному показателю составляет не более 60 % [13]. Для исследуемой территории процент видов 10 ведущих семейств хотя и не превышает этого порога (59,27 %), но все же указывает, что на фоне сохранения естественных черт развития флоры явно проявляются элементы ее синантропизации. Среди парцелл экотопов тенденции естественного развития сохраняет только смешанный мелколиственно-темнохвойный лес (54,05 %). Максимальное значение данного параметра принадлежит посевам однолетних (82,35 %) и пропашных (81,25 %) культур, что, безусловно, отражает их измененное состояние. К группе антропогенно трансформированных сегетальных, рудеральных, адвентивных флор, где процент видов 10 ведущих семейств более 70 % [13, 14], также относятся посев многолетних трав (78,57 %); суходольный (80,95 %), низинный (75,68 %) и пойменный (73,8 %) луга; залежь (77,9 %) и пустырь (75,61%). Оставшиеся ПФ, представленные лесными участками, входят в группу синантропизированных естественных флор (Табл. 1).

С усилением антропогенного прессинга увеличивается доля синантропных видов. На территории музея этот показатель довольно высок (50,81 %). Среди парцелл самые высокие значения данного показателя отмечены для посевов пропашных, однолетних и многолетних культур, залежи и пустыря (100 %, 97,06 %, 82,86 %, 86,76 %, 79,27 % — соответственно), что является вполне очевидным, поскольку растения этих местообитаний, в первую очередь — синантропные виды, появились и адаптировались здесь вследствие антропогенной деятельности человека. Наименьшая доля синантропных видов наблюдается у смешанного мелколиственно-темнохвойного леса (18,92 %), которое не выходит за установленный для естественных флор порог в 30 % [13]. Остальные парциальные флоры относятся к слабо синантропизированным или уже антропогенно трансформированным, так как доли их синантропов превышают это значение (Табл. 1).

При оценке антропогенной нагрузки на ландшафт особое внимание обращают на соотношение синантропов и видов естественных сообществ, значение которого принято называть индексом синантропизации (Is) [13]. Поскольку синантропные виды в целом для территории музея составляют более половины числа видов ее флоры, то индекс синантропизации высок (1,03), что свидетельствует о подверженности растительного покрова существенным изменениям, поскольку в нетронутых и даже слабо синантропизированных средах он не превышает 0,5 [13, 14].

Таблица 1 Некоторые параметры трансформации для парциальных флор

Парциальные флоры	Параметры трансформации			
	% малолетников	% видов 10 ведущих семейств	% синантропов	Is
ПФ 1	62,5	81,25	100	34
ПФ 2	25,7	78,57	82,86	4,8
ПФ 3	61,76	82,35	97,06	33
ПФ 4	26,19	80,95	72,62	2,7
ПФ 5	13,5	75,68	72,97	2,7
ПФ 6	18,46	73,8	66,15	2,0
ПФ 7	41,18	77,9	86,76	6,6
ПФ 8	5,67	62,26	47,17	0,9
ПФ 9	31,71	75,61	79,27	3,8
ПФ 10	12,68	69,01	54,93	1,2
ПФ 11	8,7	65,22	30,43	0,4
ПФ 12	12,36	65,55	55,06	1,2
ПФ 13	0	54,05	18,92	0,2
ПФ 14	10,48	64,76	37,14	0,6
Всего	23,79	59,27	50,81	1,03

Примечание: ПФ 1 — посев пропашных культур, ПФ 2 — посев многолетних трав, ПФ 3 — посев однолетних культур, ПФ 4 — суходольный луг, ПФ 5 — низинный луг, ПФ 6 — пойменный луг, ПФ 7 — залежь, ПФ 8 — широколиственный лес, ПФ 9 — пустырь, ПФ 10 — широколиственно-мелколиственный лес, ПФ 11 — широколиственно-темнохвойный лес, ПФ 12 — темнохвойный лес, ПФ 13 — смешанный мелколиственно-темнохвойный лес, ПФ 14 — мелколиственный лес.

Минимальное значение индекс синантропизации принимает в парциальной флоре смешанного мелколиственно-темнохвойного леса (0,2). В пределах нормы данный показатель и у широколиственно-темнохвойного леса (0,4). Весьма высокое значение индекса синантропизации, не беря во внимание посевы пропашных и однолетних культур, где почти все виды, так или иначе, являются синантропными, отмечено на залежах (6,6) (Табл. 1).

Таким образом, анализ основных параметров трансформации растительного покрова априорно подтвердил наибольшую антропогенную трансформацию ПФ посевов пропашных и однолетних культур и позволил выявить ПФ, которая практически не подвергается антропогенному воздействию, а значит трансформации — это смешанный мелколиственно-темнохвойный лес. В то же время интегрированный показатель трансформации [16] не только подтвердил сказанное, но и выделил группу ПФ, где также сохраняются тенденции естества развития растительного покрова на фоне антропогенного воздействия. Это — широколиственно-темнохвойный лес, широколиственный лес и мелколиственный лес. А вот суходолы, наравне с пустырями, посевом многолетних трав и залежью испытывают довольно заметное антропогенное давление.

Кроме проведенного исследования и анализа материалов, на территории музея «Лудорвай» разработаны 2 схемы предполагаемых маршрутов учебно-познавательных экологических троп, которые учитывают необходимые требования, предъявляемые при создании маршрута экологической тропы: привлекательность, доступность, ритмичность, информативность, ориентированность на сбережение природы от возможного разрушения.

Для определения экологической ценности территории музея, кроме биоразнообразия и показателей трансформации флоры, о которых сказано выше, учитывалось наличие краснокнижных, редких и исчезающих, полезных и вредных видов растений. Краснокнижные виды к настоящему времени не выявлены, но есть виды, которые на территории музея встречаются редко, хотя для Удмуртии они таковыми не являются. Однако их наличие заметно повышает экологическую ценность той или иной территории, поскольку отражает былое природное состояние среды. Нами они выделены в группу редких и исчезающих видов, это – колокольчик крапиволистный, *Campanula latifolia* L. (колокольчик широколистный), *Viola hirta* L. (фиалка опушенная), *Viola canina* L. (фиалка собачья), щитовник мужской, *Juniperus communis L*. (можжевельник обыкновенный), вороний глаз четырехлистный, валериана лекарственная и др.

Среди полезных растений были выделены следующие группы: медоносные, кормовые, применяемые в народной и официальной медицине, декоративные, пищевые, красильные, дубильные, ядовитые, древесинные, прядильные и плетеночные [1] (Рис. 3). Больше всего медоносных видов (131), например, *Tilia cordata* Mill. (липа мелколистная), *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim. (таволга вязолистная), *Trifolium pratense* L. (клевер луговой). Группу кормовых растений составляют 114 видов. Среди них *Elytrigia repens* (L.) Nevski. (пырей ползучий), *Phleum pratense* L. (тимофеевка луговая), *Fragaria viridis* Duch. (земляника зеленая) и др., а используемых в народной медицине — 113 видов, например, *Fumaria officinalis* L. (дымянка лекарственная), *Euphorbia virgata* Waldst. Et Kit. (молочай прутьевидный), *Melilotus officinalis* (L.) Pall. (донник лекарственный). Немного

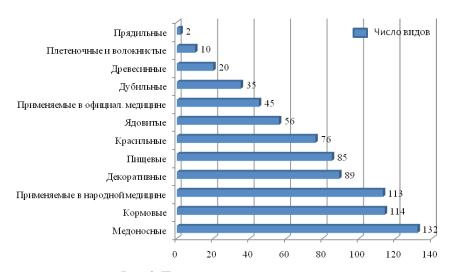

Рис. 3. Полезные свойства растений

меньше видов в группах декоративных растений — Viola mirabilis L. (фиалка удивительная), колокольчик широколистный, Centaurea cyanus L. (василек синий), Solidago canadensis L. (золотарник канадский) и др. и пищевых — Urtica dioica L. (крапива двудомная), Humulus lupulus L. (хмель вьющийся), Rumex acetosa L. (щавель кислый), Aegopodium podagraria L. (сныть обыкновенная) и др. (89 и 85 видов соответственно). Представителями красильной группы растений (76 видов) являются Abies sibirica Ledeb. (пихта сибирская), Hypericum perforatum L. (зверобой продырявленный), Chelidonium majus L. (чистотел большой), Chenopodium album L. (марь белая) и др. К ядовитым относится 56 видов, такие как Equisetum pratense Ehrh. (хвощ луговой), вороний глаз четырехлистный, Frangula alnus Mill. (крушина ломкая), Ranunculus polyanthemos L. (лютик многоцветковый) и др. [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Баранова О. Г.* Местная флора Удмуртии: анализ, конспект, охрана. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2002. 178 с.
- 2. *Ильминских Н. Г., Шадрин В. А.* Некоторые итоги изучения конкретных флор Удмуртии // Региональные флористические исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. М. Шмидта. Л., 1987. С. 93–104.
- 3. История архитектурно-этнографического музея «Ильинка» под открытым небом / Архивные документы 1998. 2 с.
- 4. Калентьева Е. С., Шадрин В. А. Особенности и антропогенная трансформация флоры природного участка урбаносреды (на примере архитектурного памятника «Дача Башенина» г. Сарапула) // Антропогенная трансформация природной среды: материалы Междунар. семинара молодых ученых (14—17 дек. 2009 г.) / Отв. ред. С. А. Кулакова. Пермь, 2009. С. 188—197.
 - 5. *Матссон-Попова С*. Швеция в «Табакерке» // Вокруг света. 2007. № 11. С. 156–160.
- 6. *Орлов Б. Н., Гелашвили Д. Б.* Ядовитые животные и растения СССР: справоч. пособие для студ. вузов по спец. «Биология». М.: Высш. школа, 1990. 227 с.
- 7. Севан О. Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2006. № 3. С. 60–69.
- 8. *Серебряков И. Г.* Экологическая морфология растений: Жизненные формы покрытосеменных и хвойных. М.: Высш. шк., 1962. 37 с.
 - 9. Толмачев А. И. Введение в географию растений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 244 с.
- 11. Шадрин В. А. Основные этапы трансформации флоры и пути сохранения реликтов в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 3. С. 104–115.
- 12. *Шадрин В. А.* Обогащение флоры Удмуртии: миграции, локализации, предпосылки и условия // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 5. С. 13–33.
- 13. *Шадрин В. А.* Флористические параметры в оценке синантропизации флоры // Сравнительная флористика на рубеже III тысячелетия: достижения, проблемы, перспективы: материалы 5 рабоч. совещ. по сравнит. флористике / Отв. ред. Б. А. Юрцев. СПб.: БИН РАН, 2000. С. 288–299.
- 14. Шадрин В. А. Оценка состояния и степени антропогенной трансформации растительного покрова // Адвентивная и синантропная флора России и стран ближнего зарубежья: состояние и перспективы: материалы III междунар. науч. конф. (Ижевск, 19–22 сентября 2006 г.) / Под ред. О. Г. Барановой и А. Н. Пузырева. Ижевск, 2006. С. 114–115.

- 15. Шадрин В. А. Растительный покров // Природные условия и экология / ГОУВ-ПО «УдГУ», Удмурт. регион. отд-ние Рус. геогр. о-ва Союза науч. и инженер. обществ. объединений УР; науч. ред.: И. И. Рысин, М. И. Шишкин. Ижевск, 2010. (Можгинскому району 80 лет). С. 72–101.
- 16. Шадрин В. А. Интегрированный показатель антропогенной трансформации растительного покрова // Проблемы изучения адвентивной и синантропной флор России и стран ближнего зарубежья: Материалы IV междунар. науч. конф. (Ижевск, 4–7 декабря) / Под. ред. О. Г. Барановой и А. Н. Пузырева. М.: Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2012. С. 224–227.
- 17. *Шмидт В. М.* Статистические методы в сравнительной флористике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 176 с.

Поступила в редакцию 15.05.2013

V. A. Shadrin, E. A. Chirkova

Ecological value of the architectural-ethnographic museum-zapovednik «Ludorvay» (for example of vegetational cover)

There are put the results of searching of vegetational cover of the architectural-ethnographic museum-zapovednik «Ludorvay» territory (Udmurt republic). The attention is paid to searching the analysis of the basic floristic parameters, showing the processes of anthropogenic transformation and setting the ecological value of the museum territory.

Keywords: ecotope, flora, vegetational community, anthropogenic transformation, ecological value.

Шадрин Василий Андреевич,

кандидат биологический наук, доцент, $\Phi\Gamma$ БО ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Чиркова Елена Александровна,

студентка,

ФГБО ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Shadrin Vasiliy Andreyevich,

Candidate of biological Sciences, associate professor, Udmurt State University Izhevsk E-mail:rvkir@mail.ru

Chirkova Elena Alexandrovna,

Student, ate University

Udmurt State University Izhevsk

E-mail: rvkir@mail.ru

ЮБИЛЕИ

УДК 001(470.22)(092)

Н. В. Чикина

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВИЧ КЕРТ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Георгий Мартынович Керт (1923-2009) – языковед, доктор филологических наук. Родился в д. Каменка Ораниенбаумского р-на Ленинградской обл. В 1950 г. с отличием окончил кафедру финноугорской филологии ЛГУ. С 1950 по 1953 гг. учился в аспирантуре Института языкознания АН СССР. В 1953 г. защитил канд. дисс. на тему «М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (так называемый III инфинитив)». С 1950 по 2009 гг. работал в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельский научный центр РАН). В 1959-1986 гг. был завсектором языкознания. В 1972 г. на основе монографии «Саамский язык» защитил докторскую диссертацию. Опубликовал 8 книг и около 250 статей, в том числе в Финляндии, Франции, Германии, Венгрии.

На материале саамского и прибалтийско-финского языков он изучал теоретические вопросы языкознания (соотношение языка и мышления, диалектология, грамматика, социолингвистика и др.). Координатор и соисполнитель темы «Лингвистический атлас Европы», соруководитель и соисполнитель темы «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков». Занимался вопросами применения ЭВМ в исследованиях топонимии, координатор и соисполнитель комплексной темы «Саамы».

В экспедициях на Кольском полуострове им собран значительный текстовой и магнитофонный материал по языку и фольклору саамов. Читал курсы саамского языка в ЛГПИ и Петрозаводском госуниверситете, финского языка – в Карельском государственном пединституте (ныне КГПА). Подготовил саамско-русский и русско-саамский словарь для школ и учебник саамского языка (в соавторстве) для педучилищ. Участвовал в работе 5 международных конгрессах по финно-угроведению, двух – по ономастике. Редактор более 20 работ. Иностранный член-корр. Финно-угорского общества, Общества финской литературы, Саамского просветительского общества. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом «Отечественной войны I степени», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями и Почетными грамотами Президиумов РСФСР и Академии наук СССР. Заслуженный деятель науки Карельской АССР и РСФСР. Имеет около 20 учеников, среди которых доктора наук П. М. Зайков, Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, кандидаты наук Л. Ф. Маркианова, Н. Н. Мамонтова и др.

Библиография (избранное):

- 1. К вопросу о второстепенных членах предложения в современном финском языке // Научная сессия, посвященная 10-летию деятельности Карело-Финского филиала АН СССР и итогам научно-исследовательских работ за 1955 г., 3–6 апр. 1956 года: тез. докл. Петрозаводск, 1956. С. 253–255.
- 2. О работе лингвистического семинара // Изв. Карельского и Кольского филиалов АН СССР. Петрозаводск, 1958. Т. 2. С. 185–186.
- 3. Значение саамского языка для финно-угорского языкознания // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 104–117.
- 4. М-овые инфинитивные формы в финском языке // Изв. Карельского и Кольского филиалов АН СССР. Петрозаводск, 1958. Т. 4. С. 156–165.

Об аналитическом способе выражения сослагательности в саамском языке // Изв. Карельского и Кольского филиалов АН СССР. Петрозаводск, 1958. Т. 5. С. 140-142.

- 5. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. Л., 1961. С. 110–134.
- 6. Образцы саамской речи: материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и иоканьгский диалекты) / Отв. ред. П. А. Аристэ, В. З. Панфилов, К. К. Конт. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 218 с.
- 7. Вопросы финно-угорского языкознания: грамматика и лексикология. М.; Л.: Наука, 1964. 287 с.: портр.
 - 8. Ф. Ф. Фортунатов в Карелии // На рубеже. 1964. № 6. С. 85–87: ил.
- 9. О принципах составления описательных грамматик бесписьменных языков // Науч. конф. по итогам работ за 1964 год. Май 1965 года. Секция языка, секция литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1965. С. 17–19.
- 10. Фонетические изменения и фонологические чередования: (на материале кильдинского диалекта саамского языка) // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 20–26.

- 11. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 110–115.
- 12. Саамский язык (кильдинский диалект): Фонетика, морфология, синтаксис / Ред.: М. И. Матусевич, В. З. Панфилов. Л.: Наука, 1971. 355 с.: ил.
- 13. Там, где ночует солнце: [об обычаях и традициях саамов] // Север. 1971. № 11. С. 96–100.
- 14. Состояние и задачи изучения языка кольских саамов // Suomalaisugrilaisen kielentutkimuksen symposiumi: Petroskoissa 26.–27.3.1974. Helsinki, 1975. С. 114–123.
- 15. Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949: Очерк о жизни и деятельности. Л.: Наука, 1975. 104 с.
- 16. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. Вып. 1. С. 159–166.
- 17. Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии / Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. Петрозаводск: Карелия, 1976. 103 с.: ил.
- 18. Сравнительное исследование лексики карельского, вепсского и саамского языков с помощью карт с краевой перфорацией // Симпозиум—79 по прибалтийско-финской филологии 22—24 мая 1979 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1979. С. 50—65.
- 19. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 64–68.
- 20 Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 1982. 111 с.: ил.
- 21. Проблемы топонимии Кольского полуострова // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 4–9.
- 22. Встречи с профессором П. Аристэ // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1985. Вып. 12. С. 43–48.
- 23. Словарь саамско-русский и русско-саамский: Пособие для учащихся начальной шк.: Около 4000 слов. Л.: Просвещение, 1986. 247 с.
- 24. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР: Препринт докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит.и истории 27 сент. 1988 г. / Г. М. Керт, В. А. Лебедев. Петрозаводск, 1988. 17 с.
- 25. Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 84–91.
- 26. Исконное и заимствованное в процессе этногенеза саамов // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 2. М., 1990. С. 97–99.
- 27. Структурные типы саамской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991. С. 64–68.
- 28. Заметки о саамской словесности // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1991. С. 22–31.
- 29. Д. В. Бубрих основатель отечественного финно-угроведения // Д. В. Бубрих: к 100-летию со дня рождения: сб. ст. СПб.: Наука, 1992. С. 5–16.

- 30. Заметки по топонимии // Родные сердцу имена: Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1993. С.81–89.
- 31. Национальная идея и межнациональные конфликты // Север. 1993. № 7. С. 142—145.
- 32. Адаптация саамской топонимии Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 38–43.
- 33. На командировки средств не нашлось: [Проблемы финно-угроведения на первой Всерос. науч. конф. финно-угроведов] // Север. курьер. 1995. 6 янв.
- 34. Вместо культуры водка: Субъектив. заметки о междунар. науч. конф. «Рябининские чтения–95» // Север. курьер. 1995. 21 сент.
 - 35. Повенец: [Топонимика назв.] // Вперед. 1996. 6 апр.
 - 36. Шуньга. Челмужи: [Топонимика назв.] // Вперед. 1996. 13 апр.
 - 37. Толвуя: [Топонимика назв.] // Вперед. 1996. 25 апр.
- 38. Ученый, педагог, литератор: К 90-летию X. И. Лехмус // Карелия. 1996. 4 окт. С. 10.
- 39. Еще не поздно: Продолжаем дискуссию по поводу проекта закона РК «О языках» // Карелия. 1996. 6 дек. С. 6.
- 40. Проблема выявления субстрата в проекте «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: междунар. симпозиум г. Петрозаводск, 9–12 февр. 1997 г. Петрозаводск, 1997. С. 53–56.
- 41. Саамские элементы в топонимии Карелии // «Рябининские чтения–95»: Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народ. культуры Рус. Севера: Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 195–200.
- 42. Компьютерный банк топонимики Европейского Севера России: TORIS: Препринт докл. на заседании Президиума Карел. науч. центра 24 апр. 1998 г. Петрозаводск, 1998. 35 с.
- 43. Создание диалектологического атласа венец лингвистических исследований // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра РАН (1994–1999). Петрозаводск, 1999. С. 137–138.
- 44. Очерки по карельскому языку: исследования и размышления / Ред. Л. Ф. Маркианова. Петрозаводск: Карелия, 2000. 111 с.: ил.
- 45. Саамская топонимия Кольского полуострова как объект исследования // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 170–177.
- 46. Создание и развитие тематического Web-сервера по топонимии Европейского Севера России / В. Т. Вдовицын, Г. М. Керт, Н. Б. Луговая, Ю. В. Чуйко // Новые методы информационных технологий: Труды НФИ'2000. Петрозаводск, 2001. Т. 3. С. 132–136.
- 47. Электронная коллекция информационных ресурсов по топонимии Европейского Севера России / В. Т. Вдовицын, Г. М. Керт, Н. А. Беляева и др. // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. RCDL'2001: Сб. тр. III Всерос. конф. по Электрон. б-кам, Петрозаводск, 11–13 сент. 2001 г. Петрозаводск, 2001. С. 199–201.
- 48. Очерки по карельскому языку: исследования и размышления. 2-е изд. Петрозаводск: Карелия, 2002. 112 с.

- 49. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская) / Ред. М. В. Горбаневский. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2002. 186 с.
- 50. Преданность делу: К 85-летию Г. Н. Макарова [извест. языковеда, специалиста по карел. яз. и уст. нар. творчеству] // Курьер Карелии. 2003. 23 янв. С. 4.
- 51. Ф. Ф. Фортунатов в Косалме // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание. Петрозаводск, 2004. С. 74–88.
- 52. К созданию литературного карельского языка: («Грамматика» Д. В. Бубриха) // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия: материалы науч.-практ. конф., Петрозаводск, 31 окт. 2002 г. Петрозаводск, 2004. С. 55–58.
- 53. Информационная система для поддержки исследований в области топонимики / Г. М. Керт, Т. В. Вдовицын // Технологии информационного общества Интернет и современное общество: Труды VII Всерос. объединенной конф., 10–12 нояб. 2004 г., Санкт-Петербург. СПб., 2004. С. 62–65.
- 54. «И делали много добра местному населению»: Известнейший рос. учен. [Ф. Фортунатов] навсегда связал свою судьбу с нашей Косалмой // Курьер Карелии. 2004. 14 сент. C. 3.
- 55. О лингвистическом наследии Д. В. Бубриха // Бубриховские чтения: проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 139–144.
- 56. Критерии идентификации саамской субстратной топонимии // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Ин-та яз., лит. и истории Карел. науч. центра РАН. Петрозаводск, 2005. С. 338–346.
- 57. Слово об учителе: [проф. Тартус. ун-та Пауле Аристэ] // Курьер Карелии. 2005. 17 февр. С. 3.
- 58. Мой первый бой: 60 лет Победы: [воспоминания участника войны] // Карелия. 2005. 24 мая. С. 11.
- 59. Мой первый заведующий: (к 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы: (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 75–81.
- 60. Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова; [худож. В. А. Наконечный]. Изд. 3-е, испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 2007. 118 с.: ил.
- 61. Дороги, которые мы выбираем: [юбилей извест. финно-угроведа М. И. Зайцевой] // Kodima. 2007. № 4 (sulak.).
- 62. Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. Петрозаводск: Карелия, 2008. 118 с.: ил.
- 63. Загадки топонимики [Карелии] / Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова // Вестник Ладожский край. 2008. 4 дек. (№ 50). С. 11.
- 64. Роль Д. В. Бубриха в становлении карельской письменности // Раскрытие потенциала современной семьи при обучении детей карельскому, вепсскому, финскому языкам: материалы науч.-практ. семинара, 7 нояб. 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 8–14.

- 65. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: [б. и.], 2009. 178 с. : ил.
- 66. Топонимия Карелии: саамские «проникновения» // Новый топонимический журнал. 2009. № 1. С. 70–79.

* * *

- 1. Vastoinkäymiset eivät kestäyttäneet Lehmuksen tutkimustyötä: [H. Lehmuksen 90-vuotispäiväksi] // Karjalan Sanomat. 1996. 9. lokak.
- 2. Kieli da valdu: Mielet kielizakonan projektah nah / Kiänd. O. Pokornaja // Oma Mua. 1996. 21. talvik.
- 3. Bubrihin seuraajat huolissaan tutkimusalansa tulevaisuudesta: [Itämerensuomalaisten kielten tutkiminen Karjalassa] // Karjalan Sanomat. 1997. 22. maalisk.
- 4. Gu äijäl uskonnet, joga ruado lüküstüü: [Kerdoi suomelaz-ugrilazien da saamen kielen tutkiju G. M. Kert / Kirjuitti M. Remsujeva] // Oma Mua. 2003. 30. pakkask.
- 5. Ken uskou, sillä kaikki onnistuu: [Tutkijan kertomus omasta elämästä] / Pakautti M. Remsujeva // Vienan Karjala. 2003. 23. pakkaisk. S. 3.
- 6. Oli Karjalan mua ainos mieles: Tunnetun kielentutkijan Filipp Fortunatovan mustokse // Oma Mua. 2004. 16. süvüsk.
 - 7. Sana opastajas: [mustelmii professoru Paul Ariste] // Oma Mua. 2005. 3. tuhuk.
- 8. Lahjakas tiedemies ja sydämellinen ihminen: Martti Kuusinen oli erinomainen sanakirjojen laatija ja opettaja // Karjalan Sanomat. 2008. 12. marrask.

* * *

1. Между прошлым и будущим: Юбилей: [80 лет Γ . М. Керту — ученомулингвисту, д-ру филол. наук, заслуж. деят. науки РФ и РК / Беседу вела Ю. Романова] // Курьер Карелии. 2003. 1 февр. С. 3.

Поступила в редакцию 7.02.2013

Чикина Наталья Валерьевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН г. Петрозаводск

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Chikina Natalia Valerievna,

Candidate of Science (Philology), research associate, The Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS Petrozavodsk

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 37(470.51)(049.32)

Ю. В. Семёнов

РЕЦЕНЗИЯ НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ПРОСВЕЩЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

Удмуртский институт истории языка и литературы Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УрО РАН) при поддержке Министерства образования и науки УР подготовили и выпустили в свет электронную версию энциклопедии «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль»*. Это историко-справочное издание, цель которого – полно и достоверно представить систематизированную информацию в области истории развития и практики образования на территории Удмуртии.

Энциклопедия является первым отраслевым изданием многотомной энциклопедии «Удмуртская Республика» — долгосрочного проекта в рамках целенаправленной работы УИИЯЛ УрО РАН по формированию свода информации о прошлом и настоящем Удмуртии, ее природе, истории и культуре.

Издание содержит около 6 000 статей, 2 000 иллюстраций и фотографий, библиография насчитывает 379 названий и 23 ссылки на интернет-ресурсы. Общий объем издания в переводе на привычный «листаж» составляет 164,3 авт. л. Сбор материала проводился коллективом с 2001 по 2008 год включительно.

Обширный фактический материал представлен в классической форме, принятой в энциклопедических изданиях. Персональные статьи, а также статьи, посвященные основным понятиям и терминам педагогики, располагаются в алфавитном порядке.

^{*} Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль [Электронный ресурс] : Энциклопедия / УИИЯЛ УрО РАН ; гл. ред. А. Е. Загребин ; сост. С. Д. Смирнова. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – (Удмуртская Республика). – Систем. требования: Pentium-совместимый 300 МГц и выше ; 128 Мб ОЗУ ; Windows XP и выше ; Super VGA (1024 х 768) и выше ; CD-привод ; Internet Explorer 6.5 и выше ; Установленные шрифты с поддержкой удмуртского языка. – Загл. с этикетки носителя. – № гос. регистрации 0321101565.

В энциклопедии содержатся сведения:

- по истории образования в Удмуртии, включая историю национальной школы;
- по истории каждого учебного заведения республики. В основе исторических очерков, составляющих тематический раздел, лежат исследования д. историч. н. М. В. Гришкиной;
- о современном уровне развития системы образования (наука, методика, практика) в УР, в том числе по городам и районам;
 - о выдающихся деятелях просвещения и образования;
 - статьи научно-справочного характера.

В целом содержательно-информационный массив энциклопедии дает весьма объемное представление об истории, современном состоянии и системе образования Удмуртии, показывает динамику формирования педагогического корпуса, развитие сети школ, подготовки научно-педагогических кадров. Особо отметим ряд статей, касающихся развития национальной школы.

Достоинством энциклопедии является значительный массив персоналий, в первую очередь педагогов, занятых в учебном процессе.

В авторский коллектив энциклопедии вошли известные ученые, доктора наук, имеющие богатый опыт практической работы в системе образования: И. В. Абрамов, Г. А. Поздеев, О. И. Шаврин, В. С. Черепанов, доктора наук М. В. Гришкина, М. Г. Иванова, К. И. Куликов, Н. П. Лигенко, Г. А. Никитина, И. В. Тараканов, Н. И. Шутова, Е. Ф. Шумилов, теоретик и практик детского движения Э. А. Мальцева и др.

При подготовке энциклопедии был использован наработанный сотрудниками института опыт составления изданий справочного характера, в том числе биобиблиографического справочника «Ученые-удмурты» (сост. Л. С. Христолюбова, Ижевск, 1997), 2-х изданий энциклопедий «Удмуртская Республика» (Ижевск, 2000; Ижевск, 2008), а также академические издания УИИЯЛ УрО РАН: «История Удмуртии: Конец XV — начало XX века» (2004) и «История Удмуртии: XX век» (2005). Каждая из книг содержит информацию о развитии образования и науки в Удмуртии. Часть использованных в энциклопедии документов по истории образования и науки в Удмуртии, введена в научный оборот впервые.

Реализовав потенциал современных цифровых технологий, авторы статей и разработчики электронной версии энциклопедии смогли компактно представить материал, обеспечив при этом удобный поиск информации. Электронная версия расширяет возможности обычного полиграфического издания — она приобретает функцию гида, позволяя легко ориентироваться в образовательном пространстве Удмуртии разных веков, отслеживать закономерности его развития.

Материалы обращены к самой широкой аудитории: от учителей и научных работников до школьников и студентов. Одно из достоинств издания – возможность интерактивного общения с читателем.

Энциклопедические издания – хороший пример сочетания фундаментальных и прикладных исследований. Выпуск отраслевых энциклопедий будет продолжен: ждут выхода в свет тома «Культура и искусство», «Здравоохранение», энциклопедический справочник «Многонациональная сценическая культура Удмуртии».

В то же время, на мой взгляд, представленный труд не свободен от недостатков. В частности, не соблюдается баланс между богатым фактическим материалом и статьями общего, обзорного характера, отражающими уровень современных достижений педагогической мысли в Удмуртии, в том числе в области этнической психологии, развития физкультуры и спорта в учебных заведениях и др. Некоторый дисбаланс прослеживается и при отборе статей, освещающих общественную жизнь школьников: акцент смещен в сторону информации, ставшей актуальной лишь в последние десятилетия: так, в энциклопедии присутствует «скаутинг», но нет материала о пионерском движении.

Подобного рода недочеты не являются системными и не меняют позитивную оценку данного энциклопедического издания в целом, они могут быть учтены при составлении запланированных изданий, в том числе исправленной и переработанной версии энциклопедии «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль» на бумажном носителе.

Можно выразить уверенность в том, что электронное издание энциклопедии станет хорошим помощником педагогам и исследователям, войдет в перечень обязательных источников при подготовке будущих учителей.

Поступила в редакцию 24.01.2013

Семёнов Юрий Валерианович,

кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск E-mail: yursem@yandex.ru

Semyonov Yuri Valerianovich,

Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: yursem@yandex.ru

УДК 811.511.131(049.32)

Г. Н. Никольская, В. М. Ившина, Л. Л. Карпова

О КНИГЕ Е. В. НАЗАРОВОЙ «УДМУРТ КЫЛ. ДЫШЕТСКОН КНИГА»

В лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии УдГУ вышла книга Е. В. Назаровой «Удмурт кыл. Дышетскон книга» (науч. ред. и руководитель д. филол. н. Р. Ш. Насибуллин).

История создания книги начиналась в сложные для страны, для российской науки 1990-е гг. – в период, когда в связи с происходившими в жизни общества преобразованиями стремительно менялись духовные ценности, нравственные ориентиры. Это время ознаменовалось этнической мобилизацией, подъемом самосознания народа. На этой волне родилась идея создания самоучителя удмуртского языка, не покидавшая Екатерину Викторовну Назарову – человека творческого, ищущего – в ее путешествиях по миру, встречах и знакомствах с новыми людьми, общении на пяти языках и наблюдаемом ею интересе иностранцев к удмуртскому языку, что только укрепляло в ней осознание необходимости такого издания и перевода его на английский и немецкий языки.

Параллельно работа над самоучителем велась и в лаборатории лингвистического картографирования. Е. В. Назарова и коллектив лаборатории вложили в книгу многолетний опыт исследования удмуртского языка, что позволило отразить в ней не только состояние современной удмуртской грамматики, включив апробированные, общепризнанные положения, но и внести в них некоторые коррективы (например, пункт о наличии седьмого личного местоимения, поправки в терминологии и др.). Требованиями современного читателя определилась структура книги, в которой соединены принципы учебного пособия и самоучителя. Кроме того, она снабжена кратким удмуртско-русским и русско-удмуртским словарем, который окажет существенную помощь при изучении языка. Предлагаемые автором учебного пособия «Удмурт кыл» и коллективом лаборатории лингвистического картографирования подходы к изучению удмуртского языка, а также вновь выдвигаемые в учебнике положения не исключают дискуссий.

К читателю

Вы открыли книгу, которая является учебным пособием по удмуртскому языку. При большом желании и при усердном изучении удмуртского языка с использованием этой книги вы добьетесь желаемых результатов. Вы заговорите на удмуртском языке на бытовые темы (о семье, работе, учебе, друзьях и т.д.). Узнаете много интересного об Удмуртской Республике, о ее символах: флаге, гербе, гимне, – ее городах, районах, столице Удмуртской Республики – городе Ижевске. Книга знакомит с культурой, традициями и обычаями удмуртского народа, а также с некоторыми известными людьми республики: писателями, художниками, их творчеством.

Удмуртский язык – второй государственный язык Удмуртской Республики, что предполагает широкое использование его в различных сферах жизнедеятельности многонациональной республики. Поэтому в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом общего образования в республике достойное место должно отводиться изучению удмуртского языка на всех уровнях образования: детский сад, школа, лицей, гимназия, вуз. При этом изучение удмуртского языка должно организовываться не только на уроках, но и в кружковых и на факультативных занятиях – с целью углубления и совершенствования знаний у подрастающего поколения о языке, истории и народе этого края.

Если вы изучали удмуртский язык в школе, то работа с этой книгой поможет вам углубить и расширить ваши знания, умение правильно и интересно говорить на удмуртском языке. Вы усвоите удмуртскую оригинальную лингвистическую терминологию, например, асланга (гласный звук), *чошланга* (согласный звук), карон кыллэн залог кабез (категория залога), ваче мурто ним воштосъёс (вза-имно-личные местоимения) и др.

В книге использовано большое количество фольклорного материала: сказки, пословицы, поговорки, скороговорки, считалки, загадки, рецепты национальных блюд, формулы речевого этикета. Выучите из них те, которые особенно вам понравились, используйте их в своей речи при общении с друзьями, знакомыми в дружеской беседе. Вы непременно оставите о себе самое приятное впечатление как хорошо осведомленных об Удмуртской Республике, его жителях с многонациональным составом, их дружбе, взаимопонимании и взаимопомощи.

Пособие состоит из вводной части, куда входят 2 урока и основной части, состоящей из 18 уроков. Каждый урок включает лингвистический и практический (тренировочный) материал. Лингвистический материал каждого занятия составлен так, чтобы можно было легко выйти на речевую практику. Например, урок № 1 предусматривает знакомство с существительными и местоимениями, которые заменяют существительное, и синтаксическими конструкциями, в которых они функционируют. Обучающиеся анализируют предложенные конструкции, самостоятельно составляют аналогичные, используя их в практике речи. Тренировочные упражнения включают прозаические и стихотворные тексты, по ходу выполнения которых выявляются значение, функции, способ образования и роль изучаемых грамматических явлений в связной речи.

Таким образом, данное учебное пособие из урока в урок направляет работу по расширению словарного запаса, усвоению грамматического материала

и типовых речевых конструкций, что позволяет обучающимся легко включиться в общение на удмуртском языке.

Весьма ценным в книге является «Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь», в который вошли слова, использованные в пособии. Изучая удмуртский язык по данному пособию, при необходимости всегда можно обратиться к Словарю, где дается толкование лексического значения слова, обращается внимание на многозначность слов, указываются синонимы объясняемого слова. По Словарю можно проводить и тренировочные упражнения. Например, составить словарь названий флоры и фауны, подобрать слова-антонимы, слова-синонимы и др. Упомянутый Словарь окажет вам большую помощь в обогащении словарного запаса, научит работать с различными типами словарей: толковым, синонимов, орфографическим и др.

Изучайте удмуртский язык, общайтесь на нем. Его усвоение откроет вам новый интересный мир и обогатит вас новыми знаниями.

Желаю вам больших успехов!

Никольская Глафира Николаевна,

доктор педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук г. Москва

E-mail: rvkir@mail.ru

Nicholas Glafira Nikolaevna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Academician of the Academy of pedagogical and social Sciences Moscow

E-mail: rvkir@mail.ru

О новом учебном пособии «Удмурт кыл» Е. В. Назаровой

Издательство «Удмуртский университет» в кон. 2012 г. выпустило в свет новое учебное пособие «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») Е. В. Назаровой. Его научным редактором является д. филол. н. Р. Ш. Насибуллин. Рецензировали данное издание д. педагог. н. Г. Н. Никольская, д. философии по уральским языкам Л. Л. Карпова, канд. филол. н. О. Б. Стрелкова. Недавно в Доме Дружбы народов УР с успехом прошла его презентация при участии автора, редакторского коллектива, научно-педагогической общественности, творческой интеллигенции Республики.

Общеизвестно, что с 2001 г. в нашей Республике удмуртский язык получил статус государственного языка наравне с русским (Закон УР от 6.11.01). Функционирует Государственная программа по реализации Закона УР «О государственных языках Удмуртской Республики». В общеобразовательных школах республики удмуртский язык изучается в качестве самостоятельного учебного предмета, в некоторых — на факультативной основе. Массовым тиражом издаются типовые школьные учебники по удмуртскому языку. В соответствии с новыми

нормативными требованиями обновляется их содержание и совершенствуются технологии обучения, разрабатываются новые УМК, в том числе и в электронных вариантах.

В арсенале современных средств обучения языкам (аудиовизуальных, звуко-, свето- технических возможностей) ведущее место по-прежнему занимают учебные издания. К сожалению, в учебно-методических отделах массовых и школьных библиотек не наберется и десятка названий специальных программ, учебных пособий, разговорников и самоучителей, ориентированных на самостоятельное изучение удмуртского языка. Единичные издания разных лет: «Дуно эше» Б. Загуляевой, А. Решетниковой, «Марым, лэся» Ю. Перевощикова, И. Ганеева, «Тэ-тэ» А. Арзамазова, «Учебное пособие по сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков» Б. Каракулова и М. Каракуловой, «Лабыр-лабыр лабыртом!» М. Самаровой и О. Стрелковой, учебные пособия «Удмуртский язык» Н. Кондратьевой и Н. Тимерхановой — напечатаны мизерными тиражами и ни разу не переиздавались. Кроме того, никто не отслеживал и не анализировал, насколько перечисленные издания востребованы и продуктивны для практического овладения удмуртским языком как вторым государственным.

Отдадим должное Е. В. Назаровой и коллегам из лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии ФУНОЦ ГТ УдГУ, приложившим усилия для совершенствования рукописи (редакторскому коллективу, художнику) и выпуска в свет новой, интересной по оформлению и привлекательной по содержанию книги. Издание получилось солидным и уникальным прежде всего благодаря тому, что оно вбирает в себя элементы и самоучителя, и разговорника, и учебно-справочного пособия. В результате появился новый тип учебного пособия — коммуникативный учебник, реализующий концепцию коммуникативно-деятельностного метода обучения и ориентирующий желающих на обучение в различных сферах речевой деятельности.

Одно из бесспорных достоинств книги — тщательный отбор грамматического материала, представленный моделями предложений, речевыми образцами и правилами употребления материала в речи.

Грамматика вводится функционально: содержание текста определяет порядок введения грамматического материала. Представляют интерес социокультурный материал (тексты включают сведения о национальных особенностях языка и культуры удмуртского народа), а также система языковых и речевых упражнений, направленные не только на усвоение материала, но, главным образом, на формирование и развитие коммуникативных навыков. В отличие от существующих пособий, ориентированных на интенсивный разговорный курс удмуртского языка, данное пособие представляет собой систематический курс языка, с введением в оборот современной терминологии и ориентацией на усвоение языка при практической направленности. Достоинство книги — также введение в ее структуру двуязычного словаря, который дан в виде приложения.

Пособие Е. В. Назаровой рассчитано на более продвинутого читателя или на активно желающего изучить удмуртский язык. Оно адресовано тем, кто хорошо усвоил школьный курс русского языка, поскольку материал каждого

урока подается в сопоставительном варианте. В этом – специфика учебника и его сильная сторона. Книга «Удмурт кыл» может быть полезна студентам, учащимся ССУЗов, взрослому населению. Мы бы рекомендовали ее также в качестве пробного учебного пособия для студентов филологических и других гуманитарных факультетов. По мере апробации, безусловно, появятся уточнения и дополнения в содержании и методическом аппарате, так что в результате совершенствования его можно будет в итоге рекомендовать вузам как типовой стабильный учебник для обучения удмуртскому языку как государственному.

Ившина Валентина Михайловна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Ivshyna Valentina Mikhailovna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), senior research associate, Udmurt state university Izhevsk

E-mail: rvkir@mail.ru

Рецензия на книгу Е. В. Назаровой «Удмурт кыл: дышетскон книга» (Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 430 с.)

Благодаря социально-политическим изменениям, происходящим в обществе, возникла необходимость в изучении национальных языков народов России. В многонациональной Удмуртской Республике продолжается процесс активного обучения удмуртскому языку в детских садах, школах, техникумах, высших учебных заведениях с русскоязычной аудиторией. Многие вопросы, связанные с особенностями преподавания удмуртского языка в русскоязычной аудитории, еще не исследованы. Кроме того, решение основных методических проблем пока отстает от потребностей практики: остро ощущается отсутствие единых, общепринятых подходов как в отборе языкового материала, так и в формах его подачи для формирования при малом объеме теоретических знаний практических речевых, орфографических и других умений. Сказанное позволяет считать задачу составления и издания методических разработок наиболее актуальной.

Рецензируемая книга представляет собой учебное пособие по удмуртскому языку, адресованное студентам, учащимся и другим лицам, приступающим к изучению удмуртского языка. Основная цель пособия – самостоятельное изучение удмуртского языка в пределах, позволяющих читать и переводить несложные тексты, а также формирование элементарной коммуникативной компетенции и навыков практического владения нормативной грамматикой разговорной речи. Содержание и построение учебного курса, отбор и организация материала в этом пособии подчинены реализации принципов сознательности, активности и самостоятельности обучающихся.

Отличительная черта книги — ее полифункциональность: это и учебное пособие для организации фрагментов урока или факультативных занятий, и самоучитель.

Пособие учитывает соотнесение внешней и внутренней структуры в деятельности обучающегося. В процессе самообучения параллельно и взаимосвязанно формируются навыки и умения в основных видах речевой деятельности при активном и систематическом обращении к таким видам учебы, как работа с лексикой, перевод, чтение, письмо и письменная речь, что позволяет интенсифицировать процесс самообучения и обеспечить максимальное использование в речи иноязычного материала, способствуя активному формированию иноязычной речемыслительной деятельности.

В структуре учебного пособия – вводный и основной разделы. Вводный курс содержит 2 урока. Основная его цель – научить читать, писать и правильно произносить удмуртские звуки, а также создать необходимые предпосылки для дальнейшего самообучения.

В 18 уроках основного курса освещаются грамматические положения, существенно значимые для овладения языком в пределах поставленной цели. Несомненное достоинство учебника в том, что в обоих разделах представлены основные виды учебной деятельности: чтение, аудирование, говорение и письмо. Каждый урок состоит из грамматических и лексических пояснений, текстов, упражнений. Тексты направлены на формирование готовности к коммуникации в целом и на углубление своих знаний в области истории и культуры удмуртского народа. Визуальный образ каждого текста как единицы иноязычного коммуникативно значимого материала призван помочь ориентироваться в явлениях удмуртской грамматики.

Грамматические задания представлены для закрепления нового материала и повторения пройденного. Некоторые уроки содержат таблицы и схемы для более легкого усвоения грамматического материала. Разного рода упражнения введены для закрепления правил: это – грамматические задания, задания на развитие устной речи, тексты для чтения и др. Доступное объяснение грамматики, достаточность упражнений на отработку явлений, которые даются в ситуациях реального общения, – все это делает процесс усвоения грамматического материала увлекательным и эффективным.

Важное место в рецензируемом труде занимает освещение вопросов этнокультурного аспекта. Тексты для чтения знакомят обучающихся с историей народа, литературой, географией, искусством, наукой. Включенные в учебник пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, считалки, формулы речевого этикета сориентированы таким образом, чтобы учащиеся через них могли выражать свое мнение по тому или иному поводу. Это способствует усвоению социокультурных норм поведения в условиях межкультурного общения. Большую ценность представляет и художественное оформление книги: в рисунках и других элементах также передается информация о культуре и мировоззрении удмуртов.

Безусловную удачу учебного пособия мы видим в повторяемости лексики, что значительно облегчает усвоение новых слов. Учебник снабжен достаточным и разнообразным материалом для самостоятельной работы над языком. Един-

ственное, чего, на наш взгляд, не хватает в пособии, — это материала для развития навыков устной речи. В частности, полагаем целесообразным несколько усилить этот аспект добавлением тем для обсуждения, диалогов и монологов и включением разных видов ролевых игр.

Обучение письму представлено в пособии с весьма выигрышной стороны: оно непосредственно связано с ситуациями, с которыми обучающиеся сталкиваются ежедневно, что отражают сами задания: как писать письмо, рецепт любимого блюда и др. Из личного опыта можем подтвердить, что обучающиеся с большим желанием выполняют подобные задания.

Несомненное достоинство данной книги – краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь, построенный с учетом лексики – соответственно урокам основного курса. В него вошли также наиболее часто употребляемые слова и выражения – тот минимум словарного фонда, который будет необходим при изучении удмуртского языка. Систематическое обращение к этому Словарю в ходе работы над каждым уроком должно способствовать формированию навыков работы с большими и малыми удмуртско-русскими словарями.

Таким образом, учебный материал пособия подобран профессионально, методический аппарат четко и логично выстроен, последователен относительно целей каждого раздела. Книга содержательна и информативна по своему характеру. Бесспорно, это очень ценное и полезное пособие может быть использовано как для самостоятельного изучения языка, так и на факультативах и в различных кружках. Книга может быть востребована в учебном процессе на филологических и других гуманитарных факультетах при изучении сопоставительной грамматики удмуртского и русского языков.

Карпова Людмила Леонидовна,

доктор философии, старший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск

E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova Lyudmila Leonidovna,

Doctor of philosophy, senior research associate, Udmurt institute of history, language and literature of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: karpovalud@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.05.2013

ОТЗЫВЫ

УДК 811.512.145(049.32)

Ф. И. Тагирова

ОТЗЫВ О КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ РАЗИЛИ ЗУФАРОВНЫ САДЫКОВОЙ «ВАЛЕНТНОСТЬ ТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА»

Современный этап развития лингвистической науки, на наш взгляд, характеризуется все более растущим уровнем теоретических изысканий, направленных на осмысление и систематизацию ранее полученных научных результатов, обобщение и унификацию научного знания. Исследования, сопряженные с анализом больших объемов теоретического и фактологического материала, в которых идет непосредственная сортировка, обработка, кодировка, систематизация, классификация языкового материала, являются базисными, обеспечивающими дальнейшее развитие определенного направления лингвистики. Тем больше требований предъявляется к достоверности результатов и больше ответственности ложится на автора исследования. Оппонируемая диссертация Садыковой Разили Зуфаровны «Валентность татарского глагола», по нашему мнению, стоит в ряду именно таких исследований.

Обозначенная проблема представляет бесспорный научный интерес, так как в татарском языкознании в последние десятилетия ощущался существенный недостаток внимания лингвистов к исследованию как частей речи вообще, так и глаголов в частности. Работ, посвященных исследованию грамматических категорий глаголов, их функционально-стилистических особенностей, системно-парадигматических отношений и т.п., явно недостаточно, и проблема валентности татарского глагола оставалась в ряду не исследованных монографически. Диссертация Р. 3. Садыковой, будучи в татарской лингвистике первой работой, посвященной системному исследованию глагола в аспекте его валентностного потенциала, призвана восполнить этот пробел, чем и определяются ее своевременность и актуальность.

Цель и задачи диссертационной работы определены предельно четко. Целью работы является описание системы валентностных категорий глагола татарского языка и выявление их специфики. Сообразно обозначенной цели оговорены задачи, основными из которых являются определение теоретических основ концепции валентности для выявления состава и семантики валентностей глаголов татарского языка; описание валентностных свойств глаголов движения и действия в татарском языке; анализ структурно-грамматических способов выражения актантов

и распространителей при глаголах и т.д. Для достижения поставленной цели диссертантом проделана большая кропотливая работа, теоретические результаты которой нашли отражение в виде положений, выносимых на защиту.

Достоверность результатов исследования не вызывает сомнений, так как обеспечена привлечением к анализу значительного корпуса языкового материала, основательной методологической базой, применением методов и приемов, наиболее эффективных для лингвистического описания, в том числе метода дистрибутивного, компонентного, количественного анализа, контекстуального метода (актантного, валентного), сравнения и сопоставления и др.

Композиционная структура диссертационной работы выстроена достаточно четко и последовательно в соответствии с намеченной целью и задачами, а также сообразно логике исследования теоретического и собственно языкового материала. Диссертация общим объемом в 199 стр. состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы на русском и татарском языках и списка лексикографических источников.

Во Введении обосновываются необходимость и целесообразность изучения валентностных свойств татарского глагола, подчеркивается, что это «вносит весомый вклад в изучение теории семантического синтаксиса татарского языка» (С. 7). Также освещается история, степень изученности темы и проблемы, анализируются труды многочисленных авторов по этой теме, определяются предмет, цель и задачи исследования. Главным аргументом в пользу актуальности диссертации является то, что она посвящена системному исследованию проблемы, которая до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения в татарском языкознании. Таким образом, Введение снабжено всеми необходимыми реквизитами, призванными кратко отразить структуру и суть работы.

Первая глава, посвященная общетеоретическим аспектам исследования валентности глагола в общем, русском и татарском языкознании, состоит из шести параграфов. В них, в первую очередь, устанавливается суть понятия валентности, далее последовательно прослеживается история становления теории валентности на фоне эволюционирования грамматической науки в целом. Диссертант определяет вклад каждого исследователя в развитие теории валентности, новизну идеи и его место в этой последовательности. Так, автором выделены (как качественно значимые) такие ключевые моменты, как распространение теории валентности на другие части речи кроме глаголов, переход ученых от синтаксических исследований к семантическим, и др. Правда, при этом не всегда сохраняется хронологический принцип, который, по нашему мнению, предпочтителен при освещении истории вопроса (С. 4-5, 14-15). Впрочем, выбор автора может быть обусловлен другими мотивами. Оценивая вклад представителей различных направлений в разработку теории валентности, автор вырабатывает собственный алгоритм определения валентности глаголов, в итоге чего, на основе тщательного анализа теоретических воззрений своих предшественников, диссертант четко формулирует проблему в аспекте своего исследования и столь же четко обозначает свою позицию относительно природы и форм актуализации валентности у татарского глагола. Так, автор оценивает валентность как синтез лексической семантики и синтаксической структуры текста. Тезы о детерминированности валентностных свойств,

особенностей реализации семантических актантов и сирконстантных окружений глагола лексико-грамматическими категориями глагола, свойственными конкретному языку, а также наличием особенностей залоговых форм глагола, большим разнообразием синтаксических структур предложения в татарском языке, на наш взгляд, не только выражают суть первой главы, но и являются основой для следующих глав. Это еще раз свидетельствует о системном характере исследования.

Вторая глава, рассматривающая валентностные свойства глаголов движения в татарском языке, при кажущейся перегруженности иллюстративными примерами, после надлежащего рассмотрения оставляет впечатление тщательности проведенного анализа и стройного логического изложения. Взяв за основу теоретические положения первой главы и последовательно их развивая, диссертант подвергает скрупулезному анализу глаголы движения: выявляет валентностные варианты глаголов движения, выстраивает их валентностную структуру и т.д. В результате устанавливает, что у глаголов движения наиболее часто реализуется семантическая валентность места и маршрута, реже встречается валентность конечной точки движения или цели. Утверждения автора о том, что определяющую роль в валентности глаголов направленного движения играют пространственные компоненты, что глагол кичу 'перейти' характеризуется сдвинутыми формами актантов, где локальная валентность выражена в форме винительного или именительного падежей, что глаголы движения с общим значением являются одновалентными в случае употребления в переносном значении и в абсолютном смысле, нам представляются предельно обоснованными.

Формулы, примененные автором для передачи структуры валентностных вариантов глаголов, позволяют более наглядно продемонстрировать их особенности и облегчить визуальное восприятие материала. В этом плане использование таблиц, например, для сравнения валентностной структуры глаголов движения с глаголами другой семантической группы или для отражения частотности реализации актантов, сослужило бы еще более ценную службу.

Третья глава «Валентностные свойства глаголов действия в татарском языке» логически продолжает вторую с точки зрения методологии. Здесь глаголы действия исследуются в свете новейших достижений отечественной и зарубежной лингвистической науки, с учетом их семантических и функциональных особенностей. Так, автор устанавливает, что наиболее типичны для глаголов общего действия сирконстанты места, времени, образа действия; предложения с глаголами данного микрополя могут включать также и сирконстанты периода, цели, меры. Другие положения, выработанные в ходе анализа, также представляются нам достоверными. Например, по утверждению диссертанта, в татарском языке наблюдаются явления несоответствия содержательной валентности предиката валентности глагола, что обусловлено наличием включенных актантов в семантике глагола. Образование новой валентности в татарском языке наиболее ярко представлено в глаголах действия, отличающихся большим разнообразием каузативных структур, которые образованы с помощью понудительного залога. Формулы сочетаемости глаголов придают общей картине исследования еще большую четкость и краткость. Обильный иллюстративный материал служит серьезной доказательной базой, хотя в нем есть спорные случаи. Так, пример шәһәргә ракеталар ату обстреливать город

ракетами' (С. 166), на наш взгляд, не совсем точно отражает суть конъюнктивной валентности. Впрочем, подобные случаи скорее исключение, чем правило.

Заключение максимально полно и адекватно отражает глубину и логические результаты, достигнутые в ходе исследования. Основные его выводы исследования позволяют составить целостную картину реализации валентностного потенциала татарского глагола, что дает нам основания утверждать, что задачи данного диссертационного исследования успешно решены.

Диссертация написана хорошим литературным языком, выдержана в строгом, лаконичном научном стиле. Несмотря на то, что в работе поднимаются и решаются сложные теоретические вопросы, требующие специальной терминологии, она не перегружена ею и воспринимается довольно легко.

Результаты рецензируемой работы должны найти широкое применение в исследовательской и вузовской практике, в том числе в процессе подготовки лекционных курсов для высших и средних учебных заведений, в разработке учебных пособий и чтении спецкурсов по морфологии, синтаксису, лексикологии, при составлении двуязычных словарей и т.п.

В целом диссертация Садыковой Разили Зуфаровны является самостоятельной законченной исследовательской работой, выполненной на актуальную тему. В диссертации получены новые научные результаты, вносящие существенный вклад в развитие татарского языкознания.

Автореферат и опубликованные работы автора (6 статей, в том числе в журнале из списка рецензируемых ВАК $P\Phi$) адекватно отражают основное содержание диссертации, в совокупности достаточно полно раскрывая заявленную тему.

Диссертация Садыковой Разили Зуфаровны «Валентность татарского глагола» полностью соответствует всем требованиям ВАК, предъявляемым к работам данного характера, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (татарский язык).

15 апреля 2013 г.

Поступила в редакцию 15.05.2013

Тагирова Фарида Инсановна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ г. Казань

E-mail: feride2412@mail.ru

Tagirova Farida Insanovna,

Candidate of Sciences (Philology), senior research associate, Institute of Language, Literature and Art by G. Ibragimov of the Academy of Sciences of RT

Kazan

E-mail: feride2412@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

- Процессы социальных изменений технологии развития финно-угорских этносов
 - Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
 - Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
 - Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
 - Особенности менталитета финно-угорских народов
 - II. Проблемы развития финно-угорских этносов
 - История и перспективы развития финно-угорских языков
 - Тенденции развития финно-угорских литератур
 - Историко-культурное наследие финно-угорских народов
 - Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата A4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа — 2 см, сверху — 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал — одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий - 1–5 стр.; для рекламы - 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3-5 предложений -10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте — 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт); инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной); аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество -10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail -10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-61-83

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований «Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 2

Составители – A. E. 3агребин, A. B. Ишмуратов, <math>P. B.Кириллова Дизайн обложки – Л. H. 3агуменова

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова* (Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 7.06.2013. Печать офсетная. Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 11,90. Уч.-изд. л. 9,62. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет» 426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4. Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru